

Б. ГОМБЕРГЪ.

ОПЫТЪ
ИЗЛОЖЕНІЯ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ
ЭТИОЛОГИИ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Ч. I.—Чезаре Ломброзо и уголовная антропология.

Дорогой памяти безвременно
угасшей сестры посвящаю.

КЛІВЪ.
Типографія 2-й артели, Б.-Владимірская № 43.
1911

Оглавление.

1) Государство и личность. Ихъ взаимныя отношенія. Понятіе права: Jering и Merkel, Stirner и Nietzsche. Кант. Тенденціозность и дутый гиперболизмъ метафизиковъ. Понятіе наказанія: Stoss . . . 5—8

2) Юриспруденція въ широкомъ смыслѣ слова. Криминалистика и научная психологія. Уголовное право, какъ наука, и философія: Проф. Сергѣевскій, Кант. Barthélemy-Saint-Hilaire. Отношеніе натуралистовъ къ философіи — Ernst Häckel. Petzold, какъ выразитель эклектизма. Факторы преступности. Эпоха отсталости науки уголовного права. Eduard Henke и Lombroso. Связь уголовного права съ дѣйствительной жизнью. Понятіе этиологіи преступленія 8—12

3) Криминальная антропологія и классическая школа уголовного права. Понятіе антропологіи — Broca, Topinard. Оживленіе уголовного процесса ученьемъ италіанской школы. Saleilles и индивидуализація наказанія. Врачебная экспертиза на судебномъ слѣдствіи. Положительныя заслуги уголовной антропологіи. Понятіе преступленія по Lombroso. Философскій базисъ школы. Неустойчивость основныхъ положеній криминальной антропологіи. Ученики Lombroso—Ferri, Marro, Дриль и Тарновская. Внесенныя ими поправки въ опредѣленіе понятія преступленія. Объясненіе теоретической непоследовательности Lombroso 13—21

4) Историческая перспектива основныхъ тенденцій уголовной антропологіи: Lavater, Gall, Läuvergne, Casper, Avé-Lallement, Достоевскій, Morel, Despine, Maudsly. 21—37

5) Дѣленіе Lombroso преступниковъ на разряды. Преступники по страсти. Псевдо-преступники. Криминалоиды. Stigmata degenerationis. Непрочность и неудовлетворительность классификаціи Lombroso. Двѣ группы злоумышленниковъ — случайныхъ и импульсивныхъ. Патологія преступленія: Tardieu, Krafft-Ebing, Legrand du Saulle, Mac-Donald. Нравственное помѣшательство и книга Freidrich-a Scholz . . . 37—48

6) Патологическая анатомія и антропометрія преступленія. Camper и его „angle facial“. Carl Gustav Carus. Изслѣдованіе дегенеративныхъ признаковъ у преступниковъ. Неустойчивость понятія дегенераціи: Paul

Möbius и Paul Guder. Психическія аномаліи. Работа проф. Ноше. Естественное затрудненіе въ опредѣленіи понятія нормальныхъ свойствъ человѣка: Francotte и Féré.—Черепныя аномаліи. Диссертація проф. Hirsch, Laurent, Baer, Lélut. Экзогенныя причины, обуславливающія измѣненіе формы головы — рахитъ и Elsässer. Hippocrate и теорія milieu. Morel, Spencer. Процессъ рожденія въ связи съ патологическими явленіями черепной коробки—Boivin, Толочиновъ, Gudden, Rieger, Aug. Gottl. Richter. Wolff и Sernoff о недостаткахъ криминальной антропологии. Fossa occipitalis: Проф. Debière. Мечниковъ и Mantegazza. . 48—66

7) Мозговыя аномаліи. Натянутость доктрины Lombroso. Призрачность обоснованія типическихъ отношеній при изученіи мозговыхъ извилинъ: Theodor Meynert, Herm. Naumann, Moriz Benedikt. Кѣтки мозгового вещества, вѣсъ мозга въ связи съ интеллектуальными и нравственными достоинствами субъекта—Theodor Bischoff, Wilhelm von Leube, Hermann Welcker, Leuret и Gratiolet.—Сравненіе урожденнаго преступника съ душевно-больнымъ. Психическія и нервныя заболѣванія, какъ слѣдствіе milieu, интоксикацій, физиолог. и механ. вліяній: 1) капиталистическая форма соц. общежитія—проф. Ковалевскій, Rud. Leubuscher, Stadelmann, Lud. Meyer; 2) Тюрьма, какъ разсадникъ психозовъ—Rob. Sommer и психіатры: Krafft-Ebing и Max Dost; а) образованіе преступнаго типа въ мѣстахъ заключенія — Émile Dortel, Ad. Guillot и Gautier. 3) Алкоголь — Prof. Mendel, Magnan, Baer, Alfred Grotjahn; а) неудовлетворительное питаніе: Толочиновъ, Vogt. 4) Менструальные психозы и гебефрениа: D-r Windscheid, Krafft-Ebing, Löwenfeld, Ewald Hecker. 5) Травма: Henoch, Rieger, Broussais.—Вопросъ о патогеніи церебральныхъ расстройствъ. Мнѣніе проф. Roux. Moriz Benedikt и специфическій видъ мозга у различныхъ расъ. Forel et Mahaim и Theodor Bischoff въ связи съ неустойчивостью положенія объ аномаліяхъ психическихъ, какъ естественномъ слѣдствіи анатомо-патологическихъ расстройствъ 66—84

8) Вопросъ объ аномаліяхъ внутренностей у профессиональныхъ злоумышленниковъ. Іенскій проф. Зибертъ и consensus въ теоріи общей патологіи. Этиологія желудочно-кишечныхъ заболѣваній: Ad. Strümpel, Nuchard. Пораженія сифилитич. происхожденія: Alb. Reeder и Jullien. Вліяніе спиртныхъ напитковъ и интоксикаціи на внутренніе органы: Baer, Жакку, Mehring. Alois Kustermann о развитіи туберкулеза въ тюрьмахъ. Воздухъ и гигиена: Hermann Lebert и Ranke. Отраженіе физическихъ напряженій на сердце: D-r Niemeyer. Психическія возбужденія въ связи съ заболѣваніями желудка и сердца: Wilhelm Fleiner и Fr. Albin Hoffmann. Rud. Virchow и его воззрѣнія на живой организмъ. Неразрывное соотношеніе тѣлесныхъ и душевныхъ функцій—проф. Яновскій.—Антропометрія и физиономія преступниковъ. Тенденціи Lombroso и Thompson-а. Шаткость вѣншихъ стигматовъ, какъ базиса къ построенію широкихъ обобщеній. Henle и Karl Langer. Взваливаніе

Lombroso вина при установленіи т. наз. типическихъ отношеній на статистическій релятивизмъ. Неосновательность этихъ притязаній—*Quetelet, Al. von Oettingen, Louis Weber*. Случай, какъ регуляторъ найденныхъ *Lombroso stigmata degenerations*. Баронъ *Haussonville* и его статья „*Le combat contre le vice*“ 84—99

9) Аналогія урожденнаго преступника съ дикаремъ. Призрачность подобнаго сравненія. Этнологія и этика: *D-g Achelis, Letourneau, Taine* и значеніе milieu. *Oscar Peschel, Teylor, Lubbock* и *Foureau* о дикаряхъ. Профессіональный злоумышленникъ и дикарь: *D-g Kraepelin*. Мнимая врожденность влеченія къ внѣшнему украшенію и объясненіе этого влеченія низкимъ культурнымъ уровнемъ субъекта: *Ad. Bastian, Radiguet* и *Ferrero*. Нога китайки и суженіе талии европейскими женщинами. Наши безмысленные обычаи. Наша жизнь и жизнь дикарей: *M. Maris*. Европейская культура съ ея ложными цѣнностями. Вліяніе европейцевъ на нравственный складъ дикарей—*Theodor Waitz* и его изслѣдованіе о неграхъ. Удостоверенія писателей о положительныхъ чертахъ характера первобытныхъ народовъ. Наши семейныя и брачныя отношенія въ сравненіи съ мирной патриархальностью дикарей: *William Marsden* и его книга о Суматрѣ, Трощанскій въ связи съ брачнымъ правомъ у якутовъ. Жестокость, какъ слѣдствіе т. наз. культурнаго прогресса—*М. Энгельгардтъ* и работа неизв. автора „*Souvenir des Antilles*“. Вопросъ о преступленіи, какъ нормальномъ явленіи у дикихъ: *Navelock Ellis*. Сущность культурной исторіи по *Taine*-у. Предразсудки и фетишизмъ, какъ слѣдствіе невѣжества: книга *Максимова*. *Kant* о дикаряхъ. Проф. *Дриль* объ отождествленіи дикарей съ преступниками 99—116

10) Биологія и психологія прирожденнаго преступника. Вопросъ о жаргонѣ, литературѣ профессиональныхъ злоумышленниковъ. *Ferriani* и *Jaeger*. Мнѣніе *Hans-a Gross*.—Татуировка и ея причины: праядность, подражаніе и тщеславіе, сентиментальное чувство. Религіозный характеръ татуировки. *Em. Laurent, Vaer* и *Chr. Geill* о татуировкѣ. Циничный колоритъ надписей. Вліяніе среды.—Аналгезія, или притупленная чувствительность. Взглядъ *Lombroso*. Мнѣніе *Em. Laurent-a*. *Wilhelm Marr* объ аналгезіи у дикарей 116—124

11) Нравственное помѣшательство у дѣтей. Вздорность этого утвержденія. *Perez, Bourdin* и *Lombroso*. *Tarde, Robert Gaupp, Tracy* и *Stimpfl* о дѣтскомъ характерѣ. Взываніе *Lombroso* къ благодѣтельному вліянію воспитанія. Двойственность и расплывчатость основныхъ тенденцій италянской школы, какъ слѣдствіе незрѣлости нашихъ знаній о развитіи зародыша. Проблема наследственности: *Roux, His, Оршанскій, Prosper Lucas, Ribot*. Нравственная испорченность у дѣтей. Ея причины. Вопросъ о воспитаніи, какъ національной гордости: *John Haucraft, Spencer, Dix* и его книга „*Socialmoral*“. Дѣтская проституція:

Frégier и Parent-Duchatelet. Letourneau о нашихъ социальныхъ язвахъ, какъ спутникахъ капиталистическаго строя. Первоисточникъ генезиса преступленія—біологическія и общественныя вліянія. Lombroso о преступности дѣтей 124—139

12) Нравственное помѣшательство и эпилепсія у прирожденныхъ преступниковъ. Понятіе нравственнаго помѣшательства, какъ патологическаго состоянія *suí generis*. О бравурствѣ злоумышленниковъ, способномъ привести къ грубымъ заблужденіямъ психолога и психіатра. Бездѣльность вынесенія опредѣленнаго сужденія о внутреннихъ переживаніяхъ узника по его поведенію или рѣчи. Rud. Arndt въ связи съ вопросомъ о познаваемости психическихъ феноменовъ. Значеніе психологическаго изслѣдованія для уголовного права и процесса: Проф. Дриль и Kurella. Теоретическій смыслъ понятія нравственнаго помѣшательства. Näcke и расплывчатость терминовъ нравственности и помѣшательства. Предположеніе о мѣстоахожденіи центровъ моральнаго и интеллектуальнаго сознанія. Голословность тенденцій нѣмецкаго почитателя идей угол. антропологии Bleuler-а. Объясненіе приглушенности нравственнаго чувства у профессионаловъ порока. Вопросъ о патологическомъ колоритѣ уголовно наказуемыхъ дѣяній—Lud. Kirn, Бехтеревъ, Marandon, Sander и Richter. Неустойчивость теоретич. базиса понятія нравственнаго помѣшательства: Sveltin, Sommer. Непопулярность нравственнаго помѣшательства въ психіатрической наукѣ: Krafft-Ebing, Koch, Mönkenmüller, Alzheimer, Mendel, Griesinger, Pinel и Prichard, какъ идеологи нравственнаго помѣшательства.—Эпилепсія у привычныхъ преступниковъ. Вопросъ о бездѣльности втискиванія патологической окраски дѣятеля преступленія въ опредѣленные рамки. Эпилептикъ, паралитикъ и т. наз. нравственно-помѣшанный. D-r Marie, Pactet et Colin. Фатальное предрасположеніе, находящее свое реальное воплощеніе благодаря внѣшнему толчку, объективному явленію. Kurt Breysig въ связи съ трудностью причиннаго обоснованія общественныхъ феноменовъ. 139—155

Задавшись цѣлью намѣтить основныя начала этиологии преступленія, нельзя, конечно, на первомъ планѣ не обратить вниманія на біолого-антропологическія тенденціи италіанской школы, главнымъ руководителемъ которой по справедливости считаютъ умершаго въ октябрѣ 1909 года Туринскаго профессора психіатріи Чезаре Ломброзо. Въ подлежащей работѣ приходимъ къ выводу, что уголовная антропология, представляя лишь намекъ на истину, лишена серьезнаго научнаго значенія по тому соображенію, что капитальный матеріалъ, которымъ орудуетъ школа, затрогивая всѣ области знанія, самъ въ сущности состоитъ изъ неизвѣстныхъ еще наукѣ величинъ. Какъ можно говорить объ урожденномъ преступникѣ, какъ типическомъ отношеніи ряда явленій, когда мы ровно ничего не знаемъ ни о наслѣдственности, ни о психикѣ организмовъ? Не солидные научные аргументы лежать въ основаніи криминальной антропологии—нѣтъ! Она жила идеей, духомъ, колоссальной энергіей, гениальной самонадѣянностью своего создателя. По дикимъ тропинкамъ, крутымъ ухабамъ взобравшись на вершину Альпійскихъ горъ и небрежно окинувъ взглядомъ старую Европу съ ея тысячелѣтней культурой, Ломброзо, втайнѣ мня себя великимъ новаторомъ позитивистической науки, кликнулъ кличъ: „Omne hoc spatium mihi esse aio“. По какому праву? Вы думали бы—*iure Quiritium*? Какъ бы не такъ!—*Solo iure phantasiae*! Зато кличъ этотъ отъ Тибра до Рейна, Сены и Невы всполошилъ ученыхъ, вызвавъ повсемѣстное смятеніе умовъ... Въ дѣйствительности вся заслуга Ломброзо чисто формальная, состоя въ указаніи на существенное значеніе естественнаго-историческаго метода въ примѣненіи къ изученію преступленія, вопреки абстрактнымъ вождельніямъ старой системы направленія въ уголовномъ правѣ.—„Въ настоящее время, говоритъ г. Набоковъ въ своей статьѣ „Чезаре Ломброзо“, можно считать установленнымъ, что значеніе Чезаре Ломброзо для науки уголовного права не столько въ непосредственно добытыхъ имъ самимъ результатахъ, сколько въ данномъ имъ импульсѣ, перемѣстившемъ центръ тяжести этой науки изъ области чисто отвлеченныхъ

умозрѣній и философскихъ построеній въ область живой дѣйствительности, ея нужды и ея уроковъ. И въ этомъ—причина огромнаго успѣха основателя уголовно-антропологической школы и ея быстро создавшейся славы“ („Право“, 1909, № 43, стр. 2293). Фаталистическое предопредѣленіе преступленія, или созданіе его естественными условіями milieu—вогь порочный кругъ, гдѣ вращается мысль изслѣдователя, теоретика-криминалиста, которому, въ виду несовершенства нашихъ знаній, ужъ во всякомъ случаѣ не пристойно бряцать оружіемъ побѣды съ готовыми теоріями въ рукахъ, сбываемыми оптомъ и въ розницу. Проф. Оршанскій писалъ въ 1903 году:—„И въ настоящее время мы, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, стоимъ на распутьи передъ загадкой, предопредѣлено ли тому или иному человѣку еще въ утробѣ его матери сдѣлаться тѣмъ, что Ломброзо называетъ рожденнымъ преступникомъ, или же только жизнь дѣлаетъ людей такими, и стоитъ лишь измѣнить условія, чтобы этихъ вырожденковъ не стало?“ („Криминальная антропология и судебная медицина“, С. П. Т. 1903, стр. 3—4). Слова эти не потеряютъ своего *raison d'être* 50—100—200 лѣтъ спустя; на распутьи будутъ стоять вплоть до того времени, когда въ нашихъ рукахъ, или рукахъ нашихъ правнуковъ, окажутся въ полномъ распоряженіи психіатрія, неврологія, психопатологія, фізіологія и психологія, но отнюдь не въ качествѣ маленькихъ дѣтей съ ихъ наивнымъ лепетомъ и ничтожно-узкимъ кругозоромъ...

Государство своей властной десницей укрощает всякій антисоціальный порывъ. Движимое чувствомъ самосохраненія, оно приводитъ въ движеніе свой карательный аппаратъ, всякій разъ когда посягательство отдѣльной личности или нѣсколькихъ человѣкъ угрожаетъ неприкосновенности нормативнаго блага, частнаго или общаго. Воля множественная и воля единоличная приходится другъ другу смертельными врагами. Первая, закованная въ панцырь и латы, самодовольная и торжествующая, съ легкой усмѣшкой на лицѣ, какъ выраженіемъ радостнаго сознанія собственнаго достоинства, ждетъ лишь момента, чтобы разить противника—маленькаго, слабаго, безоружнаго человѣка. Государство—символь власти, индивидъ—символь подчиненія. Государствов. Max Stirner, не мыслимо внѣ рабства, подданства (Knechtschaft, Unterthanenschaft), ибо государство должно стремиться къ хозяйничанью надъ всѣми людьми, включаемыми въ его территорію, и это стремленіе зовутъ государственной волей („Der Einzige und sein Eigentum, 6. об. г., Leipzig, S. 228). Сокровенный смыслъ соціального общежитія, какъ института, организованнаго на началахъ коллективнаго consensus-a, неизбежно предполагаетъ представленіе о равнодѣйствующей двухъ неодинаковыхъ силъ, и что бы ни говорили моралисты и метафизики разныхъ толковъ, съ желѣзными нормами права, какъ утвержденія силы, нельзя не считаться. „До тѣхъ поръ пока право будетъ подвергаться нападеніямъ со стороны неправды—а это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока стоитъ свѣтъ—не прекратится борьба со стороны права. Слѣдов., борьба не есть нѣчто постороннее праву, но она неразрывно соединена съ самымъ существомъ его, она есть одинъ изъ моментовъ этого понятія... Право понятіе не логическое, а понятіе силы“ (Герингъ, „Борьба за право“, пер. Волкова, Москва, 1874, 11—12). Конъюнктура событій, въ зависимости ли отъ хозяйственныхъ броженій эпохи, или, какъ говорятъ другіе, поступательнаго движенія просвѣщенія, можетъ переносить центръ тяжести въ ту или другую сторону, но это формальное обстоятельство отнюдь не колеблетъ убѣжденія въ томъ, что право всегда на сторонѣ сильнѣйшаго. Девять лѣтъ тому назадъ, находясь—отчасти подъ обаяніемъ чарующей личности своего учителя, отчасти подъ вліяніемъ того золотого возраста, который рисуетъ все явленія міра съ лучшей стороны, мы охотно вѣрили въ идеалистическое ученье о правѣ. Нынѣ, оглядываясь кругомъ, вникая въ смыслъ и реальное соотношеніе силъ, не можемъ не держаться убѣжденія діаметрально-противоположнаго свойства. Самый генезисъ права, какъ указываетъ Merkel („Juristische Encyclopädie“, Berlin u Lpz., 1885, § 60, s. 39), имѣетъ своимъ источникомъ силу („Macht“). Право—

сила есть естественно-историческая норма, *phaenomen naturale*, что бы ни понимать подъ силой (физическую мощь, умъ, нравственное достоинство). Принципъ этотъ отличается жизненностью въ примѣненіи къ отношеніямъ какъ публично-, такъ и частно-правовымъ, которыя, вопреки мнѣнію Дернбурга („Die Phantasie im Recht“, Berlin, 1894, s. 18), не могутъ базировать на „Verkettungen, welche die Phantasie trägt“. Индивидуализмъ, развѣ онъ не добивается, напрягнувъ всѣ свои силы, перенесенія центра тяжести съ государства на себя самого? Тому же прозаическому Богу воскуриваетъ еиміамъ и коллективизмъ, въ какія бы тоги онъ ни кутался. Кто не знаетъ, что политическія партіи современнаго правового государства, которое воспитывается не только на сухой догмѣ бюрократизма, но постепенно усваиваетъ принципы и такъ наз. передовыхъ социальныхъ теорій, борятся на первомъ планѣ за ту же „Macht“? Стоить лишь немного покопаться въ метафизической шелухѣ, и истина предстанетъ неоспоримой. Экцентричный индивидуалистъ Stirner, въ томъ же сочиненіи ведя разсужденіе о государствѣ, съ злорадной усмѣшкой замѣчаетъ:—„Каждое „я“ уже съ самаго дня рожденія есть преступникъ противъ народа, государства. Оттого государство надзираетъ за всѣми безъ исключенія; оно въ каждой отдѣльной личности видитъ эгоиста, а эгоиста боится оно (ib., s. 233). Известно, какой суровый приговоръ вынесъ государству Fr. Nietzsche („Staat nenne ich, wo alle Gifttrinker sind“...), Вл. Соловьевъ, этотъ туманный русскій мистикъ, паря въ недосягаемыхъ для простаго смертнаго высотахъ теософіи и морали, находитъ, что государство, карая личность, плохо въ сущности маскируетъ принципъ первобытной мести („La question pénale au point de vue éthique, Paris, 1897, p. 7). Несомнѣнно, всѣ эти кричащія тенденціи крайняго субъективизма во всей его пышности съ объективной точки зрѣнія должны быть признаны въ высочайшей степени натянутыми; онѣ не годны для позитивнаго изученія отношеній права и государства. Не подожить также ни малѣйшему сомнѣнію, что если бы гдѣ либо на земномъ шарѣ во главѣ хотя бы такой маленькой социальной единицы, какъ община, поставили нѣсколько Штирнеровъ или Ницше, они не преминули бы въ самомъ непродолжительномъ времени составить солидный кодексъ съ опредѣленными положительными и, слѣдовательно, принудительными нормами, иначе никчемные правители немилосердно и самымъ грубымъ образомъ были бы свергнуты съ высоты своего величія. Метафизика есть лишь прелюдія позитивизма, эмбриональное состояніе его развитія. Достигнувъ эпохи зрѣлаго мышленія, мы спохватительно улыбаемся мечтѣ двадцатой весны нашей жизни. Ernst von Wiecki („Carlyle's Helden und Emerson's Repräsentanten mit Hinweis auf Nietzsche's Uebermensch“, Königsberg, 1903, s. 71), говоря о Ницше, не безъ основанія называетъ его „фантазеромъ“, „мечтателемъ“, рекомендуя не относиться всегда серьезно къ его философскимъ деизидератамъ. Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказывается нашъ уважаемый учитель,

профессоръ Е. Н. Трубецкой, въ своей монографіи о философіи Ницше. Но не одинъ Ницше—„Fantast“ и Schwärmer“. Среди метафизиковъ всѣхъ ранговъ, чародѣевъ и маговъ философскихъ системъ и построеній, Вы найдете ихъ не мало. Все имѣетъ, однако, свое время. Кантъ въ своей классической „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ (herausg. von Rosenkranz und Schubert, Lpz, 1838, s. 57) объявилъ во всеуслышанье, что человѣкъ не есть вещь, или нечто такое, что можетъ лишь быть эксплуатируемо въ качествѣ средства, но что человѣкъ во всѣхъ дѣяніяхъ, во всякое время долженъ быть разсматриваемъ, какъ цѣль въ себѣ самомъ („als Zweck an sich selbst“). Вотъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ типичное выраженіе теистическаго идеала отдѣльной личности. Этой послѣдней, когда вдохновенный Кантъ писалъ свои глубокопродуманные трактаты, нянчился и старъ и младъ. На всѣхъ языкахъ, въ особенности на французскомъ, склонили таинственныя, но сладкія слова свободы и братства. Были полны неисчерпаемой вѣры въ радостное будущее, въ счастливую звѣзду, въ красоту мечты. Земное, будни гнали отъ себя прочь. Rousseau, напр., въ своемъ „Contrat social“ (III, Du droit du plus fort) рѣшительно заявляетъ, что объясненіе понятія права силой ведетъ къ „galimatias inexplicable“. Съ энтузіазмомъ лучшіе умы работали во имя раскрѣпощенія человѣка-раба. Нынѣ положеніе нѣсколько измѣнилось: Европа покрыта стѣю правовыхъ государствъ, гдѣ конституціей гарантируются личности опредѣленная сумма правъ. Никто теперь не скажетъ, что гражданинъ—рабъ, что гражданинъ—вещь. Гражданинъ—личность въ государствѣ съ правами и обязанностями. Индивидуалистамъ этого мало. Что такое человѣкъ, личность?—Ничтожество. Сверхчеловѣкъ, бѣлокурое животное („Ueberschensch“, „blonde Bestie“) — вотъ царь, вотъ стихія городовъ, рѣкъ и скаль... Однако такое положеніе, при которомъ индивидъ пользовался всей полнотой существующихъ правъ, не зная никакихъ обязанностей, совершенно чуждо смыслу социальнаго общегитія, составляя плодъ фантастической утопіи, рожденной въ мукахъ болѣзненнаго одиночества. Не менѣе чуждо государствѣ принципъ непротивленія злу. Идеологи тенденціознаго морализма забываютъ, что они сами придаютъ карательной роли государства абсолютное значеніе. Въ одномъ возмездіи не лежитъ вовсе цѣль наказанія, хотя бы потому, какъ удачно замѣтилъ Frank, что „цѣль всякаго явленія находится всегда внѣ его содержанія. Путешествіе въ поѣздѣ предполагаетъ необходимость уѣхать въ вагонъ, но никто не скажетъ, что цѣль поѣздки составляетъ именно это усаживанье“ (Frank, „Vergeltungsstrafe und Schutzstrafe“, Tübingen, 1908, s. 8). Даже старыя криминалисты, считая наказаніе, какъ „Abschreckung Aller“, единственной цѣлью государства, полагаютъ достиженіе этимъ послѣднимъ идеала лишь „въ планомѣрномъ примѣненіи каръ и усовершенствованіи соответственныхъ учреждений“. (Karl Grohmann, „Ueber die Begründung des Strafrechts und der Strafgesetzgebung. Giessen. 1799

s. s. 110, 112—13). Наказанію чуждо значеніе абсолютнаго, аподиктического характера. Наказаніе есть лишь соціальное явленіе, вызываемое потребностями государства и общества. По словамъ Штосса („Der Kampf gegen das Verbrechen“, Bern, 1894, s. 6) наказаніе есть „bedingte, relative Notwendigkeit“. Исходи съ этой точки зрѣнія и принимая во вниманіе огромное соціальное значеніе всякаго сплоченнаго союза людей, призваннаго объединять человѣческіе интересы во имя преуспѣянія и счастья отдѣльной личности, мы не можемъ безъ нѣкотораго чувства досады вспомнить объ отчаянныхъ попыткахъ небольшой кучки индивидуалистовъ, которые, во имя чуждаго культурѣ Заратустры, самоутвержденія слѣсиваго „я“, въ своей надменности забывшаго Бога—Штирнеровскій „Selbstgenuss“—хотѣли свести на смарку выкованную вѣками форму общежитія. Прискорбно, что и въ настоящее время эксцентричныя идеалы многимъ не даютъ покоя: и понынѣ Вы найдете немало, далеко не всегда достаточно просвѣщенныхъ, лицъ, съ упорнымъ презрѣніемъ отвергающихъ цѣлесообразность общественнаго уклада отношеній между людьми. Надо сознаться, что среди подобныхъ псевдо-мыслителей оригинальничанье и рисовка врядъ ли не составляютъ единственнаго основанія ихъ ригористическаго міросозерцанія. Впрочемъ, декадентство и сотія развращающихъ глазъ всякой чертовщины здѣсь также играютъ существенную роль. Не даромъ Адольфъ Принсъ въ 1895 году писалъ, что личность, предоставленная самой себѣ, составляетъ модную абстракцію („L'organisation de la liberté et le devoir social“, Bruxelles-Paris, 1895, p. 102). А за модой кто только не идетъ? Все то огромное стадо, которое рябитъ у насъ въ глазахъ ежедневно, движимое неодолимымъ чувствомъ подражанія.

2.

Право не можетъ базировать на однихъ лишь трансцендентныхъ мечтаньяхъ и умозаключеньяхъ. Право—живой нервъ общественнаго бытія. Оно соприкасается со всѣми сторонами сложнаго человѣческаго существованія, имѣющаго свои тайны, свои ньюансы, своеобразныя изгибы и причудливыя узоры. Юриспруденція обнимаетъ всю сумму положительныхъ человѣческихъ знаній. Психологія и психіатрія, общая патологія и фізіологія родственны ей почти въ такой же степени, какъ политическая экономія и все матеріальное право. Юристу, и особенно криминалисту, не только нужно, запасшись внѣшними атрибутами своей профессіи, болѣе или менѣе твердо усвоить позитивныя нормы, дѣйствующія въ предѣлахъ опредѣленной территоріи—ремесленникъ въ портфель—но онъ своимъ взглядомъ долженъ стараться обнять всего человѣка, все общество, всю вселенную съ ихъ исторіей, ихъ философіей. Только широкія познанія и просвѣщенный умъ ведутъ къ успѣшному, гуманному разслѣдованію уголовныхъ дѣлъ. Тѣ требованія, которыя такъ энергично и рѣшительно предъявлены были въ свое время Листомъ („Kriminal-politische Aufgaben“, Zeitschrift für die ges. Strafrechtswiss.,

9 Band, 1889, s. 456), составляют минимумъ познаній криминалиста. Какъ жаль, что дѣйствительность далека даже отъ этого минимума; что веденіемъ уголовныхъ дѣлъ нерѣдко занимаются люди, ничего общаго не имѣющіе съ наукой уголовного права; что при такомъ положеніи дѣла страдаютъ насущные интересы людей, попавшихъ на роковую скамью подсудимыхъ. Не желая быть голословнымъ, укажемъ на колоссальное значеніе научно-психологическаго анализа преступленія. А какой процентъ криминализовъ знакомъ съ психологіей?.. (См. Владиміровъ, „Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ“, Москва, 1901, §§ 2, 3). Въ частности и криминалисткѣ, какъ юриспруденціи вообще, чужды оторванность отъ дѣйствительной жизни, абстракція, утопія и химера. Проф. Сергѣевскій въ своей ст. „Философскіе приемы и наука уголовного права“ (Жур. гражд. и угол. права, 1879, янв., стр. 76) вполне вѣрно замѣчаетъ: „Не въ какихъ либо предвзятыхъ идеяхъ или представленіяхъ, не въ трансцендентныхъ идеалахъ и математически размѣренныхъ утопіяхъ должны мы искать основныхъ положеній уголовного права, а въ дѣйствительной жизни человѣка и человѣческаго общества, въ природѣ его и въ законахъ его развитія“.—„Криминалисть философскаго направленія не можетъ создавать своихъ построеній изъ чистаго разума; онъ, какъ и позитивистъ, необходимо долженъ брать матеріалъ изъ эмпирическихъ наблюденій—разумъ не свободенъ и не творитъ самъ изъ себя ничего“ (тамъ же, 62). Отсюда не только не слѣдуетъ, что криминалисть не долженъ уклоняться отъ прямолинейнаго догматизма, но совершенно напротивъ: полагая основаніемъ позитивное знаніе, изслѣдователь, если только онъ не хочетъ погрязнуть въ тинѣ схоластики и педантизма, обязанъ философской перспективой освѣщать по возможности свой трудный, тернистый путь съ его извилинами и ухабами.—„Чисто эмпирическая наука права—училъ Кантъ—это голова, которая можетъ быть прекрасной, но бѣда въ томъ, что она лишена мозговъ“. (E. Kant, „Principes métaphysiques du droit suivis du projet de paix perpétuelle“, trad. par Tissot, Paris, 1853, p. 41). Философія—пржекторъ положительнаго знанія. „Философское направленіе—говоритъ проф. Сергѣевскій—это великанъ, принесшій много вреда, но совершившій много хорошаго; это—сила“. (Журн. гражд. и угол. права, 1879, янв., стр. 83). Barthélemy-Saint-Hilaire въ своей интересной статьѣ („La philosophie et les sciences“, Revue de deux mondes, 84 tome, Paris, 1887, novembre) подробно касается отношенія философіи къ наукѣ. „Философія есть необходимое восполненіе и довершеніе; безъ нея человѣческое знаніе представлялось бы обезглавленнымъ“ (р. 323).—„Философія есть изученіе цѣлаго; науки занимаются изученіемъ различныхъ частей. Когда наблюдаютъ части отдѣльно, это дѣлается для того, чтобы лучше ихъ разсмотрѣть, но части понятны лишь въ ихъ отношеніи къ цѣлому, къ которому онѣ прикрѣплены, какъ вѣтви къ стволу носящаго ихъ дерева, независимо отъ числа“ (р. 322). Что философія—преданный другъ истины, поняли, наконецъ, и натуралисты, которые долго и упорно

отбъкивались отъ всякаго рода метафизическихъ мудрствованій, считая ихъ лукавымъ заигрываніемъ со стороны разнузданнаго воображенія. Съ отрадой констатируемъ слѣдующія слова знаменитаго Эрнста Геккеля:— „Кто намѣренъ совершенно игнорировать теорію, строя чистую науку исключительно на „достоверныхъ фактахъ“ (какъ мы это видимъ часто на примѣрѣ ограниченныхъ умовъ такъ называемаго „точного естествознанія“), тотъ этимъ самымъ пренебрегаетъ познаніемъ причинъ вообще, иначе сказать—удовлетвореніемъ причинной потребности разума“ (Е. Haeckel, „Die Welträthsel“, Bonn, 1903, s. 121). Въ настоящее время міръ, повидимому, переживаетъ стадію зрѣлаго развитія,—стадію, которой чужды слащавая сентиментальность, младенческая односторонность. Въ области философіи настроеніе это отражается во всей своей выпуклости. Такъ, поклонникъ Авенариуса и Маха, Petzold въ своей книгѣ „Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus“ (Leipzig, 1906, s. 138) даетъ изложеніе не только своимъ идеямъ, но, какъ кажется, мыслямъ и думамъ всякаго просвѣщеннаго человѣка современности, когда говоритъ: „Das Physische oder Körperliche ist genau mit demselben Rechte als Erfahrungsthat-sache anzusehen, wie das Psychische oder Seelische... ist der eine Begriff richtig, dann ist es genau so der andere, ist der eine aber falsch, dann kann der andere unmöglich richtig sein“.. Философія, стало быть, есть вѣнецъ всякаго знанія. Нѣтъ науки, которая самымъ настоятельнымъ образомъ не нуждалась бы въ философіи, скрашивающей догму живительнымъ лучемъ вѣры въ благо, въ истину... Вы поймете, почему у Guyau, этого искреннѣйшаго французскаго писателя, вырвалось изъ-подъ пера: on peut être las de la vie même, sans être las de la science... („L'irrégion de l'avenir“, Paris, 1895, p. 413). Уголовное правовѣднѣе, какъ наука, также имѣетъ свою философію. Справедливость однако требуетъ сказать, что этиологія уголовного права получила всѣ права гражданства лишь въ недавнее время. До появленія въ печати знаменитаго „L'uomo delinquente“ (1871—1876) Цезаре Ломброзо уголовное право представляло изъ себя сферу знанія, безотраднана своей схоластической мертвечиной. О факторахъ преступности не знали.—„Труды Ломброзо, гов. г. Шейнисъ, послужили плодотворнымъ толчкомъ для изслѣдованія причинъ или факторовъ преступности, и уже это одно является заслугой огромной важности. Чтобы оцѣнить ее по достоинству, необходимо имѣть въ виду, что при томъ абстрактно-юридическомъ характерѣ, который носило ученіе старой классической школы уголовного права, почти не могло быть вопроса о факторахъ преступности („Ломброзо и его значеніе въ эволюціи криминалогіи“, Вѣстникъ Европы, 1909, XII, стр. 802). Не везло уголовному праву. Еще въ началѣ прошлаго вѣка Savigny въ своей классической работѣ „Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“, (Heidelberg, 1814, s. 5) провозгласилъ, что „geschichtlicher Sinn ist überall erwacht“, называя „bodenloser Hochmuth“ попытки созданія кодекса, годнаго для всѣхъ временъ и на-

родовъ. „Право—училъ онъ—растетъ съ самимъ народомъ, совершенствуясь вмѣстѣ съ нимъ, и, наконецъ, вымирая съ потерей народомъ его особенности“ (s. 11). Равнымъ образомъ съ точки зрѣнія Пухты индивидъ можетъ имѣть правовое убѣжденіе лишь какъ членъ всего народа (Puchta, „Das Gewohnheitsrecht“, I Theil, Erlangen, 1828, s. 139). Въ области цивилистики нѣмецкая историческая школа начала 19-го столѣтія знаменовала собой событіе первостепенной важности. То была торжественная побѣда позитивизма надъ хилой абстракціей, въ страшныхъ мукахъ родившей французскій *coup d'état*. Уголовное право было въ тѣни; о немъ, если не считать нѣкоторыхъ старыхъ сочиненій, начавшихъ собой эпоху въ области уголовной политики; (напр. Howard, „State of Prisons in England and Wales“, 1778)—позабыли, и лишь съ именемъ недавно усопшаго Туринскаго профессора Ломброзо связывается представленіе о новой эрѣ криминалистической науки, прояснившей нѣсколько постылый горизонтъ тѣнивой спячки. Оно и не могло быть иначе. Рано или поздно право, какъ важнѣйшій нервъ народной жизни, должно было почувствовать сильнѣйшее броженіе подъ влияніемъ новыхъ идей, съ неудержимой силой врывающихся въ науку, порабощая сознаніе. Естественнѣе, натурфилософія—могли ли онѣ не оставить никакого слѣда на идеологическихъ цѣностяхъ культуры? Редакторы научнаго журнала „Archives d'Anthropologie criminelle“ въ своей вступительной статьѣ не безъ основанія поэтому говорятъ:—„Всякій человѣческій трудъ необходимо измѣняется и совершенствуется. Нельзя предположить, чтобы въ этомъ броженіи человѣческой мысли, столь замѣчательномъ для нашего времени, наука, или знаніе необходимыхъ и неизбежныхъ законовъ, касалась бы всего, оставляя лишь въ сторонѣ право“ (I t., Lyon, 1886). Это не значить, что до Ломброзо въ наукѣ уголовного права не было никакихъ указаній на желательность подчиненія криминалистики позитивистическому методу, натуралистич. изслѣдованію. Отдѣльные голоса подымались, но то были лишь слабые, глухіе призывы среди общаго молчанія. Такъ, въ ранній часъ утренней зари, когда восточная часть неба улыбаясь залита роскошнымъ флеромъ пурпура, пастушій рожокъ невольно прислушивается къ собственной мелодіи, ибо все вокругъ объято крѣпкимъ сномъ, не издавая ни шелеста, ни звука. Eduard Henke еще въ 1823 году писалъ:—„Уголовная политика не можетъ имѣть другого источника, кромѣ человѣческой природы... Оттого всякій, кто желалъ бы лишь теоретически обосновать предписанія уголовной политики, а еще болѣе тотъ, кто призванъ примѣнять ихъ въ качествѣ законодателя, долженъ прежде всего („vor allen Dingen“) изслѣдовать глубины человѣческой природы, равно какъ законы ея развитія въ отношеніяхъ времени и пространства. Въ виду этого антропология, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, равно какъ исторія развитія народовъ, для уголовн. политика являются самыми необходимыми изъ всѣхъ знаній“ („Handbuch des Criminalrechts u. der Criminalpolitik“, I Theil, Berlin u. Ste-

ttin, 1823, s. 166). Въ настоящее время уголовное право въ значительной степени очистилось отъ плевелъ классицизма, отрѣшилось отъ абстрактныхъ формулъ, столь губительныхъ для всякаго живого дѣла, связаннаго съ дѣйствительностью тысячу запутанныхъ нитей. „Уголовное право—гов. въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій проф. Чубинскій—уже не можетъ оставаться чисто абстрактной наукой и покоиться на однихъ логическихъ конструкціяхъ. Какъ наука, тѣсно связанная съ общественной жизнью и имѣющая громадное значеніе для многихъ отраслей этой жизни, уголовное право должно считаться съ реальными жизненными условіями, должно видѣть въ преступленіи и наказаніи не абстрактныя формулы, а нѣчто живое, облеченное въ плоть и кровь“. („Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ“, Ярославль, 1900, стр. 90). Если уголовное право своими корнями покоится глубоко въ нѣдрахъ реальной жизни, теорія сообразно съ этимъ соображеніемъ намѣчаетъ основные контуры этиологіи самаго важнаго нерва криминалистики—преступности. Что же такое этиологія? „Этиологія, гов. van Hamel, есть ученіе о причинахъ; слѣдовательно—уголовная этиологія есть ученіе о причинахъ преступности“ (Ztschr. für die ges. Strafr., 21 т., 1900, „Kriminal-Aetiologie“, s. 345). Уголовная этиологія, стало быть, занимается изслѣдованіемъ причинъ, которыми обуславливается генезисъ и развитіе преступности, и постольку уголовная этиологія есть часть философіи уголовного права. Нынѣ, какъ правильно указываетъ проф. Чубинскій („Наука уголовного права и ея составные элементы“, Журналъ Мин. Юстиціи, 1902, № 7, стр. 152), доктрина различаетъ три крупныхъ фактора преступности: 1) личный (біолого-антропологическій); 2) соціальныи (политико-экономическій) и 3) космическій (климатъ, температура и пр.). Изученіе преступленія съ точки зрѣнія одного изъ этихъ принциповъ ведетъ къ односторонности и несовершенству. Но и во всеоружіи всѣхъ трехъ факторовъ иногда очень трудно бываетъ нащупать первопричину, вызывающую преступное дѣяніе. Объясняется это чрезвычайной сложностью, запутанностью человѣческой психики, до сихъ поръ еще не поддающейся детальному и точному анализу въ виду крайней незрѣлости такихъ наукъ, какъ психологія, психіатрія, психопатологія. Приходится итти ощупью, соблюдая сугубую осторожность, дѣлая предположенія и догадки тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о судьбѣ и жизни человѣка, о судьбѣ и жизни общества. Явленіе въ высокой степени прискорбное... Единственнымъ утѣшеніемъ изслѣдователя, идущаго по этой, полной рытвинъ и овраговъ, дорогѣ, служить вѣра въ возможность хотя бы приблизиться къ истинѣ, не обладая ею... Арабы совершаютъ паломничество въ Мекку для поклоненія праху Магомета, не видя его кроткаго лица, не слыша его вдохновеннаго голоса...

3.

Антропологическая школа въ уголовномъ правѣ, въ противобѣсъ тенденціямъ классицизма, характеризуется главнымъ образомъ и на первомъ планѣ изученіемъ индивидуальныхъ чертъ преступника. Если классическая школа орудовала отвлеченными образами, уголовная антропология принесла съ собою въ область криминалистики отдѣль естествовѣдѣнія. „Подобно тому какъ классическая школа—гов. г. Трайнинъ—разрабатывала нѣчто въ родѣ логики уголовного права, школа антропологическая создавала особое уголовное естествознаніе“ („Право“, 1910, № 14, 868).—„Антропология—училь Брока—есть наука, имѣющая предметомъ изученіе человѣческой породы въ цѣломъ, въ частностяхъ и въ отношеніяхъ ея къ остальной природѣ“. Здѣсь не можетъ быть мѣста апіорнымъ посылкамъ. Изслѣдованіе базируеть исключительно на строгомъ объективизмѣ. Въ лабораторіи антрополога человѣкъ не имѣеть никакихъ преимуществъ передъ животнымъ.—„Изученіе антропологии,—замѣчаетъ Топинаръ,—требуетъ прежде всего духа спокойнаго, свободнаго отъ предразсудковъ и преслѣдующаго интересы только одной истины („Антропология“, подъ ред. Мечникова, С.П.Т. 1879, с. 8).—„Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что метода изслѣдованія должна быть одинакова какъ для человѣка, такъ и для другихъ животныхъ; сужденіе *a priori* и проявленія чувства должны быть изъ нея окончательно изгнаны. Какъ бы ни была блестяща роль человѣка на нашей планетѣ, каково бы ни было положеніе его на вершинѣ органической жизни, будетъ ли онъ составлять отдѣльную область, человѣческое царство, или же будетъ онъ только первымъ родомъ въ отрядѣ Примать, во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть изучаемъ при помощи тѣхъ же пріемовъ“ (тамъ же, стр. 3). Введеніе такихъ здоровыхъ научныхъ идеаловъ въ отрасль знанія, гдѣ, несмотря на ея живое примѣненіе къ дѣйствительной жизни, хозяйничали безкровныя алгебраическія формулы, прежде всего не могло не оживить уголовного процесса, тѣмъ самымъ принося значительныя услуги уголовной политикѣ, которая во всякомъ правовомъ государствѣ чутко должна прислушиваться ко всѣмъ серьезнымъ вѣяніямъ, господствующимъ въ наукѣ. Судъ и общество ранѣ относилась къ субъекту уголовного дѣянія, какъ къ ненавистному социальному отбросу, по удаленію котораго изъ нѣдръ гражданскаго общегитія всѣ успокаивались. Въ старыхъ учебникахъ уголовного права судъ такъ и рекомендовали обращать вниманіе лишь на признаки дѣянія („*Merkmale des gegebenen Falls*“) и на санкцію законодательной нормы („*Merkmale der gesetzlichen Fälle*“). (См. къ примѣру: Karl Grolmann—„*Grundzüge der Criminalrechts-Wissenschaft*“, Giessen, 1825, s. 102, § 104). Никому и въ голову не приходило позаняться личностью преступника. Слѣдствіе сводилось къ тончайшему анализу дѣянія. Жестокая репрессія, поражавшая свободу виновника, въ тайникахъ души этого послѣдняго поднимала грозную бурю негодо-

ванія и ненависти.—„Преступникъ самъ по себѣ, какъ индивидъ, мало былъ изучаема“—гов. Эмиль Лоранъ („Уголовная антропология и новыя теоріи преступности“, подъ ред. проф. Сикорскаго, Кіевъ, 1897, стр. 3). „Это странное, сложное существо, эта опасная аномалія—вовсе не былъ предметомъ научнаго изслѣдованія; въ обществѣ господствовало стремленіе лишь защититься отъ наносимаго имъ вреда, удалить его изъ своей среды, и на него смотрѣли поэтому съ точки зрѣнія отношенія его къ другимъ, а не къ самому себѣ; при такомъ положеніи дѣла о какомъ либо исправленіи преступника или его духовномъ просвѣтленіи не могло быть, разумѣется, и рѣчи“. Наряду съ свѣжей струей жизни, проникшей въ уголовный процессъ, наказаніе въ значительной степени потеряло свой гнилостный налетъ однообразія, свою суровую форму безпощадной жестокости. Наказаніе стало, какъ говорятъ, индивидуализироваться. До того оно, по мѣткому выраженію Saleilles-a, „frappait à l'aveugle, au hasard d'une solution mathématique“ („L'individualisation de la peine, Paris, 1898, p. 10). Новое ученіе въ уголовномъ правѣ даетъ широкій просторъ медицинской экспертизѣ, которая со свойственными ей добросовѣстностью и просвѣщенностью занимается изслѣдованіемъ анатомо-патологическихъ и психологическихъ особенностей преступника, вольной или невольной предрасположенности его къ совершенію воспрещенныхъ дѣяній. Не „um Gelehrsamkeit auszukramen“ употребляя выраженіе Neumanna („Catechismus der ger. Psychiatrie“, Breslau, 1884, s. 13) призванъ экспертъ, но въ видахъ наведенія суда къ примѣненію той, а не другой нормативной санкции закона. Допущеніе на такихъ началахъ къ участию въ судебномъ слѣдствіи врачей, людей свѣдущихъ, должно быть привѣтствуемо, какъ высококультурное завоеваніе, гарантирующее судъ отъ односторонности въ собираніи доказательствъ, отъ роковыхъ, иногда неисправимыхъ, ошибокъ. Если по мысли уголовной антропологии закоренѣлый преступникъ есть наследственный дегенератъ, страдающій нравственнымъ помѣшательствомъ, эпилептикъ съ предопредѣленнымъ свыше болѣзненнымъ влеченіемъ къ совершенію преступленій, дикарь среди окружающей его блестящей цивилизаціи,—было бы не цѣлесообразно, подвергая его извѣстной карѣ, помѣщать въ одной камерѣ съ преступникомъ случайнымъ. Менѣе всего отъ этого выиграло бы общество.—„Можно не придавать, говорить г. Воротынской, исключительнаго значенія „стадному чувству подражательности“, какъ особому фактору преступности, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что, при существующихъ условіяхъ тюремнаго заключенія, фактъ подражательности, возможный психическаго зараженія, опасность вліянія закоренѣлыхъ преступниковъ на отбывающихъ рядомъ съ ними наказаніе преступниковъ случайныхъ или преступниковъ по страсти—является фактомъ дѣйствительности, обуславливающимъ въ значительной степени постепенный ростъ преступниковъ-рецидивистовъ“ („Біологическіе и соціальныя факторы преступности“, Жур. Мин. Юст., 1901, № 7, стр. 27). Тутъ-та

и приходит на помощь медицинская экспертиза, которая, судя, конечно, по обстоятельствам дѣла, нерѣдко высказывается за помѣщеніе подсудимаго въ домъ умалишенныхъ или больницу, признавая преступника пораженнымъ болѣе или менѣе тяжелой психической болѣзью. Исходя изъ этихъ соображеній, мы испытывали чувство недоумѣнія, читая слѣдующія слова г. Кони, посвященные критикѣ уголовной антропологии:—„Въ этомъ ученіи надо брать цѣнные практическія открытія, но юристы, которымъ дороги нравственные идеалы государства и человѣческаго достоинства, должны вооружиться противъ выводовъ и даже противъ основныхъ положеній этого ученія, низводящихъ отправленіе правосудія къ какой-то охотѣ на человѣка съ примѣненіемъ антропометріи. Нельзя, опираясь на возможность наследственнаго вырожденія *нѣкоторыхъ*, ставить *всѣхъ* виновныхъ въ положеніе стихійной силы, которой совершенно чужды и нравственные начала и голосъ совѣсти“ (Сборникъ „За послѣдніе годы“, С.П.Т., 1896, 554—55). Такое освѣщеніе ученія Ломброзо, даваемое однимъ изъ блестящихъ юристовъ Россіи, по меньшей мѣрѣ странно. Не къ „охотѣ на человѣка“ стремится ученіе италіанской школы, а къ возможно болѣе полному установленію истины на судѣ путемъ анализа не одного дѣянія, но и критическаго отношенія къ субъекту преступления. Именно такое всесторонне-объективное теченіе уголовнаго процесса имѣетъ своей цѣлью проведеніе рѣзкой черты между преступникомъ случайнымъ и т.-наз. прирожденнымъ (глубокоиспорченнымъ, фатально лишеннымъ раскаянія и нравственныхъ чувствъ). Не только судья и защитникъ, но и законодатель начинаетъ серьезно призадумываться надъ психикой преступника. Нѣтъ ничего легче рѣшенія вопроса о вѣмѣненіи съ плеча. Гораздо труднѣе постановленіе приговора по изслѣдованіи всѣхъ нюансовъ дѣла, не пренебрегая при этомъ анализомъ субъективныхъ свойствъ обвиняемаго. Надо согласиться, что писатели, признавая за уголовной антропологіей „безспорныя заслуги“ (Ginsberg, „Ueber criminelle Anthropologie“, Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie und psychisch-gerichtliche Medicin, 53 Band, 1897, s. 884), вполне правы. Мы намѣтили въ общихъ чертахъ положительныя стороны ученія Ломброзо. До изложенія основныхъ началъ уголовной антропологии воздерживаясь отъ детальной ея критики, мы должны однако уже здѣсь отмѣтить одно существенное обстоятельство, во избѣжаніе недоразумѣній и нареканій. Согласно основной идеѣ уголовной антропологии, закоренѣлый преступникъ не можетъ не совершать преступленій. Онъ рожденъ для нихъ, какъ рождается композиторъ для музыки.—„Преступленіе, гов. Ломброзо, есть естественное явленіе, какъ на основаніи статистическихъ данныхъ, такъ равно какъ результатъ антропологическаго изслѣдованія, или, говоря словами философовъ, — необходимое явленіе, такое же какъ рожденіе, смерть, зачатіе, умственные болѣзни, печальной разновидностью коихъ преступленіе часто и бываетъ“ („L'homme criminel“, II, Paris, 1895, 2-ème édition française traduite sur la

5-ème édition italienne, p. 150). Было бы однако ошибкой думать, что идеологи новой итальянской школы в учении о преступлении являются представителями антропологической доктрины в узком смысле этого выражения. Не говоря уже о Ферри, который еще в ранние годы своей научной деятельности подчеркивал социальную сторону преступности, сам маэстро Ломброзо, к сожаленью, не раз мѣнялъ свой чисто натуралистическій взгляд на генезисъ преступления, его философію, а въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка онъ выставилъ такіе положенія, которыя, какъ мы увидимъ ниже, звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ въ сравненіи съ прежними утвержденіями ученаго профессора. Мы говоримъ „къ сожаленью“ не безъ основанія: можно пожалѣть, что основной смыслъ уголовной антропологіи искаженъ ея же популяризаторомъ; что по мѣрѣ ли нарастанія нападковъ на новую школу, или слѣдуя по пятамъ естественной эволюціи собственныхъ взглядовъ, слагавшихся подъ вліяніемъ неустаннаго эмпирическаго изслѣдованія, Ломброзо свелъ къ нулю строгую догматичность, мы сказали бы ригористическую прямолинейность, тѣхъ мыслей и идей, которыя въ 70 и 80 годахъ 19 столѣтія всколыхнули весь ученый синклитъ Европы, прозвучавъ торжествующимъ, долго не смолкавшимъ, эхомъ далеко черезъ Альпы. То былъ разительный по своей силѣ призывъ, знаменовавшій радостную эпоху въ исторіи уголовного права, эпоху—увы, векорѣ потускнѣвшую. Такъ въ сердцѣ старика блеснетъ лучъ надежды и счастья, чтобы тутъ же поблѣднѣть и угаснуть... Величественное и стройное біолого-анатомическое изученіе субъекта преступнаго дѣянія обратилось въ сѣренькое трактованіе производной проблемы не то индивидуальной, не то социальной біопатологіи, приклеенной къ уголовному праву. Гипотеза Ломброзо потеряла изъ-подъ ногу своихъ строго-единую, монистически-философскую почву, сдѣлавшись случайнымъ конгломератомъ нагроможденныхъ другъ на друга тенденцій различнаго философскаго значенія, лишенныхъ необходимой связи и въ корнѣ противорѣчивыхъ. Между Ломброзо времени выхода въ свѣтъ 3-го изданія его „Преступнаго человѣка“ (1884 годъ) и Ломброзо эпохи 4-го Женевскаго конгресса (1896 годъ) разница весьма значительная. Объяснимся. Мы только что приводили въ видѣ цитаты со словъ Ломброзо кардинальное положеніе уголовной антропологіи о томъ, что преступленіе есть естественное, или необходимое явленіе. Таковъ философскій базисъ итальянской школы. Въ своемъ „Преступномъ человѣкѣ“ Ломброзо занимается главнымъ образомъ изученіемъ біологіи, анатоміи и фізіологіи преступника. Сама школа называется антропологической. Въ своей статьѣ „О происхожденіи, сущности и стремленіяхъ новой угол.-антропологической школы въ Италіи“ (*Ztschr. für die ges. Strafr.* I B, 1881, s. 127) Ломброзо восхваляетъ достоинства уголовн. антропологіи, которая въ противовѣсъ прежнимъ школамъ силлогизмъ замѣнила наблюденіемъ, метафизику—анатомической антропологіей и естественно-научной психологіей, гипотетическій законъ—причиннымъ.

Принимая въ соображеніе основныя доводы Ломброзо, приходишь къ заключенію, что личность урожденнаго преступника имѣетъ на себѣ такого рода дегенеративныя (анатомическаго и психическаго свойства) стигматы, которыя предопредѣлены свыше, и потому имъ чуждо измѣненіе, производимое давленіемъ объективныхъ факторовъ. Воспитательное значеніе среды, напримѣръ, не въ силахъ благотворно вліять на фатальнаго злодѣя. Таковъ, казалось бы, естественный выводъ, который мы имѣемъ право сдѣлать изъ ученія Ломброзо, рискуя въ противномъ случаѣ допасть въ вязкую топь несообразностей. Вѣдь всякій, кто хоть сколько-нибудь занимался по философій, понимаетъ, что такихъ, полныхъ краснорѣчиваго смысла, категорій, какъ „endogen“ и „exogen“, смѣшивать нельзя; что ихъ нужно строго различать, иначе получится путаница невообразимая, и читатель съ авторомъ будутъ говорить на разныхъ языкахъ, не понимая другъ друга. Именно такая путаница не избѣжна при изученіи уголовной антропологии. Уже въ „Преступномъ человѣкѣ“ Ломброзо отчаянно мечется изъ стороны въ сторону тамъ, гдѣ ему приходится дать отвѣтъ передъ лицомъ общей философій, враждебно относящейся, какъ и всякая доктрина, къ служенію двумъ богамъ, къ язычеству: то онъ признаетъ урожденнаго преступника неизлѣчимымъ, то онъ полагаетъ возможнымъ путемъ принятія конкретныхъ мѣръ предосторожности предупреждать его появленіе:— „Empêcher l'union tristement féconde des alcooliques et des criminels, union, qui, nous le savons, est une si large source de criminels précoces, serait l'unique moyen de faire disparaître le criminel-né, ce malheureux qui, d'après les faits que nous rapporterons, est absolument incurable“ (L'homme criminel, t. I, Paris, 1895, 2-ème édition française traduite sur la 5-ème édition italienne, p. p. 129—130). Въ предисловіи къ III тому своего „Преступнаго человѣка“ („Le crime, causes et remèdes“, Paris, 1899) Ломброзо оправдывается противъ обвиненій въ чрезмерномъ пристрастіи къ біолого-антропологическимъ тенденціямъ, признавая (р. 1), что преступленіе, явленіе очень сложное, состоитъ изъ множества факторовъ, перекрещивающихся взаимно... Но все это ничто въ сравненіи съ рефератомъ Ломброзо, прочитаннымъ на 4-омъ Женевскомъ конгрессѣ („Le traitement du criminel-né et du criminaloïde“). Ломброзо рекомендуетъ лѣчить урожденнаго преступника гипногизмомъ и гомеопатіей. Вотъ рецептъ, прописанный итальянскимъ ученымъ: phosphorus, origanum, pulsatilla, staphisagia, causticum—противъ сладострастныхъ наклонностей; pulsatilla, sulfur—противъ влеченія къ воровству; belladonna, mercurium, nux vomica, agaricus, muscarius—противъ влеченія къ убійству; nux vomica—для алкоголиковъ и ихъ потомства („Compte rendu des travaux de la quatrième session tenue à Genève du 24 au 29 août 1896“, Genève, 1897, p. 322). Наибольше плодотворной формой внушенія Ломброзо признаетъ „contact continuuel avec l'homme honnête, doué du coup d'oeil pédagogique (такъ же, р. 321). Положеніе отчаянное... Правда, свою терапію Ломброзо предлагаетъ,

повидимому, главнымъ образомъ криминалоидамъ (тамъ же, р. 143), но—спросимъ мы—гдѣ кончается *criminel-né*, и гдѣ начинается криминалоидъ? Развѣ это дѣленіе можетъ претендовать на какую либо научную цѣнность? Ученики Ломброзо всѣми силами стараются сгладить рѣзкій диссонансъ, оправдать сидѣнье маэстро на двухъ стульяхъ. Если Белье, Каутскій и Либкнехтъ, въ качествѣ преданныхъ учениковъ Маркса, популяризировали доктрину историческаго матеріализма, сглаживая его шереховатости,—Ферри, Гарофало, Марро въ Италіи, Дриль и Тарновская въ Россіи немало потрудились надъ восполненіемъ и углубленіемъ идей уголовной антропологии. Такъ, Ферри въ своей статьѣ „*Kriminelle Anthropologie und Socialismus*“, („*Die neue Zeit*“, 1895—96, II, s. 457) реабилитируетъ уголовныхъ антропологовъ передъ социалистами, утверждая, что первые въ угоду біологіи никогда не грѣшили противъ социальнаго фактора, имѣя всегда на виду его важное значеніе. На IV конгрессѣ въ Женевѣ Ферри увѣрялъ, что біологія и социологія не только уживаются другъ съ другомъ, но что онѣ неразлучны. „Біологія—это социологія клѣтокъ, все равно какъ социологія есть лишь дальнѣйшее развитіе біологіи, въ которой она имѣетъ свои корни“ (Op. cit, p. 222). Хотя въ своей капитальной работѣ „*Sociologia Criminale*“ Ферри выказываетъ себя представителемъ биолого-физически-социальнаго ученія о преступленіи (s. 64), утверждая, что неразрывность биологическихъ условій съ социальными фактами составляетъ конечный результатъ его изслѣдованій (s. 67), однако въ этой же книгѣ Ферри, вопреки только что указаннымъ тенденціямъ позднѣйшаго происхожденія, очень далеко отъ безпорядочнаго смѣшенія біо-и социологіи.—„Для антрополога, читаемъ мы на стр. 27, особенности преступника имѣютъ свое—анатомическое, физиологическое или психологическое—значеніе, какъ таковое, независимо отъ послѣдствій, которыя отсюда можно вывести въ пользу социологіи. Оттого методы, нынѣшнія и будущія открытія, дѣлаемая на преступникахъ, составляютъ исключительно область уголовной антропологии. Для социологіи всѣ эти данныя составляютъ лишь исходный пунктъ общественно-юридическихъ мѣропріятій, въ которыхъ антропология не свѣдуща. Такимъ образомъ антропология относится къ социологіи, какъ біологія къ клинической медицинѣ, т. е. клиницистъ не обязанъ изучать анатомію и физиологію, онъ долженъ лишь приноравливаться къ ихъ указаніямъ, откуда онъ черпаетъ заключенія для діагноза и терапіи: Enrico Ferri—„*Das Verbrechen als sociale Erscheinung. Grundzüge der Criminal-Sociologie*“ (Bibliotek für Socialwissenschaft mit bes. Rücksicht auf soc. Anthropologie u. Pathologie, Leipz, 1896, übers. von Kurella). Уже въ своемъ изслѣдованіи: „*La scuola positiva di diritto criminale*“ (Siena, 1883, p. 37) Ферри, касаясь этиологии дѣяній, отчетливо различаетъ три фактора: антропологическій, физическій и социальный: „*Considerando che le azioni dell'uomo, oneste o disoneste, sono sempre il prodotto del suo organismo fisiologico e psichico, e dell'atmosfera fisica e sociale, in cui egli è nato e vive,*

distinsi le tre categorie dei fattori antropologici, dei fattori fisici e dei fattori sociali del reato“. Исходя из этих основных соображений, Ferri смотрит на них, как на восполнение нѣсколько односторонняго, хотя весьма лестнаго и плодотворнаго, ученія маэстро о преступленіи. Il Lombroso porto nello studio del fenomeno criminoso l'impulso originale e il rilievo più speccato e fecondo delle ricerche antropologiche e biologiche; a cui io aggiunti oltre la sistemazione teorica del problema fondamentale della responsabilità, le ricerche psicologiche e sociologiche.... („Discordie positiviste sul socialismo“, Palermo, 1895, p. 6). Къ сожалѣнію, новыя тѣкарства, прописанныя Ферри тому рахитичному младенцу, который окрещенъ былъ криминальной антропологіей, не пошли бѣдному ребенку въ прокъ... Marro, одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ Ломброзо, въ своей работѣ „I caratteri dei delinquenti“ (Torino, 1887) говоритъ о физически-соціальныхъ причинахъ преступности—особ. 15 глава—переходя отъ центральной первой системы къ разсмотрѣнію экономич. феноменовъ. Хозяйственные и биологическія тенденціи смѣшаны воедино. Г. Дриль, недавно умершій профессоръ, послѣдователь Ломброзо, всю свою жизнь отдавшій изученію психофизическихъ типовъ, въ своей статьѣ „Антропологическая школа и ея критики“ („Юридич. Вѣстникъ“, 1890, XII) не находитъ „противоположенія двухъ теорій преступности—теоріи общественной и органической“. „Какъ нѣтъ психическихъ организацій, существующихъ внѣ чловѣческаго общества, такъ не можетъ и не должно быть и одностороннихъ теорій—или исключительно соціальной, или исключительно органической, а лишь одна соціально-органическая теорія, которую въ сущности признають всѣ послѣдователи антропологической школы, при чемъ одни изъ нихъ обращаютъ больше вниманія и больше подчеркиваютъ въ своихъ работахъ причины преступности, ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочностяхъ психо-физической организаціи дѣятеля преступления, тогда какъ другіе обращаютъ большее вниманіе на причины отдаленныя, заключающіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, подъ влияніемъ которыхъ вырабатываются первыя, какъ болѣе или менѣе устойчивыя факторы преступности“ (стр. 588—589). Г-жа Тарновская, авторъ очень солиднаго и интереснаго изслѣдованія „Женщины—убійцы“, находя преступленіе сложнымъ дѣяніемъ, „въ которомъ сталкивается *summa summarum* всевозможныхъ отрицательныхъ условій, тяготящихся надъ жизнью индивида,—болѣзненная наследственность, безпріютное дѣтство, нищета, лѣнь и въ особенности физическая и нравственная уродливость организаціи, гдѣ преобладають инстинкты и импульсивность при отсутствіи возможности совладать ими“, этимъ даетъ типичный образчикъ, классическую формулу уголовно-антропологическаго *credo*. Вы видите на первомъ планѣ болѣзненную наследственность и дегенерацію (анатомическую и психическую), засимъ идутъ: дѣтство безъ присмотра, бѣдность и прочіе соціальные факторы (См. ея докладъ на томъ же IV конгрессѣ: „Criminalité de la femme“, op. cit., p. r.

234—35).—Однако то *pêle-mêle*, то хаотическое смѣшеніе разнородныхъ категорій, которое преподносятъ намъ Ломброзо и его ученики, не приемлемо: съ практической стороны оно не удобно, а съ теоретической точки зрѣнія не допустимо. Неудобство усматриваемъ мы въ уничтоженіи демаркаціонной линіи между антропологическими и социальными тенденціями, различаемыми уже номинально. Правда, въ послѣднее время въ литературѣ встрѣчаются попытки включить въ область антропологии цѣлую серію отраслей позитивнаго знанія. Такъ, Manouvrier („L'anthropologie et le droit“, Paris, 1894, p. 5—6) хочетъ, чтобы антропология, какъ ученіе о человѣкѣ, обнимала собой всѣ анатомическіе, физиологическіе, психологическіе и социологическіе феномены. Однако эти дезидерата должны быть признаны неудачными, какъ такіа, которыя затемняютъ и безъ того таинственную область человѣковѣдѣнія, перепутывая ея входы и выходы. Авторъ еще выдумываетъ какую-то антропотехнію (р. 8.) Классификація и систематизація научныхъ доктринъ не такъ-то легко достались намъ, чтобы мы ихъ игнорировали зря, вопреки настоятельной потребности въ установленіи точности и ясности границъ всякаго объекта изслѣдованія. Не говоримъ уже о томъ, что нагроможденіе другъ на друга двухъ различныхъ дисциплинъ безъ указанія на ихъ каузальное взаимоотношеніе, лишено научнаго значенія. Мало сказать, какъ это дѣлаетъ г. Дриль, что одни антропологи обращаютъ больше вниманія на индивидуальный факторъ, а другіе выдвигаютъ на первый планъ внѣшнія воздѣйствія. Нужно еще указать, въ *какой* мѣрѣ уголовная антропология принимаетъ социальныя вліянія, какъ надстройку къ біологическому основанію. Съ теоретической стороны не допустимы указанныя популяризаторы и защитники уголовной антропологии по тому соображенію, что антропология и социология, вопреки мнѣнію Ферри, вовсе не сливаются другъ съ другомъ въ трогательной дружбѣ, но совершенно напротивъ: каждая индивидуальная клѣтка по крайней мѣрѣ потенциально настроена враждебно противъ коллектива. Засимъ, всѣ общественныя явленія настолько сложны и разнообразны, въ своей эластичной неуловимости такъ трудно поддаются реальному осязанію, что они не только исключаютъ возможность изученія ихъ съ естественно-антропологической точки зрѣнія, но и не могутъ служить подотдѣломъ антропо—или біологии. Не слѣдуетъ нынѣ возвращаться къ предрасудкамъ ученыхъ, которые разсматривали общество и государство, какъ живые организмы. Нѣкоторые изслѣдователи, считая преступность равнодѣйствующей сложной системы силъ исключительно социальнаго значенія, отвергаютъ даже возможность изученія преступления съ антропологической точки зрѣнія, утверждая, что такіе термины, какъ „уголовная антропология“, не совмѣстимы и созданы во вредъ науки. „Антропология—говорилъ на Женевскомъ конгрессѣ г. Шидловскій—обосновываетъ свои выводы на особенностяхъ природы, которая не можетъ дать объектовъ съ идеей преступности, ибо эту послѣднюю рождаетъ человѣческая психология.

между тѣмъ какъ сфера силы и матеріи не знаетъ ничего преступнаго“ („Relations du droit et de l'anthropologie“, op. cit., p. 135). Г-нъ Н. С. еще въ 1882 году писалъ:—„Школа Ломброзо имѣетъ громадное значеніе въ антропологіи, и всякій долженъ привѣтствовать ее, какъ новый лучъ свѣта въ области человѣческаго вѣдѣнія, но она не принадлежитъ къ уголовному праву; связь ея съ уголовнымъ правомъ основана исключительно на недоразумѣніи“ („Н. С. Антропологическое направленіе въ изслѣдованіи о преступленіи и наказаніи“, Юрид. Вѣс., 1882, IX томъ, 220). Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что агитация, направленная къ поощренію незаконной связи социологіи съ біологіей, угрожаетъ уголовной антропологіи лишеніемъ достоинства доктрины уголовного права, какъ опредѣленной научной дисциплины, имѣющей свою исторію, свой методъ, свои задачи и цѣли въ отличіе отъ прочихъ историческихъ доктринъ того же права. Что всякая научная проблема съ историческимъ значеніемъ обязана имѣть прочный теоретическій базисъ—естъ трюизмъ, и распространяться объ этомъ не приходится. Что сказали бы, примѣрно, объ Эрнстѣ Геккель, этомъ достойномъ ученикѣ Дарвина, если бъ онъ, въ измѣну своему органическому объясненію мірозданія, призналъ за *primum movens* влияніе среды, или, кокетничая съ Сущностью, въ умиленіи, потерявъ голову, объяснился бы—упаси Господь—въ любви Идеѣ? Подчеркивая крупную теоретическую неослѣдовательность, поражающую доктрину италіанской школы ядовитой стрѣлой въ самое сердце, должно видѣть ея объясненіе въ непростительной небрежности, характеризующей все писанія Ломброзо, который никогда не заботился о философскомъ обоснованіи своихъ воззрѣній на генезисъ преступленія. Г. Радловъ въ своей статьѣ „Чезаре Ломброзо и уголовная антропологія“ удачно замѣчаетъ: „Все книги Ломброзо производятъ впечатлѣніе черновика, помимо воли автора появившагося въ печати, ибо сырой матеріалъ не подвергся логической обработкѣ“ („Русское Обзорѣніе“, 1892, VIII, стр. 848). Да, сочиненія Ломброзо носятъ характеръ черновика, гдѣ грубоватый, неослѣданный слогъ служитъ рамкой поспѣшнымъ умозаключеніямъ и додучкіямъ.

4.

Имѣя въ виду, что уголовная антропологія, несмотря на ея крупные недочеты и промахи, въ исторіи уголовного права занимаетъ солидное и почетное мѣсто, полагаемъ, что работа наша страдала бы неизвинительной неполнотой, если бъ мы, хотя бы въ общихъ чертахъ, не коснулись писателей, которые могутъ быть названы вдохновителями или предшественниками италіанской школы. На первомъ планѣ, соблюдая хронологическій порядокъ, слѣдуетъ упомянуть о Johann Kaspar Lavater-ѣ (1741—1801), всю свою жизнь не только носившемся съ мыслью о созданіи новой науки физиогномики, но и немало поработавшемъ для нея. Первый его трудъ въ 4-хъ выпускахъ появился подъ загла-

вѣмъ: „Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe“, Leipzig und Winterthur, 1775. Основныя положенія, намѣченныя въ этой книгѣ, нашли свое выраженіе въ французскомъ изданіи 1786 года, вышедшемъ въ трехъ выпускахъ подъ заглавіемъ: „Essai sur la physiognomonie destiné à faire connoître l'homme et à le faire aimer“ (imprimé à Havel). Засимъ, въ 1802 году появляется на нѣмецкомъ языкѣ маленькая, въ нѣсколько десятковъ страницъ, книжка съ такимъ заглавіемъ: „Lavater's vermischte physiognomische Regeln—ein Manuscript für Freunde“, Leipzig. Въ этомъ изданіи особенно типичны характеристики „Wollüstling“ (s. 71) и „Taugenichts“ (s. 63). Наконецъ, въ 1820 году, въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, выходятъ девять томовъ капитальнаго труда Lavater-a, гдѣ сконцентрированы всѣ взгляды автора на оригинальную отрасль знанія, физиогномію. Работа эта, озаглавленная: „L'art de connaître les hommes par la physionomie“, и послужила намъ непосредственнымъ источникомъ для ознакомленія съ утвержденіями и тенденціями трудолюбиваго Lavater-a. Никакой системы, никакого метода авторъ не рекомендуетъ для своей науки, центральное мѣсто которой занимаетъ попытка на основаніи внѣшнихъ анатомо-психологическихъ и физиологическ. признаковъ судить о нравственныхъ достоинствахъ субъекта. — „Наше лицо отражаетъ на себѣ предметы, которые мы любимъ, а также тѣ, къ которымъ чувствуемъ особенное отвращеніе“ (V, p. 201). — „Лицо—самый краснорѣчивый и активный органъ рѣчи сердца и ума, одинъ изъ тѣхъ внѣшнихъ атрибутовъ организаци, которые болѣе всего связаны съ душевными симпатіями, и на которыхъ болѣзнь, страсти, пороки и добродѣтели отпечатлѣваютъ поразительныя перемѣны“ (IV, p. 101). — „Красота и безобразіе лица имѣютъ непосредственную связь съ нравственной структурой человѣка, который тѣмъ красивѣе, чѣмъ онъ лучше въ нравственномъ отношеніи и тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ онъ хуже въ нравственномъ смыслѣ“ (III, p. 239).

Les fous méchants, comparés aux ours:— „Волосы у нихъ жестки... голова тяжеловѣсна и заострена... уши чрезмѣрной величины и немного оттопырены; затылокъ или задняя часть головы и даже шея круглы; пятки острые; лобъ крѣпкій и жесткій; глаза прищурены (voilés), маленькіе, сухіе, вялые, слезящіеся (mouillés); взглядъ твердый; щеки узкія и длинныя; подбородокъ длинный, и я думаю, что, въ виду сходства съ змѣей, надо было бы сказать—маленькій; ротъ пустомсли (babillarde), длинный, открытый, такъ что кажется, будто лицо расколото на двѣ части; тѣло нѣсколько изогнуто; животъ большой; руки жирныя; конечности ногъ и рукъ... длинныя, упитанныя (fournies) и жесткія; цвѣтъ лица блѣдный, такъ что они производятъ впечатлѣніе людей, объятыхъ сномъ или винными парами; звукъ голоса какъ у овецъ (bêlant), небольшой, непріятный и дикій“ (IX, p. 246).

Les scélérats accomplis:— „Зрачки неодинаковы, они будто вращаются въ своихъ орбитахъ, или глаза выворочены, а зрачки обращены къ

внутреннимъ угламъ, имѣя на себѣ черныя и красныя пятна“ (IX, p. 247).

Les brutaux, comparés aux sauvages:—„Волосы у нихъ густыя, рыжіе; щеки косматыя (velues); спина покрыта растительностью; плечи высокія; ноги короткія и жирныя; ногти искривленные, узкія и длинныя; пальцы короткіе и толстыя; глаза зеленоватосиніе (pers), цвѣта шафрана. брови сдвинуты и слиты“ (IX, p. 246).

Les hommes actifs, ou bouillans:—„Тѣло у нихъ маленькое, кожа сухая, цвѣтъ лица пламенный, или тѣло большое, а лицо не такое полнокровное. Ходятъ быстро, сразу обрываютъ увертки, которыя встрѣчаютъ; походка у нихъ рѣдкая, но очень проворная“ (IX, p. 243).

—„Есть физиономіи, которыя можно было бы назвать окаменѣлыми. Онѣ одиноки, никого не интересуютъ, ни къ чему не причастны, не воспріимчивы, съ трудомъ доступны для общенія. Этотъ родъ людей, замкнутыхъ и непоколебимыхъ, ни хорошъ, ни дуренъ, ни разсудительнъ, ни безуменъ; сказали бы—у нихъ нѣтъ темперамента“ (VIII, p. 132).

—„Всякій человѣкъ, у котораго фигура, ротъ, походка или почеркъ косые, въ своей манерѣ мыслить, въ своемъ характерѣ, своихъ пріемахъ будетъ имѣть что-то двусмысленное и непослѣдовательное, отличаясь пристрастіемъ, наклонностью къ софизмамъ, къ лживости, хитрости, капризамъ, противорѣчіямъ, плутовству; жестокой и холодной распущенностью“ (III, p. 82).

—„Носы,гибающіеся въ верхней части корня, приличествуютъ властнымъ характерамъ, призваннымъ повелѣвать, творить великія дѣянія, рѣшительнымъ въ своихъ замыслахъ и пылкимъ въ ихъ домоганьи“ (II, p. 166—67).

—„Лобъ, который склоняется сверху напередъ и обѣдаетъ у глазъ, у взрослого человѣка служить до извѣстной степени показателемъ безмѣрной глупости“ (III, p. 84).

—„Голова, пропорціональная остальной части тѣла, особенно если это замѣтно уже съ перваго взгляда, не очень крупная и не очень маленькая, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, говорить о болѣе совершенныхъ умственныхъ способностяхъ, чѣмъ можно было бы ожидать отъ головы несоразмѣрной. Когда голова очень объемиста, она почти всегда указываетъ на грубое тупоуміе; если она слишкомъ мала—это знакъ слабости и отсутствія способностей“ (II, p. 68).

—„Можно установить за правило, что форма глазъ аналогична ихъ характеру. Свѣтлые глаза говорятъ о проницательности; впалые глаза (если они не находятся въ противорѣчьи со всѣмъ прочимъ)—о глубинѣ; глаза, точно очерченные, объ аккуратности; неопредѣленный взглядъ—о нерѣшительности. Маленькій носъ, къ тому же элегантно формы, говоритъ больше о разсудкѣ, чѣмъ о мудрости“ (VI, p. 84).

—„Каковъ бы ни былъ геній, его характеръ, его закваска, онъ дастъ о себѣ знать всегда по глазамъ. Ищите его, попросту говоря, во взглядѣ, въ огнѣ, его одушевляющемъ, особенно въ очертаніи верхней рѣсницы, взятой въ профиль. Въ ущербъ всякому другому отличительному признаку я всегда буду держаться именно этого. Онъ никогда не обманетъ меня. Не видя этого очертанія, я не вижу чело-

вѣрка. Пусть одна эта черточка будетъ положительно и рѣшительно выражена—остальное не важно для меня. Если порой у меня не хватаетъ времени, или нѣтъ случая изучить лицо полностью, я по крайней мѣрѣ наблюдаю верхнюю рѣсницу. Часто даже она даетъ мнѣ возможность въ общихъ чертахъ, но съ достаточной точностью, отмѣтить совокупность интеллектуальныхъ способностей ребенка, какъ ни велико мое отвращеніе къ вынесенію сужденій о лицѣ не совсѣмъ еще развитомъ; между тѣмъ это очертаніе принадлежитъ до сихъ поръ къ числу тѣхъ, которыми художники въ большинствѣ случаевъ безжалостно пренебрегаютъ. Вотъ почему такъ трудно составить себѣ вѣрное представленіе объ оригиналѣ по портретамъ, какъ бы они ни были похожи съ виду“ (VI, p. 92). — „Среди большого числа дѣтей, годовы которыхъ я изслѣдовалъ и нащупывалъ, я нашелъ лишь двухъ мальчиковъ, одаренныхъ необыкновенной памятью и имѣвшихъ около черепного шва косую ямку. Соответственно ей въ верхней части лба находилась маленькая дуга, которая въ профиль описывала приблизительно слѣдующую фигуру { . Безполезно искалъ я того же признака у огромнаго множества молодыхъ людей, отличавшихся очень хорошей памятью; долженъ замѣтить, что оба мальчика, о которыхъ я говорю, обладали указанной способностью въ поразительной степени, кромѣ того они были необыкновенно живыми, и ихъ костная система была довольно крѣпкой“ (VI, p. 78).

Довольно однако физиогномика, которая способна набить оскомину. Наука ли она?—Разумѣется, нѣтъ. Другого отвѣта быть не можетъ. Безъ руля и вѣтриль, отдавшись въ руки слѣпому случаю, мчится Lavater по морю смѣлыхъ предположеній, не имѣющихъ за собой никакихъ прочныхъ основаній, хотя бы въ видѣ неизмѣнныхъ каузальныхъ нормъ. Говори о Lavater-ѣ, Paolo Mantegazza („Physiognomik und Mimik“, deutsch von Löwenfeld, Leipzig, 1890, s. 438) замѣчаетъ: „Горе тому, кто сталъ бы въ практической жизни примѣнять его правила“. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно, пожалуй, сказать, что человѣкъ благообразной наружности, съ мягкими глазами, высокимъ лбомъ, пропорционально сложеннымъ тѣломъ не есть *fon méchant*, или *brutal comparé au sauvage*, но такого рода презумпція, быть можетъ безукоризненная съ точки зрѣнія традицій обыденной жизни, совершенно чужда наукѣ, самымъ немилосерднымъ образомъ изгоняющей изъ своихъ владѣній нищенствующую братію всевозможныхъ гипотезъ. Оптимистъ Lavater былъ полонъ свѣтлыхъ надеждъ: — „Физиогномія, читаемъ мы въ первомъ томѣ его „L'art de connaître les hommes par la physiognomie“, можетъ стать наукой, какъ и все, что носитъ имя науки, какъ физика, ибо она принадлежитъ къ физикѣ; какъ медицина, такъ какъ она составляетъ ея часть... какъ теологія, потому что она находится въ вѣдѣній теологіи: чтó въ сущности приближаетъ насъ къ Божеству, какъ не знаніе человѣка, и что служитъ средствомъ для познанія человѣка, какъ не лицо и его форма“?.. (I, p. 288). Надежды эти не только оказа-

лись тщетными, но физиогномика Lavater-a, какъ и френологія Gall-a и Spurtzheim-a, своими болѣзненными потугами въ попыткѣ создать формулы причиннаго взаимоотношенія анатомическихъ признаковъ чело-вѣка и его моральныхъ достоинствъ, наукѣ принесли очень мало пользы. Смѣшонъ, кто пустится летать на бочкѣ; не имѣя аэроплана, не подымешься на воздухъ. Какъ можно устанавливать каузальную связь между анатомическими и морфологическими признаками чело-вѣка съ одной стороны и его нравственными качествами или недостатками съ другой, бродя въ густыхъ потемкахъ таинственныхъ лабиринтовъ медицины и психологіи? Съ какихъ поръ наука занимается гаданьемъ на кофейной гущѣ?

Gall („Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties“, V t., Paris, 1823, p. 430), упрекая физиогномистовъ въ незнакомствѣ съ физиологіей и анатоміей мозга, съ законами нервной системы, въ своей капитальной работѣ „Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier“, Paris, I volume—1810; II vol.—1812; III vol.—1818, удѣляетъ прежде всего немало мѣста физиогномикѣ и краниологіи: —„Головы отъ 18 до 18½ дюймовъ—еще малыя головы, хотя онѣ и допускаютъ правильное функционированье интеллектуальныхъ способностей. Имъ свойственны: жалкая посредственность, умъ рабски подражательный, легковѣріе, суевѣрія, тотъ родъ чувствительности, который изъ-за пустяка—наверху блаженства или въ слезахъ, неуверенность въ сужденіи, крайняя затруднительность въ схватываніи отношенія причины къ слѣдствію; отсутствіе самообладанія; и часто, какъ счастливое явленіе, умеренность въ потребностяхъ. Съ указанной степенью развитія могутъ однако уживаться уже качества или способности выдающіяся, принимая во вниманіе возможность значительной эволюціи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ органовъ, какъ это иногда наблюдается у дѣтей младшаго возраста обоихъ половъ. Это изъ тѣхъ людей, у которыхъ констатируютъ поразительный контрастъ между выдающеюся способностью и какой либо непостижимой посредственностью изъ числа всѣхъ прочихъ. Но по мѣрѣ приближенія къ болѣе значительнымъ мозгамъ, замѣчается прогрессъ въ интеллектуальныхъ дарованіяхъ, пока не дойдемъ до головъ, имѣющихъ двадцать одинъ или двадцать два дюйма въ окружности,—предѣлъ, гдѣ чело-вѣкъ достигъ высшей силы своего ума“ (II, p.p. 350—51).

—„Кто не знаетъ людей, надѣленныхъ крупными дарованіями, съ очень большимъ лицомъ, выдающимися впередъ висками, съ широкой и вышуклой челюстью, верхней или нижней? Леонъ X, Монтанъ, Лейбницъ, Расинъ, Галлеръ, Мирабо, Франклинъ и другіе имѣли очень крупныя головы и очень большія лица. Боссюэ, Вольтеръ, Кантъ и др. имѣли, напротивъ, маленькія лица и очень большія головы“ (II, p.p. 326—27). —„У всѣхъ указанныхъ мной выше людей, которые, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, сдѣлались благодѣтелями чело-вѣчества, находить широкій и сильно выпуклый лобъ, такъ какъ мозговья части, помещаю-

щіяся противъ лба, у нихъ очень развиты. Напротивъ, у тѣхъ, которые выказали себя лишь любовью къ завоеваніямъ, честолюбіемъ въ стремленіи къ власти, инстинктомъ разрушенія, бѣшенствомъ въ сраженіи, жестокостью, непреодолимымъ влеченіемъ къ самымъ грязнымъ удовольствіямъ и пр.—передне-верхняя часть головы мало выпукла; напротивъ, другія части выдаются впередъ въ очень замѣтной степени, и всегда на томъ основаніи, что мозговые части, находящіяся подъ этими выпуклостями черепа, достигли большого развитія. Когда имѣется на лицо смѣшеніе благородныхъ способностей съ качествами низшаго свойства, форма черепа—также смѣшанная. Стало быть, не абсолютная масса мозга сама опредѣляетъ нравственный характеръ, генія, но каждая часть мозга въ отдѣльности, зависимо отъ ея болѣе или менѣе благопріятнаго развитія, можетъ измѣнять степень проявленія нравственнаго качества или интеллектуальной способности. Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Необходимое слѣдствіе то, что различныя мозговые части выполняютъ различныя функціи; что мозгъ въ цѣломъ вовсе не есть одинъ единственный органъ; что каждая изъ его составныхъ частей есть особый органъ, и что существуетъ столько отдѣльныхъ органовъ, сколько душевныхъ функцій, существенно различныхъ (II, p. 355). —„Влеченіе къ воровству, къ убійству; влеченіе къ доброжелательству, благочестію одинаково составляютъ слѣдствіе развитія и необыкновеннаго функціонированія каждаго органа“ („Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties“, III t., Paris, 1823, p. 215). Намѣчая знаменитый принципъ своей теоріи (органологіи) „pluralité des organes“, множественность органовъ, авторъ посвящаетъ третій томъ своей „Anatomie et physiologie“... болѣе конкретному изложенію основныхъ положеній своего ученія. На первомъ планѣ стоитъ „instinct carnassier“, или „organe du meurtre“. Это—примитивнаго характера врожденная сила („force primitive innée“), которая, имѣя свое выраженіе поверхъ ушей, какъ отраженіе особой части мозгового вещества, свойственна большинству плотоядныхъ и всеядныхъ. Этотъ органъ находится у людей и у животныхъ. —„Сравнивая множество череповъ или головъ, можно найти такіе, которые въ височной, а также нижне-темянной части, т. е. непосредственно поверхъ ушей, сплющены и такіе, которые въ этомъ мѣстѣ выпуклы и выгнуты. Эта выпуклость находится какъ разъ въ такой части черепа, гдѣ височныя кости тонки до прозрачности, и гдѣ слѣдовательно мозговые части, находящіяся подъ костной массой, проявляются въ своихъ подлинныхъ измѣреніяхъ. Если развитіе мозгового вещества, о которомъ идетъ рѣчь, прѣзвѣрно, вся часть черепа, начиная съ нижнихъ краевъ темянныхъ костей до уха, выпукла; при менѣе интенсивномъ развитіи, выпуклость ограничена въ направленіи височныхъ костей“ (III, p. 252). —„У меня имѣется значительная коллекція головъ, принадлежащихъ кошкамъ и собакамъ. Составляя ее, я неизмѣнно обращалъ вниманіе на степень проявленія instinct du meurtre у каждаго индивидуума. У всѣхъ лов-

кихъ котовъ, особенно тѣхъ, которые упорно охотились за крысами и птицами, указанное мѣсто въ мозгу и на черепѣ значительно болѣе выражено, чѣмъ у тѣхъ, которые питаются на кухнѣ и въ комнатахъ“ (III, p. 207). Засимъ слѣдуетъ „organe de la ruse“, который въ мозгу помѣщается повыше и нѣсколько впереди „instinct carnassier“ (III, p. 263). — „Въ исправительныхъ домахъ мы нашли этотъ органъ очень развитымъ у лицъ, которые совершили вмѣненные имъ въ вину дѣянiя съ большимъ лукавствомъ и вѣроломствомъ. Никогда, напр., воръ, одаренный хорошо выраженнымъ органомъ хитрости, не совершитъ простой кражи; онъ украдетъ лишь тамъ, гдѣ тайное похищенiе требуетъ выдающейся ловкости“ (III, p. 265). Далѣе идетъ „penchant au vol“ (влеченiе къ воровству). Авторъ, изслѣдуя наиболѣе упорныхъ воришекъ („chipeurs“), нашель у нихъ „продолговатую выпуклость, простирающуюся отъ органа хитрости до вишняго края верхняго свода орбиты“; напротивъ, у лицъ, выражавшихъ отвращенiе къ кражѣ, мѣсто это найдено плоскимъ (III, p. 267). Придаетъ ли Gall анатомическимъ аномалiямъ существенное значенiе? По крайней мѣрѣ онъ высказывается по этому поводу въ положительномъ, не допускающемъ сомнѣнiй, смыслѣ. — „Мы часто находимъ воровъ и убiйцъ, у которыхъ органы, имѣющiе отношенiе къ воровству и убiйству, не достигли развитiя чрезвычайнаго. Въ такомъ случаѣ злоумышленникъ былъ вовлеченъ въ преступленiе путемъ соблазна, нуждой, пылкими страстями—ревностью, обидой, ссорой или другимъ несчастнымъ совпадениемъ обстоятельствъ. Рѣдко ошибаются, когда идетъ рѣчь о злоумышленникахъ фатальныхъ (malfaiteurs déterminés); у нихъ развитiе органа очевидно“ (II, p. 127). — „Нѣтъ сомнѣнiя, что недостатокъ воспитанiя, суевѣрiе, дурные примѣры и пр. даютъ много пищи порочнымъ наклонностямъ. Мы постоянно наблюдали... что всякаго рода преступленiя тѣмъ чаще встрѣчаются въ опредѣленной мѣстности, чѣмъ небрежнѣе содержатся ея воспитательныя и образовательныя учрежденiя. Но эти неблагоприятныя условiя не вызвали бы влеченiя къ воровству, если бъ оно не было присуще нашей природѣ“ (III, p. 273). Это положенiе должно быть приведено въ связъ съ общимъ философскимъ credo Gall-а, выражаемымъ имъ такъ: „Les dispositions des propriétés de l'âme et de l'esprit sont innées, et leur manifestation dépend de l'organisation“ (II, 6). Gall различаетъ еще: 1) органъ самозащиты и защиты своей собственности (III, 192); 2) органъ высокоумiя (III, 307); 3) органъ тщеславія (III, 330); 4) органъ осмотрительности (III, 338) и др. Нельзя не упомянуть о томъ, что Gall придаетъ огромное значенiе изученiю физиологiи нервной системы, утверждая (I, p. 14), что безъ нея не могутъ существовать ни психология, ни философія. Хотя это мнѣнiе преувеличено, тѣмъ не менѣе оно дало толчокъ автору къ добросовѣстному анализу анатомическихъ и физиологическихъ свойствъ человѣка. Правда, провиденціальная теорiя Gall'а лишена научнаго значенiя, и это поняли сейчасъ послѣ ея

появления (Foderé въ своей работѣ „Traité du délire, appliqué à la médecine, à la morale et à la législation“, Paris, 1817, II t., p.p. 128—29 уже пѣлъ ей торжественную отходную), однако въ ней имѣется два-три здоровыхъ зерна, которыя надо отдѣлить отъ плевелъ произвольныхъ мудрствованій, висящихъ въ воздухѣ. Развѣ не характерно, что уже Gall зналъ такъ назыв. „нравственное помѣшательство“, „l'aliénation partielle“ (II, p. 191)? что онъ въ рѣшительной формѣ высказался за ненормальное состояніе умственныхъ способностей субъектовъ жестокихъ дѣяній (III, p. 223), рекомендуя справедливому судѣ пріобрѣтеніе глубокихъ познаній, столь необходимыхъ для изученія преступника (III, p. 250)? что онъ скорбѣлъ о неудовлетворительной постановкѣ слѣдственнаго процесса, для котораго дѣяніе составляло все, а индивидъ—ничего? („Il est fâcheux que, jusqu'à présent, on n'ait pas encore assez généralement approfondi les ressorts véritables des actions des hommes, et que par là on ait été contraint de considérer plutôt le délit en lui-même que les besoins et la position du malfaiteur“, II, p. 143); что онъ строго отличалъ случайныхъ преступниковъ („вовлеченныхъ въ дѣяніе по легкомыслію, благодаря фатальной горячности, бѣдности и нуждѣ, соблазну и другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ весьма настоятельнаго характера“) отъ глубоко испорченнаго субъекта („entraîné au crime par une propension intérieure“), лишеннаго всякаго чувства раскаянія? („Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties“, I, Paris, 1822 p.p. 349—350). Такимъ образомъ Gall долженъ быть признанъ дѣдомъ уголовной антропологіи, грѣшившимъ, къ слову сказать, не менѣе своихъ внуковъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время находятся авторы, которые пытаются воскресить ошибки Gall-a. Таковъ именно Arthur Lehmann, выпустившій пустую книгу въ 400 стр. подъ заглавіемъ: „Krankheit, Begabung, Verbrechen“, ihre Ursachen und ihre Beziehungen zu einander, (Berlin, 1904) и посвятивъ ее памяти Gall-a, своего знаменитаго, хотя и незнакомаго массамъ, соотечественника. Кому это нужно?

Въ книгѣ Lauvergne-a „Les forçats considérés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel, observés au bagne de Toulon“, Paris, 1841 френологія Gall-a предстаетъ передъ нами въ приложеніи къ огромному множеству живыхъ явленій, держать, такъ сказать, свой Maturitätsexamen. Lauvergne—ученикъ Gall-a, много лѣтъ былъ врачомъ Тулонскихъ каторжниковъ, съ которыми приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе и какъ докторъ и какъ писатель, задавшійся цѣлью изучить населеніе каторги съ точки зрѣнія не только психологической и френологической, но и уголовно-политической. Работа Lauvergne-a имѣетъ для насъ тѣмъ большую цѣнность, что онъ приступаетъ къ описанію непосредственно изученныхъ имъ фактовъ безъ всякихъ предвзятыхъ намѣреній, чуждый пристрастія, не зная кумировъ. Имѣетъ она девять главъ, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ: 1) френологія и физиогномія каторжника (1—50); 2) объ убійцахъ, нравствен-

ное и френологическое ученье объ этомъ родѣ каторжниковъ (51—114); 3) о внутренней Корсикѣ и vendetta (114—167); 4) о различныхъ классахъ убійць; ихъ психологія (168—254); 5) о кражѣ, о большихъ и малыхъ ворахъ, нравы на каторгѣ (255—320); 6) поддѣльватели, фальшивомонетчики; просвѣщенные каторжники; (321—369); 7) каторжники, осужденные за изнасилованье (370—402); 8) законы каторги и внутреннее управленіе (403—434); 9) статистика каторги (435—448). Не забывая ни на одну минуту, что мы излагаемъ пока лишь исторію уголовной антропологии, и что основная наша цѣль еще впереди, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности подробно коснуться старательнаго сочиненія Lauvergne-a, порой захватывающаго своимъ живымъ интересомъ и до сихъ поръ не потерявшаго значенія для криминалиста. Поневолѣ довольствуемся передачей лишь основныхъ положеній лежащей передъ нами книги.

— „Интеллектуальный инстинктъ, естественное состояніе человѣка, и разуміе, приобретаемое путемъ воспитанія, составляютъ двѣ колеблющіяся силы, изъ которыхъ одна всегда должна нейтрализовать болѣе или менѣе другую, или даже поглотить ее. Отсюда слѣдующая формула: инстинктивные способности тѣмъ болѣе властны и эластичны, чѣмъ менѣе воспитаніе противопоставляло инстинктивнымъ побужденіямъ осмысленные поступки отъ разума. Въ всякаго сомнѣнія происходитъ борьба между органами инстинкта и органами разума, между хотѣніемъ самопроизвольнымъ, принужденнымъ и хотѣніемъ нравственнымъ, обдуманнымъ, и задача философа—намѣтить перспективы, гарантирующія торжество послѣдняго. Не оспорима та истина, что большинство субъектовъ, выбрасываемыхъ на каторгу,—обыкновенные люди, болѣе инстинктивные, чѣмъ интеллектуальные, такіе, которые натворили зла лишь потому, что ихъ не научили хорошимъ дѣланіямъ ни мужественные примѣры, ни природныя руководители“ (р. 36.)

— „Малолѣтніе каторжники, пропитанные незначительными пороками, живутъ въ ссылкѣ какъ бы въ крѣпостной зависимости подъ начальствомъ старшихъ. У нихъ не было дѣтства, какое мы видимъ въ семьѣ, память объ отцѣ или матери не вызываетъ у нихъ никакого чувства, такъ какъ они не имѣли никакихъ радостей въ домашней обстановкѣ, то рано оставшіеся сиротами, то покинутые на произволь судьбы. Если общество не дастъ пристанища подобнымъ дѣтямъ, нѣтъ сомнѣнія, что они сдѣлаются добычей тюрьмы, убійцами положить свою голову на плаху“ (р. 258).

— „Поищите-ка нравственный міръ болѣе ограниченный, болѣе засоренный отравой, нежели каторга! Кажется, будто законъ, собравъ со всѣхъ мѣстъ гниль и развратъ, помѣстивъ ихъ въ теплицѣ арсенала для дальнѣйшаго произрастанія и преуспѣанія. Инстинктъ осмысленный, умъ, даже гений, совращенные съ predeterminedнаго имъ въ этомъ мірѣ пути и помѣщенные въ это огороженное мѣсто, уже подъ влияніемъ самаго факта взаимнаго соприкосновенія образуютъ общество, распространяющее вокругъ себя стуженные лучи зла. Говорю это къ тому, что $\frac{3}{4}$ числа каторжанъ имѣетъ самое

обыкновенное устройство мозга, которое господствует над проявлениями интеллектуального инстинкта; что часто повторение дѣянія, предосудительнаго съ нравственной точки зрѣнія, дѣянія, совершеннаго въ подражаніе, привело ихъ на каторгу; что здѣсь они поневолю сдѣлались болѣе испорченными, болѣе опасными для порядка и нравственности“ (р. 34). — „Воспитаніе при всѣхъ возможныхъ состояніяхъ мозга, представляетъ естественный рычагъ, который, при умѣломъ примѣненіи, можетъ изъ грубой натуры сдѣлать нравственную и разумную“ (р. 46). — „Можно не имѣть *bosse du meurtre*, всегда предполагаемая влияніе, и все же стать гениемъ въ искусствѣ умерщвленія своего ближняго; можно начать съ мозгомъ, который въ этомъ отношеніи былъ *tabula rasa* и прогрессировать по принципу: *vires acquirit eundo*. Ребенку съ насильственными и бранчливыми наклонностями нетрудно предсказать его судьбу; влияніе воспитанія, основаннаго на примѣрахъ и примѣненіи добрыхъ совѣтовъ, обыкновенно укрощаетъ неистовыя и хаотическія стремленія горячей, полной страстей, юности. Умѣть успокоить ребенка безконечно труднѣе обузданія Буцефала, и все же это тайна того, что мы зовемъ семейнымъ воспитаніемъ“ (р.р. 196—97).

— „Напомнимъ тѣмъ, которые могли бы позабыть, что мозгъ—все равно что мастерская, гдѣ живетъ душа, нашъ собственный работникъ, который будетъ великъ, посредственъ или малъ въ своихъ дѣяніяхъ въ зависимости отъ образовъ, его вдохновляющихъ, отъ универсальныхъ истинъ, которыми онъ питается, благихъ или дурныхъ совѣтовъ, имъ принимаемыхъ“ (141—42). — „Не забудемъ никогда, что анатомическое описаніе мозга есть *chef-d'oeuvre* описательнаго искусства, но и только, всегда что-то будетъ недоставать, неизвѣстная величина его таинственныхъ атрибутовъ. Тотъ, кому удастся поднять уголокъ завѣсы, скрывающей истину, разумѣется безконечно обяжетъ науку. Но кто осмѣлится на такое притязаніе? Мы едва рѣшаемся намѣтить нѣсколько просвѣчивающихся точекъ его непроницаемости. (38—39).

— „Не форма головы дѣлаетъ человѣка нравственнымъ, она можетъ самое большее намекать на наклонности и инстинкты. Мы видѣли Наполеоновскій профиль у идиотовъ и каторжниковъ. Да, именно такой осужденный былъ у меня на примѣтѣ въ больницѣ: его четырехугольная голова, прекрасный лобъ, грустное выраженіе голубыхъ глазъ вплоть до классическихъ губъ и подбородка—все поражало въ этой фигурѣ. (142). — „Безмѣрная надменность и властные потребности, фатальный законъ необходимости, призванный въ видахъ угожденія имъ, случай, всегда легко дающійся въ руки тому, кто непрестанно бодрствуетъ, чтобы застигнуть его врасплохъ — толкають человѣка на кражу съ убійствомъ, которое не будетъ уже слѣдствіемъ предопредѣленнаго свыше устройства мозга, какой-то шишки, какъ смертоноснаго орудія, функционирующаго непреклонно и непреодолимо, когда побудительные мотивы приведутъ его въ движеніе. Мотивы эти и слишкомъ разнообразны и слишкомъ неожиданны для допущенія одной

конечной, матеріальной причины, всѣхъ ихъ обнимающей. Какъ указываетъ сотни разъ исторія человѣчества, на убійство толкаетъ желаніе завладѣть короной, или небольшою суммой денегъ. Всѣ царевѣйцы отъ Брута до Равальяка не имѣли необходимо *bosse du meurtre*. Изъ числа тридцати убійць, поступившихъ въ каторжную больницу, шестнадцать человѣкъ лишены были боковыхъ выпуклостей, соответствующихъ влеченію къ убійству. Изъ четырнадцати, заклеянныхъ фатальной печатью, шестеро имѣли ее на себѣ въ слабо выраженной степени, остальные восемь представляли интересъ для френологіи въ качествѣ субъектовъ, названныхъ нами геніями зла. Съ другой стороны у пятидесяти воровъ, совершившихъ кражу со взломомъ.... мы вообще отмѣчали отсутствіе душевныхъ качествъ и высшихъ умственныхъ способностей...; зато инстинктивные органы были сильно развиты, и среди нихъ органы убійства встрѣчались въ трехъ случаяхъ изъ десяти. Значитъ ли это, что предположенія френологіи ложны? Конечно—нѣтъ, но говорить, что страсти въ примѣненіи къ потребностямъ субъекта, соображенія разсудка и препятствія или обузданіе, которые выдумываетъ общество въ видахъ недопущенія зла, взаимно обслуживаютъ себя, часто удивительно стовариваясь въ интересахъ личнаго эгоизма—то же, что выражать общеизвѣстную истину“ (р.р. 72—73). Мы не придаемъ рѣшающаго значенія тому обстоятельству, что по мысли *Lauvergne*—а, обоснованной на результатахъ добросовѣстныхъ опытныхъ наблюдений, въ проблемѣ генезиса преступности социологія занимаетъ первое мѣсто въ ряду съ френологіей мѣсто. Желательно лишь отмѣтить тотъ фактъ, что психіатръ, криминалистъ, практически изучая сложное явленіе преступности, могутъ натолкнуться на субъектовъ, представляющихъ несомнѣнные экземпляры вырожденія и болѣзни съ цѣлой серіей явно выраженныхъ патологическихъ стигматовъ, въ то же время наблюдая категорію лицъ, очутившихся на скользкой дорогѣ порока исключительно подъ влияніемъ причинъ общественно-экономическаго характера. Вотъ—желѣзный дуализмъ, лишающій возможности безпристрастнаго изслѣдователя притти въ конечныхъ выводахъ къ установленію *одного научнаго типа* преступности, біологическаго или соціальнаго. Біологія и социологія смѣшиваются здѣсь самымъ причудливымъ образомъ и, откровенно говоря, у насъ нѣтъ еще такихъ совершенныхъ научныхъ методовъ, которые могли бы, анализируя человѣческую психику, отдѣлить строго одну область отъ другой, какъ это дѣлаютъ, напр., естественники въ отношеніи объектовъ своей сферы изслѣдованія. Мы поэтому вполне понимаемъ отчаянное положеніе такого искренняго и серьезнаго писателя, какъ *Lauvergne*, когда онъ, захваченный тисками порочнаго круга, говоритъ: „*Les hommes sont passibles des événemens qui les entourent, ceux-ci sont réellement les incitateurs de leurs actions, mais ils se montrent en général d'autant plus disposés à agir et à poursuivre imperturbablement le but qu'ils se sont proposé, que la forme de leur cerveau est de telle ou telle autre manière, [qu'il est innervé en plus ou en moins*“ (136).

Небольшая работа Casper-a „Mörder-Physiognomien“—Studie aus der practischen Psychologie nach eigenen Beobachtungen (Vierteljahrsschrift für gerichtliche und öffentliche Medicin, VI Band, Berlin, 1854, s. s. 1—71) заслуживает вниманія по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, не допускающимъ колебаній, предостерегаетъ присяжныхъ засѣдателей, судей и врачей, приглашаемыхъ на судебныя засѣданія въ качествѣ экспертовъ, отъ сужденій, обснованныхъ на впечатлѣніи, которое производитъ лицо обвиняемаго, будетъ ли на скамьѣ подсудимыхъ „Galgengesicht“, или, напротивъ, субъектъ съ миловидной, кроткой и привлекательной наружностью (s. s. 2—3). Этимъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ тенденціямъ Lavater-a и Gall-a,—ударъ, который въ воспитательномъ отношеніи, къ сожалѣнію, не принесъ никакой пользы уголовной антропологии. Правда, самъ Casper, раскрывая передъ нами цѣлую галерею тяжкихъ преступниковъ—убійць („entmenschter Uebelthäter“), далеко не чуждъ тщательнаго собранія физиогномическихъ особенностей и очертаній изслѣдуемыхъ имъ субъектовъ, однако цѣль автора при этомъ состоитъ именно въ указаніи на неустойчивость, расплывчатость, обманчивость подобныхъ свойствъ наружнаго характера. Такъ, одинъ изъ убійць имѣлъ четырехугольное лицо съ короткой шеей и головой, какъ бы вросшей въ плечи (s. 52); другой, звѣрски зарубившій своего господина топоромъ, былъ красивымъ юношей, съ гордой осанкой, голубыми глазами, открытымъ лбомъ (s. 58); весьма выгодную наружность съ тонкими интеллигентными чертами имѣла Amalie Steldt, мать—дѣтубійца, влившая въ ротъ своему ребенку сѣрную кислоту, отъ которой невинный сгдалецъ вскорѣ сторѣлъ (s. 23), а Claasen, этотъ пьяница и скандалистъ, безстрастно, съ рѣдкимъ хладнокровіемъ разомъ покончившій всѣ счеты съ своей женой, отличался грубой, аляповатой внѣшностью; его колоссальныя руки, широкій, низкій лобъ и холодныя, безжизненныя глаза производили непріятное впечатлѣніе (s. 35). Отталкивали также короткіе черные волосы, темные пронизывающіе глаза, надменные губы, блѣдное лицо 16-ти лѣтняго Heinrich-a Z., подмастерья, заколовшаго своего хозяина путемъ нанесенія ему 32 ножевыхъ ранъ (s. 9). Обманчивая внѣшность не должна однако приводить изслѣдователя въ смущеніе,—напротивъ: „десятки лѣтъ непрерывнаго общенія съ преступниками служатъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ источниковъ для познанія человѣка и психологіи“ (s. 1). Второе соображеніе, оправдывающее существенное значеніе изслѣдованія Casper-a для исторіи криминальной антропологии, обосновано на данныхъ, къ которымъ пришелъ авторъ, наблюдая тиы убійць. Отсутствіе раскаянія и нравственнаго сознанія; упорное отрицаніе вины, сопровождаемое наивнымъ вымысломъ; забавнымъ даже въ глазахъ непросвѣщенныхъ простыхъ людей; дерзость; цинизмъ, равнодушіе („eisige“, „marmorne Kälte“); грубость, упорство—вотъ психологическія черты, которыя привели Casper-a къ замѣчательному заключенію, что огромное число тяжкихъ преступленій пса-

хически коренятся въ дѣятелѣ, лишенномъ какихъ бы то ни было благородныхъ чувствъ; въ равнодушіи („Herzenskälte“), находящемъ свое отраженіе на пассивномъ, ледяномъ лицѣ, напоминающемъ неисписанный листъ бумаги (s. 71).

Не можемъ не упомянуть въ двухъ словахъ о книгѣ Avé-Lallement-a „Das deutsche Gaunerthum“ (in seiner social-politischen, literarischen und linguistischen Ausbildung zu seinem heutigen Bestande, I—II, Leipzig, 1858), гдѣ авторъ, раскрывая передъ нами завѣсу интимной жизни воровъ, въ малѣйшихъ деталяхъ описываетъ ихъ психологію, бытъ, жаргонъ, литературу и пр. (см. особ. II, s. s. 33—118). Изъ страшицы этой, въ высокой степени занимательной съ антрополого-психолог. стороны, работы глядятъ на насъ сотни лукавыхъ глазъ подонковъ населенія, эгоистовъ и лѣнтыевъ, мужчинъ и женщинъ, всей душой ненавидящихъ законъ о неприкосновенности чужой собственности; та развратная, гнилая рать преступниковъ, которая живетъ сегодняшнимъ днемъ, не заботясь о будущемъ, весело, праздно, цинично. Хотя изслѣдованіе Lallement-a не блещетъ образцовыми научными достоинствами, тѣмъ не менѣе оно въ свое время должно было принести большую услугу обществу, указывая на опасныхъ хищниковъ и паразитовъ, которые, жадно присосавшись къ его тѣлу, смѣло и беззаботно творили свое безстыдное, наглое дѣло.

Нашъ гениальный соотечественникъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ (С. П. Т., 1862), гдѣ съ художественной простотой, столь характерной для этого писателя, изображены нравы каторжанъ, ихъ бытъ, далъ намъ небольшой абрисъ изъ области уголовной антропологіи. Передъ нами проходитъ цѣлая серія отверженцевъ,—то подлыхъ и низкихъ съ явными признаками вырожденія, то кроткихъ и незлобивыхъ, случайно попавшихъ въ циничное общество разбойниковъ и убійцъ. „Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе непохожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь — какъ нигдѣ, и люди особенные“ (6—7). Вотъ наглый доносчикъ А-въ:—„Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійцъ, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полнаго нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А-вѣ“ (77).—„Это было чудовище, нравственный Квазимодо“ (78). Объ одномъ молодомъ отцеубійцѣ авторъ говоритъ: „Это—феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не просто преступленіе“ (16).—„У меня одинъ арестантъ, искренне преданный мнѣ человекъ,.... укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть на каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ“ (18). Библія была продана, полученныя за нее деньги пропиты (107). Человекъ этотъ, по имени Петровъ, интересовался Наполеономъ, обезьянами, „у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ

самаго высокаго человѣка“, графиней Лавальеръ... (104). Авторъ—вѣрнѣе Александръ Петровичъ Горянчиковъ, отъ имени котораго повѣсть ведется—видѣлъ на каторгѣ „мрачныя и угрюмыя личности, обритыя и обезображенныя, молчаливыя и завистливыя, съ ненавистью смотрѣвшія изъ подлобья кругомъ себя и намѣревавшіяся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы—весь срокъ своей каторги“ (68). Изъ числа преступниковъ „два-три лица были еще сносны; остальные же все такіе вислоухіе, безобразныя, неряхи; иные даже сѣдые“ (47). Одинъ имѣлъ „какія-то странныя выпуклости на своемъ бритомъ черепѣ“ (23). Орловъ отличался аналгезіей (нечувствительностью, безстрашіемъ).—„Это была наяву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что этотъ человѣкъ могъ повелѣвать собой безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія, и не боялся ничего на свѣтѣ“ (57). (Вспомните *assassins froids* Lauvergne-a). Особенно противенъ былъ татаринъ Газинъ.—„Мнѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собой огромнаго, исполинскаго паука, съ человѣка величиной. Онъ былъ татаринъ; ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ исподлобья“ (47). Журналистъ Дорошевичъ въ своей книгѣ „Сахалинъ“ (Москва, 1903) на ряду съ грозными „Иванами“ описываетъ характеръ безобидной „Шпанки“ и смирныхъ „Матвѣевъ“. Это—общій законъ, регулирующий населеніе каторги: среди циничныхъ, грубыхъ злодѣевъ Вы найдете нѣсколько удивительно кроткихъ, мирныхъ, глубоко религіозныхъ лицъ, въ душѣ которыхъ свѣтитъ огонь вѣры, надежды, экстаза, столь прекрасныхъ на общемъ фонѣ наглаго разгильдяйства и отталкивающаго безчинства. И Достоевскій съ любовью останавливается на изображеніи положительныхъ типовъ: Алея (62), Нурры (61), Сироткина (45), старичка-старовѣра (37). Одинъ арестантъ кроткаго поведенія не имѣлъ ни съ кѣмъ никакого общенія. Въ полночь, когда всѣ засыпали, онъ вставалъ, зажигалъ церковную свѣчу и читалъ библію до утра. „Въ одинъ день онъ вошелъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ итти на работу. Доложили майору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичемъ, но промахнулся. Его схватили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Черезъ три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая, онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать“ (32). Кто этотъ арестантъ? Религіозный фанатикъ? Юродивый? Въ страшной тиши острога съ его таинственными ночными звуками, которые кажутся хрипомъ замученныхъ жертвъ, онъ одинъ усердно бодрствовалъ надъ священной книгой... Библія и каторга! Слово Божіе и преступленіе! Какая странная загадка... Не даромъ Достоевскій говоритъ:—„Преступленіе, кажется, не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потрудитѣ, чѣмъ полагаютъ“ (14). Золотыя слова...

Знаменитый французский доктор Morel еще в 1857 году выпустил в свет свою классическую книгу „Traité des dégénérescences“, где имь указано на целую серию субъективного и объективного значения категорий, которые дружно работают в направлении вырождения человеческого рода. В 1864 году, послѣ очень долгих колебаній, основываясь на массѣ явленій, добытыхъ эмпирическимъ путемъ, этотъ талантливый ученый и блестящій писатель, неустанно работая надъ углубленіемъ изслѣдованія о патогеническихъ условіяхъ, вызывающихъ типичныя отношенія въ различныхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, издалъ небольшую работу подъ заглавіемъ: „De la formation du type dans les variétés dégénérées, ou nouveaux éléments d'anthropologie morbide“, Paris, 1864. Какъ показываетъ уже отчасти самое названіе, Morel считалъ возможнымъ говорить объ образованіи типа вырожденія, какъ феномена, который не только правильно повторяется, но подчиненъ неизбѣжному закону естественно-историческаго значенія въ виду существованія у субъектовъ, подверженныхъ дѣйствию однихъ и тѣхъ же дегенеративныхъ причинъ, „des liens de parenté pathologique“. — „Индивидуумы, пораженные отъ рожденія интеллектуальнымъ, физическимъ и моральнымъ вырожденіемъ, ни на кого не похожи; они походятъ другъ на друга, представляютъ типы, образуя расы, болѣзненные разновидности въ родѣ; свое общее происхожденіе они проявляютъ тождествомъ характера и природы. Зловредныя наклонности однихъ, развратныя инстинкты другихъ, интеллектуальный уровень, надъ которымъ они никогда не въ состояніи подняться, отсутствие возможности что либо создать, усовершенствовать,—въ такой же мѣрѣ чужды игрѣ случая, какъ нѣкоторыя порочныя формы черепа, уродство и задержаніе развитія скелета. Другими словами—образованіе типа среди дегенеративныхъ разновидностей уже въ періодъ моихъ первыхъ изысканій казалось мнѣ находящимся въ зависимости отъ извѣстныхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ, нормъ, знаніе коихъ необходимо не только врачамъ, поставленнымъ между альтернативой предупреждать болѣзни или ихъ лѣчить, но равнымъ образомъ ученымъ, которые занимаются изслѣдованіемъ отличительныхъ чертъ человеческихъ расъ. Я предложилъ дать этой части естествознанія человѣка названіе „болѣзненной антропологии“, имѣющей своей цѣлью изученіе признаковъ, вызываемыхъ опредѣленными болѣзненными вліяніями спеціальнаго характера, также какъ наследственными передачами злокачественной природы“. („De la formation du type... р.р. 2—3). Таковъ основной смыслъ изслѣдованія Morel-a. Нельзя не признать, что авторъ, установляя наследственно-болѣзненный типъ съ урожденными стигматами физическаго и нравственнаго вырожденія, предлагая дать отдѣлу естествознанія названіе „болѣзненной антропологии“, символизировалъ ту добрую фею, которая раскрывала передъ глазами уставшаго отъ назойливыхъ тенденцій физиогномики и френологии путника ворота къ таинственному дворцу новой отрасли человѣковѣднія. Къ сожалѣнію, когда Ломброзо

явился сюда, онъ недостаточно серьезно и корректно отнесся къ своей роли...

Намъ слѣдовало бы послѣ Morel-а обратиться къ разбору трехтомной работы („La psychologie naturelle“, 3 vol., Paris, 1868) Despine-а, который по справедливости можетъ считаться однимъ изъ кардинальных вдохновителей криминальной антропологии. Однако превосходный трудъ Despine-а настолько обширенъ, онъ затрогиваетъ такую массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ изъ области психологии и психопатологии, что мы, по соображенію съ небольшими рамками своей книги, рѣшили въ настоящемъ изслѣдованіи обойти Despine-а, посвятивъ ему, какъ предшественнику Ломброзо, въ одномъ изъ юридическихъ журналовъ особую статью, гдѣ детально намѣчены будутъ заслуги, оказанныя даровитымъ французскимъ писателемъ уголовному праву. Переходимъ къ Маудсли. Англичанинъ Генри Маудсли („Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ“, пер. Чечота, С.П.Т., 1875) въ качествѣ предшественника Ломброзо не столько интересенъ своими сужденіями о благотворномъ вліяніи воспитанія (354), о характерѣ и этиологіи душевныхъ болѣзней (49), сколько взглядами на преступленіе и преступника. Авторъ, не зная околочностей, говоритъ о нравственномъ помѣшательствѣ, объ особомъ классѣ урожденныхъ злоумышленниковъ, высказываясь за безцѣльность возмездія. — „Подобно тому какъ есть люди, не могущіе различать нѣкоторыхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе такъ называемой цвѣтной слѣпоты, и люди, которые не способны отличать одной мелодіи отъ другой, вслѣдствіе недостатка музыкальнаго уха,— такъ есть и люди съ врожденнымъ недостаткомъ нравственнаго чувства. Рука объ руку съ этимъ недостаткомъ встрѣчается часто большая или меньшая тупость ума, но не всегда; у нѣкоторыхъ замѣчается поразительный умъ безъ слѣдовъ нравственнаго чувства (65—66). — „Неудивительно, что преступный *психозъ*, представляющій духовную сторону *невроза*, большей частью не излѣчимъ, и что наказанія безсилны въ дѣлѣ прочнаго исправленія. Волка всегда будетъ тянуть въ лѣсъ. Истиннымъ направленіемъ было бы измѣненіе индивидуальной природы; а какъ же пересоздать въ теченіе одной жизни то, что создавалось цѣлыми поколѣніями? (35—36). — „Всѣ люди, занимавшіеся специально изученіемъ преступниковъ, признаютъ особый классъ преступныхъ существъ, которыя держатся вмѣстѣ въ воровскихъ кварталахъ нашихъ большихъ городовъ и предаются пьянству и разврату, не обращая ни малѣйшаго вниманія на брачные узы или преграды родства, и распложая преступное населеніе выродковъ. Наблюденія показываютъ въ самомъ дѣлѣ, что этотъ преступный классъ образуетъ особую выродившуюся и большую разновидность человѣческаго рода, которая отличается особеннымъ упадкомъ физическихъ и нравственныхъ качествъ... Они золотушны, часто неправильно сложены, имѣютъ некрасивыя, угловатыя головы, вообще тупы, угрюмы, лѣнливы, апатичны и подвержены нерѣдко падучей болѣзни. Вообще это люди съ

низкимъ и слабымъ умомъ, хотя они и чрезвычайно хитры; нѣкоторые же положительно съ ограниченными умственными способностями и слабоумны. Женщины очень не красивы и лишены всякой граціи и выразительности въ движеніяхъ. Дѣти, превратившіяся въ малолѣтнихъ преступниковъ, не обладаютъ способностями дѣтей обыкновеннаго рабочаго сословія; они страдаютъ отсутствіемъ вниманія и прилежанія, дурной памятью и дѣлаютъ при обученіи слабые успѣхи. Многія изъ нихъ слабосильны и слабоумны, а нѣкоторые настоящіе идіоты“ (32—33). — „Истинный воръ и истинный поэтъ въ самомъ дѣлѣ рождаются, а не дѣлаются“ (31). — „Никакія соображенія о вредныхъ будто бы послѣдствіяхъ для общества не должны мѣшать намъ смотрѣть на преступниковъ, какъ на несчастныхъ жертвъ порочной организациі и дурнаго воспитанія. Однако все, что мы можемъ сдѣлать въ наше время— это отказаться отъ гнѣвнаго чувства возмездія, а также отъ всѣхъ карательныхъ мѣръ, внушаемыхъ этимъ чувствомъ“ (30).

5.

Приступая къ краткому систематическому изложенію основныхъ положеній доктрины Ломброзо, поскольку она получила свое выраженіе въ пятомъ италіанскомъ изданіи его капитальной работы „Преступный человѣкъ“ (мы пользовались французскимъ переводомъ этого изданія), нельзя на первомъ планѣ не замѣтить, что признаки фатальнаго вырожденія анатомо-физиологическаго и нравственно-психологическаго значенія, найденные Ломброзо у преступниковъ, отнюдь не должны быть отнесены, какъ общее правило, на счетъ всѣхъ субъектовъ запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія дѣяній, предусматриваемыхъ уголовными кодексами Европы. Такое сужденіе не только было бы преувеличено, но не соответствовало бы дѣйствительности, — мыслямъ и намѣреніямъ Ломброзо, который самымъ старательнымъ образомъ пытается разграничить преступниковъ случайныхъ, по страсти, псевдо-преступниковъ, отъ преступниковъ привычныхъ, профессиональныхъ, — прирожденныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. На долю преступниковъ по страсти, отличающихся вообще малочисленностью, приходится незначительная сумма дегенеративно-атавистическихъ признаковъ. Такъ, изъ 28 человѣкъ четверо, или 14⁰/₁₀₀, имѣли характеристическія черты преступнаго типа, а пятеро — лишь одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся у преступниковъ стигматовъ: объемистую челюсть; одинъ имѣлъ оттопыренные уши; семь — скошенный лобъ; двое были субмикроцефалы, одинъ — плагиоцефалъ; у троихъ борода была рѣдкая; пятеро имѣли ассиметрію лицевой стороны черепа; одинъ — поврежденіе головы; у двухъ, изъ 14, замѣчали слабые рефлексy сухожилій, у пяти эти рефлексy были чрезмѣрны и очень рѣзки. У одного изъ шести общая чувствительность была замѣтно притуплена, у одного было притуплено чувство осязанія. Къ классу преступниковъ по страсти принадлежатъ особенно женщины, которыхъ здѣсь въ четыре раза больше, чѣмъ въ

другихъ родахъ преступныхъ дѣяній. „Оно и понятно. Наибольше частой причиной преступленія служитъ обманутая любовь; если въ жизни мужчины любовь есть анекдотъ, эпизодъ, она для женщины составляетъ важнѣйшее событіе; любовь—вся ея исторія“. Указанная категорія имѣетъ цѣлый рядъ признаковъ положительнаго свойства; сюда относятся: красота тѣла, честность натуры, угрызение совѣсти, какъ естественное слѣдствіе совершеннаго дѣянія, сознание въ преступленіи передъ судьями и присяжными, какъ желаніе, направленное къ уменьшенію душевныхъ страданій. Субъекты преступленія отличаются чрезмерной возбудительностью и крайней чувствительностью. Объекты—человѣческая личность. Прошлое преступниковъ по страсти въ большинствѣ случаевъ безупречно. (С. Lombroso „L'homme criminel“, op. cit., II, p. p. 153—182). Къ псевдо-преступникамъ, являющимся разновидностью преступниковъ случайныхъ, относятся: 1) тѣ, которые, совершая преступленіе невольно, въ глазахъ общества не считаются виновниками; ничего аномальнаго они въ антропологическомъ отношеніи не представляютъ; однако, изъ видовъ соціальной защиты, они все же подлежатъ наказанію; 2) субъекты дѣяній, не запечатлѣнныхъ порокомъ и не влекущихъ за собой никакого соціальнаго вреда, но разсматриваемыхъ закономъ какъ преступленія въ виду господствующихъ взгляда или предрасудка, и квалифицируемыхъ такъ до тѣхъ поръ пока этого требуетъ общественное мнѣніе, дающее содержаніе закону. Таковы въ нѣкоторыхъ странахъ—богохульство, выкидышъ, а также кое-какія нарушенія правилъ о печати. Сюда относятся также дѣйствія, которыя, несмотря на свою очевидную преступность съ нашей точки зрѣнія, преступными не признаются по крайней мѣрѣ въ глазахъ массы, потому ли что въ нѣдрахъ этой послѣдней бродитъ еще юридическое воззнаніе примитивнаго развитія, или оттого, что дѣянія эти совершаются большимъ количествомъ людей, такимъ путемъ обратившись въ общую привычку, ставъ жестокой необходимостью (соучастіе въ „камморѣ“ и „маффіа“); 3) субъекты такихъ преступленій, какъ кража, поджогъ, нанесеніе ранъ, поединокъ, вызываемыхъ обстоятельствами экстраординарнаго свойства: защитой чести, личности, пропитаніемъ семейства... Преступленія эти таковы, что причина ихъ имѣетъ весьма существенное значеніе, темпераментъ субъекта или играетъ здѣсь очень важную роль, или дѣйствіе его вовсе приравнено къ нулю. („L'homme criminel“, op. cit., II, 471—2, 481). Случайные преступники (op. cit., II, p. 485 и сл.), которыхъ авторъ называетъ криминалоидами, до известной степени уже предрасположены ко злу („sont déjà quelque peu prédisposés au mal“). Составляя вариацию субъектовъ глубоко испорченныхъ, они въ отношеніи нравственномъ занимаютъ мѣсто между урожденнымъ преступникомъ и честнымъ человѣкомъ. Влеченіе ихъ къ совершенію преступленій вызывается органической тенденціей менѣе интенсивнаго характера. На двѣ тысячи преступниковъ Ломброзо нашель криминалоидовъ сорокъ три: 15 виновниковъ въ нанесеніи ударовъ и ранъ, 7—

преступившихъ военные законы, одного бунтовщика, десять мошенниковъ, семь воровъ, трехъ убійць и одного бродягу. Изъ нихъ 9 имѣли признаки вырожденія (одинъ—пять, двое—три, пятеро—два, одинъ—одинъ), а именно: 8—объемистую челюсть; 6—чрезмѣрные *sinus frontales*; 4—оттопыренные уши; 2—микроцефалию; 2—искривленный носъ; одинъ—прогнатизмъ; 4—энцефалию; трое страдали алкоголизмомъ. 24 человѣка были лишены какихъ либо *stigmata degenerationis*... Такимъ образомъ этому классу свойственны характеристическіе признаки преступниковъ урожденныхъ, но въ частичной и не столь рѣзко выраженной степени (р. 514). Въ отличіе отъ урожденныхъ преступниковъ, криминалоиды не только лишены цинизма и ледяного равнодушія къ дѣянію, свидѣтельствующаго о полной атрофіи нравственнаго чувства, но обладаютъ уравновѣшеннымъ и яснымъ умомъ. Когда имъ предъявляютъ обвиненіе, они производятъ впечатлѣніе людей, глубоко тронутыхъ, жалѣя о случившемся, сознаваясь въ преступленіи и выражая свое внутреннее настроеніе искренними слезами (р. 520). „Огромное число привычныхъ преступниковъ (op. cit., II, р. 534) состоитъ изъ субъектовъ, которые, рождаясь нормальными, съ организаціей, лишенной какого бы то ни было влеченія къ преступленію, но въ годы своего ранняго воспитанія не находятъ ни родителей, ни товарищей и пр., словомъ того авторитета, что вызываетъ, или—лучше сказать—облегчаетъ переходъ отъ физиологической преступности къ честной нормальной жизни,—падаютъ все ниже въ объѣты примитивнаго влеченія ко злу. Тутъ, повторяемъ, краснорѣчиво говорятъ о себѣ мнимыя чудеса воспитанія, не потому что оно обращаетъ урожденного преступника въ честнаго человѣка, но оттого что пренятствуетъ преступнику физиологическому сдѣлаться привычнымъ преступникомъ съ патологическимъ характеромъ“. Всѣ эти данныя говорятъ лишь о желательности проведенія строго демаркаціонной линіи между преступниками различныхъ категорій, но и только. Классификація Ломброзо была бы хороша, если бы ей былъ присущъ какой-нибудь научный *raison d'être*; на самомъ дѣлѣ она субъективна и потому произвольна. У всѣхъ болѣе или менѣе солидныхъ теоретиковъ криминалистовъ, занимающихся вопросами уголовной политики, Вы найдете свое дѣленіе преступниковъ на классы. Раздумывая о томъ, что слѣдуетъ положить въ основаніе дѣленія Ломброзо, Вы, не имѣя возможности склониться въ пользу опредѣленнаго заключенія, приходите въ смущеніе. Очевидно, не степень вины дѣятеля передъ обществомъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы выдвигать на первый планъ соображенія права въ ущербъ антропологическимъ тенденціямъ. Такой критерій кореннымъ образомъ разошелся бы съ смысломъ ученія италіанской школы. Сказать, что субъекты съ незначительными признаками дегенераціи и атавизма должны быть причислены къ криминалоидамъ, а лица, представляющія живые экземпляры идиотизма и уродства, принадлежатъ къ классу преступниковъ урожденныхъ,—было бы большою погрѣшностью передъ

экспериментальнымъ изслѣдованіемъ въ угоду проблематическимъ сужденіямъ: тогда уже а priori, убѣдившись въ наличности большей или меньшей мѣры уклоненія субъекта отъ нормальнаго типа, по лицу чловѣка, формѣ лба, черепа, ушей, челюстей и пр. пришлось бы догадываться о степени нравственной испорченности. Это—грубая, вульгарная шутка. Не логика лежитъ въ основаніи криминальной антропологии, а естествознаніе—опытъ и наблюденіе. Априорныя сужденія для антрополога—вещь негодная, хламъ; апостеріорные выводы—сила огромнаго значенія. Основной смыслъ уголовной антропологии, какъ научной дисциплины, заключается не столько въ констатированіи тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ атрибутовъ вырожденія, какъ базиса для построенія предположеній о нравственныхъ достоинствахъ субъекта, сколько въ указаніи на *всю совокупность* дегенеративно-патологическихъ свойствъ организаціи закоренѣлаго преступника, который, покрывая общественное тѣло гнойной язвой, со стороны объективной, въ качествѣ болѣзненной аномаліи, составляетъ типъ, постоянную категорію, естественный феноменъ. Уголовной антропологии, по словамъ Enrico Ferri, чужды притязанія старой френологии; она не говоритъ: вотъ этотъ или тотъ имѣетъ на головѣ признакъ вора или убійцы“ („Das Verbrechen, als sociale Erscheinung“, op. cit., s. 48). Въ такомъ грубомъ видѣ понимать антрополого-позитивистическую школу уголовного права приличествуетъ невѣждѣ, который такъ же далекъ отъ ученія Ломброзо, какъ Петербургъ отъ Турина. Къ сожалѣнію, именно въ Россіи криминальная антропология въ ея конечныхъ выводахъ не была понята. Мало того, ни въ одной заграничной книгѣ, написанной по поводу италянскон школы, мы не встрѣчали плоскаго осмѣиванія новаго теченія въ криминалистикѣ. Имѣемъ въ виду статью г. Д.—ова „Цезаре Ломброзо, какъ ученый и мыслитель“ („Русская Мысль“, 1895, VI—VIII). Послушаемъ, что говорить этотъ писатель: „Вотъ молодець, сидящій подъ замкомъ. На лбу у него красуется шрамъ. Ну, шрамъ—такъ шрамъ, говорите вы. Что же въ немъ такого особеннаго? Стоить ли на него вниманія обращать? Мало ли отъ чего онъ могъ произойти! Можетъ быть субъекта этого нянька уронила, когда онъ былъ маленькимъ; можетъ быть, онъ случайно упалъ и расшибся; можетъ быть, его кто-нибудь нечаянно поранилъ; можетъ быть, онъ геройски дрался съ врагами отечества и заполучилъ при этомъ ударъ по лбу саблей, пулей, или ружейнымъ прикладомъ; можетъ быть—да мало ли что можетъ быть! Едва ли—добавляете вы—можно дѣлать какія бы то ни было злокачественныя заключенія о чловѣкѣ на томъ основаніи, что у него имѣется шрамъ. Ломброзистъ, слушая такія ваши профанскія рѣчи, шлетъ по вашему адресу сострадательно-презрительную улыбку и, снисходя къ вашему невѣжеству, поучаетъ васъ: этотъ шрамъ несомнѣнно указываетъ на буйный, драчливый нравъ субъекта; рана, находившаяся на мѣстѣ шрама, несомнѣнно получена субъектомъ въ дракѣ, шрамъ этотъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что

мы имѣемъ передъ собой преступника-насилъника“ (19). — „Захожу я, напримѣръ, въ судъ. Судятъ казнокрада. Вглядываюсь я въ обвиняемаго и констатирую у него присутствіе на носу бородавки (да проститъ намъ читатель этотъ примѣръ à la Ломброзо!). Фактъ казнокрадства съ одной стороны; фактъ наличности бородавки на носу у казнокрада — съ другой. Для меня этого достаточно, я спѣшу построить гипотезу, даже „теорію“: „у казнокрадовъ растутъ на носу бородавки“, или еще рѣшительнѣе: „у кого на носу бородавки, тотъ казнокрадъ“ (7). Откровенно говоря, мы удивляемся, какъ почтенный журналъ печатаетъ такую белиберду. Что касается автора статьи, нужно полагать, что у него еще въ раннемъ дѣтствѣ выпалъ зубъ мудрости. Прискорбно явленіе: на фонѣ нашей тусклой литературной жизни не рѣдки случаи, когда газетный фельетонистъ, храбро вооружившись неуязвимымъ панциремъ многозначительной освѣдомленности и критическаго помпадурства, приступаетъ къ вивисекціи автора, не только не понимая его мыслей, не имѣя подготовки къ ихъ усвоенію, но снабжая писателя ярлыками и тенденціями, о которыхъ ему и не снилось. Господа экстерны отъ литературы! Будьте немного опрятнѣе! Мойтесь хотя бы дешевымъ, простымъ мыломъ! Повторяемъ—у насъ въ Россіи смыслъ антропологической школы уголовного права, за рѣдкими исключеніями, понятъ превратно. — „Не знаю, гов. г. Чижъ, чѣмъ объяснить, почему у насъ немало лицъ, смотрящихъ недоувѣрчиво на криминальную антропологию, какъ на ученіе жестокое и безсердечное. Я слышалъ отъ очень почтеннаго дѣятеля, что италіанская школа проповѣдуетъ смертную казнь, тѣлесныя наказанія и вообще отношеніе къ преступнику, какъ къ дикому звѣрю“. („Вопросы Философіи и Психологіи“, 1901, № 59, стр. 385). Извиняясь за незначительное уклоненіе разсужденія въ сторону, будемъ продолжать доискиваться соображеній, которые могли бы быть положены въ основаніе классификаціи, данной Ломброзо. Быть можетъ степені умственнаго развитія (интеллигентности) отдѣляетъ криминалоида отъ урожденнаго преступника? Дѣлая такое предположеніе, мы наталкиваемся на новыя затрудненія. Не говоря уже о томъ, что умственныя способности не поддаются взвѣшиванію въ драмахъ или фунтахъ; что нужно очень близко знать человѣка до вынесенія хотя бы относительнаго сужденія о его интеллектуальныхъ достоинствахъ или недостаткахъ, рискуя иначе попасть въ просакъ,—нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что т. назыв. урожденный преступникъ, который по мысли уголовной антропологіи есть дикарь, кретинъ, орангъ-утангъ—вообще патологическій выродокъ—нерѣдко обладаетъ очень хорошими умственными способностями, хотя направленными по преимуществу въ сторону порока и зла. Кто хотя бы разъ видѣлъ глубоко-испорченнаго преступника, вишія черты котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ очень краснорѣчиво говорятъ сами за себя, тотъ врядъ ли сказалъ бы, что видѣлъ „нѣмое лицо, похожее на тѣ старыя монеты, оттискъ которыхъ вытертъ отъ употребленія“, каковую

особенность усматриваетъ классическій Foderé въ кретинѣ („Traité du goître et du crétinisme“, A Paris, Germinial, An VIII, p. 121). Dr. Krauss въ своей работѣ („Der Cretin vor Gerichte“, Tübingen, 1853, s.s. 99—100) между прочимъ намѣчаетъ нижеслѣдующи стадіи умственного развитія, градация котораго можетъ насъ заинтересовать: 1) Stufe des Instinctiv-Verstandes (дѣти въ младенческомъ возрастѣ, кретинѣ и животное); 2) Stufe des Sprachverstandes (дѣти до 10 лѣтъ и полукретинѣ); 3) Stufe des Vernunftverstandes (способность къ апперцепціи всеобщихъ понятій и идей, къ самокритикѣ). Рѣшаемся утверждать, что неопредѣленное число самыхъ отъявленныхъ и дерзкихъ злоумышленниковъ по своему умственному развитію стоятъ довольно высоко и въ предѣлахъ этой третьей группы. Пусть Ломброзо („L'homme criminel“ op. cit., II, p. 21) признаетъ у преступниковъ выдающіяся способности лишь какъ исключеніе. Уже это признаніе, принимая во вниманіе, что Ломброзо не можетъ по данному вопросу, какъ и многимъ другимъ, рѣзко отдѣлать правило отъ исключенія, теряясь въ хаотической массѣ еле схватываемыхъ на лету жизненныхъ явленій,—уже это признаніе въ значительной степени говоритъ за правильность нашего предположенія. Вспомните, какой хитростью, какой ловкостью, какими творческими способностями долженъ обладать злодѣй, который преднамѣренно, долго обдумывая детали преступнаго замысла во всей его сложной обстановкѣ, рѣшается на совершеніе дѣянія, всячески стараясь загладить послѣ себя вопіющіе о мщени кровавыя слѣды, обмануть зоркій глазъ властей, выскользнуть отъ удара меча Θεмиды. Сколько страшныхъ преступленій, приводящихъ въ дрожь и ужасъ обывателя, въ теченіе значительнаго промежутка времени остаются нераскрытыми, несмотря на то, что въ сыскаой полиціи сидятъ люди нерѣдко очень способные, и даже талантливые. Въ видѣ примѣра укажемъ на affaire Gouffé съ ея вдохновителемъ—умнымъ, дальновиднымъ разбойникомъ Eyraud, который чувствовалъ себя великолѣпно на днѣ черной ямы утонченной испорченности и постыднаго разврата. Если бъ не случайное стеченіе обстоятельствъ, вызвавшее пріѣздъ Габріэль Бомпаръ съ ея любовникомъ Гаранжъ въ Парижъ, нити возмутительнаго убійства судебнаго пристава были бы затеряны быть можетъ навсегда, и циничный Eyraud, скитаясь изъ одного города въ другой, не былъ бы наказанъ за свое противное дѣяніе, искусно и тонко приведенное въ исполненіе, словно по замыслу артиста или художника („Archives d'anthropologie criminelle“, V t., 1890, p. 642). Степень умственныхъ способностей, стало быть, не можетъ служить критеріемъ при классификаціи преступниковъ. Ломброзо ставитъ криминалоида между урожденнымъ преступникомъ и честнымъ человекомъ, этихъ послѣднихъ, видимо, рассматривая какъ категоріи, другъ другу противоположныя. Такимъ образомъ въ основаніи сужденія о нравственномъ достоинствѣ субъекта кладется степень его формальной испорченности (преступности). Съ утвержденіемъ такого рода, принимая во вниманіе социальную-хозяйственную структуру нашего времени, мы

не можемъ согласиться; считаемъ его, употребляя выраженіе Molière-a, „conte à dormir debout“. Въ самомъ дѣлѣ, скажите—гдѣ взять тотъ масштабъ, которымъ мы могли бы измѣрить въ точности градусъ добропорядочности и честности индивида, не находившагося никогда подъ судомъ и слѣдствіемъ? Гдѣ найдете Вы нынѣ безукоризненно-честную натуру, которая незыблемо устоитъ передъ соблазнами вѣбаламученнаго житейскаго моря съ его заботами и наслажденіями, потѣхами и горемъ? Наша общественность, которая съ изумительной быстротой вертится на кончикѣ отвратительной головы золотого идола, развѣ не кишитъ вольными и невольными ворами и мошенниками, оперирующими въ своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ соображеніями и средствами, по своей точности, испытанности напоминающими объективно-научный методъ? Развѣ не былъ правъ Graty, спрашивая: „Le monde contemporain, n'est-il point arrivé à l'organisation scientifique du pillage?“ („La morale et la loi de l'histoire“, Paris, 1871, t. I, p. 116). Развѣ не былъ правъ Krauss, спрашивая: „Кто изъ смертныхъ, на склонѣ дней своихъ, могъ бы похвалиться въ непричастности къ согрѣшенію когда бы то ни было, при какихъ угодно обстоятельствахъ, противъ седьмой заповѣди въ ея буквальной строгости?“ („Die Psychologie des Verbrechens“, Tübingen, 1884, s. 256). Mehrwert съ своимъ гнилымъ ядомъ—истинный бичъ, въ своемъ родѣ европейская чума нашего уклада социальныхъ отношеній, развращая и губя прежде всего такъ наз. интеллигентныхъ, образованныхъ людей, которые изъ чувства подражанія (или соображеній болѣе низкаго свойства—зависти) ни за что не хотятъ отставать отъ движенія впередъ по пути наживы и стяжанія. Приобрѣтеніе недвижимости, лятифундій—эта сладостная мечта, на которой строится палаццо надеждъ и упованій, туманящихъ разсудокъ; этотъ крайній предѣлъ найвысшаго идеала, упорныхъ вождельній! Вотъ—язва нашей жизни съ ея универсальнымъ эгоизмомъ, холодной замкнутостью, безсердечіемъ, тупостью и ничтожествомъ! Душа загублена навѣкъ. Остается одна ариеметика денежныхъ счетовъ. Какъ страшно!... Представьте себѣ лекаря, который, не получивъ соотвѣтствующаго своимъ знаніямъ вознагражденія за визитъ, у постели умирающаго рветъ имъ же прописанный рецептъ, къ отчаянію матери больного ребенка, при крикѣ маленькихъ дѣтей, испугавшихся грознаго вида Эскулапа. Что дѣлать! Таковъ въ нашей жизни путь къ стильной мебели и Карлсбаду или Ишль. Наслажденіе одной группы лицъ въ классовомъ государствѣ, нарушая социальный миръ, съ тревожнымъ гуломъ проходитъ черезъ всѣ звенья общественной цѣпи, этой послѣдней удара за живое другую группу... Вотъ молодой инженеръ, юнцомъ горячо пропагандировавшій идеи Маркса, охотно вѣря въ наступленіе болѣе справедливаго соотношенія экономическихъ феноменовъ. О, теперъ онъ не такъ наивенъ! Курсъ ученія законченъ. Чертежи, проэекты, тѣсныя лабораторіи—позади. Впереди широкая, огромная жизнь, блестящая всѣми цвѣтами радуги. Въ дѣйствительности—скучный рудникъ, сѣрое небо, молчаливыя поля и неотесанная, грязная

рать рабочихъ, этой „canaille“, которая ежедневно можетъ предъявлять какія-то требованія и, столпившись кучками у одинокаго дома своего начальства, размахивать руками, кричать, дерзко нарушая покой дорогого хозяина... Отъ Маркса не трудно перейти къ Дарвину, тѣмъ болѣе что самъ Марксъ въ свое время усердно штудировалъ знаменитаго автора Естественнаго подбора... Вообразите несчастную мать, сынъ которой долженъ предстать передъ судомъ по обвиненію, скажемъ, въ храненіи и распространеніи нелегальной литературы,—заплаканной, запуганной, блѣдной въ роскошномъ кабинетѣ у адвоката, который съ отмѣннымъ джентельменствомъ, чистя свои драгоценныя, розовыя ногти, внушительно разъясняетъ сидящей противъ него полинялой жакеткѣ, сколько берется имъ за выходъ въ судебномъ учрежденіи мѣстнаго округа и такимъ тономъ, что просительницѣ становится ясно, что она слушила, посѣтивъ такого большого человѣка, и ей дѣлается неловко, мучительно стыдно, а старая вылинявшая кофточка довершаетъ ударъ... Отвернитесь, господа, идетъ Его Ничтожество мѣщанинъ... И мѣсить зловонную жидкость этой ямы бездарность, приглашенная и надушенная, голосистая и всесильная. Терингъ („Цѣль въ правѣ“, рус. пер., С.П.Т, 1881, 399) училъ: „Устройство и порядокъ общества будутъ всегда соответствовать взаимному властному положенію различныхъ слоевъ или классовъ, изъ которыхъ оно состоитъ“. А кто у насъ хозяйничаетъ? На чьей сторонѣ и сила и проницательство? Всюду ложь, лицемеріе на фонѣ двусмысленной улыбки! Вонючая клоака холоднаго разчета и необузданнаго гешефтмахерства. Какова интеллигенція, такова и пресса, ея законное дитя. Присмотритесь къ газетѣ крупнаго европейскаго центра. Добровольно взявъ на себя роль избавительницы отъ сотни напастей, одной рукой она робко пописываетъ дивирамбы эгалитѣ, фратернитѣ и прочимъ хорошимъ вещамъ, расшаркиваясь и даже присѣдая передъ „конъюнктурой“, а другой, какъ солидное коммерческое учрежденіе, увѣренно загребаетъ кучи золота. Вспомните при этомъ на одну минуту знакомый типъ студента, который, умирая съ голоду, еле волока ноги, съ послѣднимъ грошемъ въ карманѣ плетется въ неизмѣнную редакцію, гдѣ, къ своему наивному удивленію, узнаетъ, что крошечное объявленіе, этотъ крикъ подавленнаго отчаянія, не можетъ быть пропечатано, въ виду непредставленія за него опредѣленной платы... „Жизнь ужасна, жизнь невыносима“—таковъ лейтмотивъ нашей общественности. Надо ли доказывать, что большой горюдь насыщенъ зловонными парами животнаго себялюбія? Къ небу ежедневно поднимаются стоны; мы слышимъ эти стоны, спокойно проходя мимо. Мы привыкли къ нимъ. Правда, существуетъ гдѣ-то маленькая книжонка, называемая этическимъ сводомъ, но она, какъ гласитъ преданье, не смотря на сильное сопротивленіе, вытѣсняется изъ области общественныхъ традицій грубымъ и циничнымъ нахаломъ, который выдаетъ себя то за Existenzminimum, то за другое лицо. Такъ коверкаютъ душу наши прелестныя отношенія, порождаемыя ехидной и глубокоиспорченной женщиной, называемой капиталистической формой социальнаго

обшежитія. Скажите, развѣ наша жизнь не чревата преступленіями, субъекты которыхъ девять мѣсяцевъ въ году успѣшно, безнаказанно на виду у всѣхъ, совершаютъ свои операціи, а остальное время года благодумствуютъ подъ прекраснымъ небомъ Мерана? Чтѣ ложится болѣе тяжкимъ грѣхомъ на душу человѣка—тайное ли похищеніе вещей въ виду неимѣнія никакихъ средствъ къ существованію и пропитанію, или сложные кунштюки всевозможныхъ спекуляцій, пускающихъ по міру цѣлыя семейства, но направленныхъ въ сторону колоссальнаго обогащенія одного лица, въ большинствѣ случаевъ отличающагося великолѣпными манерами, ласковымъ голосомъ, поразительной вѣжливостію?... Что беззавѣстнѣе, изнасилованье въ смыслѣ 1525 ст. Ул. о нак., или энергичная и правильная атака чувствъ и воображенія молодой дѣвушки, непосредственно послѣ оболъщенія, не доходящаго до вѣдѣнія суда, бросаемаго на произволь судьбы—одинокой, несчастной, поруганной злодѣемъ, который тонко изощренъ въ своемъ наглѣмъ искусствѣ?... И Ломброзо вынужденъ признать, что „преступленіе чрезвычайно эластично, и что истинная честность—рѣдкое исключенье“ („L'homme criminel“, op. cit., II, p. 473). Какой бы принципъ Вами ни былъ положенъ въ основаніе классификаціи преступниковъ, теоретическій или практический, но, оставаясь на почвѣ чистаго эмпиризма, который, употребляя фигуральное выраженіе, составляетъ въ своемъ родѣ какъ бы кислородъ всякаго научнаго изслѣдованія, надо притти къ заключенію о существованіи лишь двухъ классовъ преступниковъ: явно-случайныхъ и явно-невольныхъ (импульсивныхъ, инстинктивныхъ). По крайней мѣрѣ о другихъ видахъ мы ничего опредѣленнаго не знаемъ. Нами уже отмѣчено было то обстоятельство, что преступленіе въ своемъ догматическ. основаніи есть явленіе чрезвычайно сложное, соприкасаясь а) со всѣми отраслями человѣческаго знанія, б) съ наиболѣе интимными сторонами дѣйствительности. Однако, принимая въ соображеніе, что психологія и философія, какъ и медицина, неуклюже топчась на одномъ мѣстѣ въ темномъ корридорѣ истины, вмѣсто произношенія ясныхъ и внятныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, иногда наперекоръ другъ другу лепечуть какія-то таинственныя слова, подернутыя густымъ слоємъ каббалистическихъ формулъ, въ которыхъ не легко найти обыкновенному смертному,—должно признать, что о психикѣ преступника намъ извѣстно очень мало. Не станемъ повторять здѣсь основныя положенія Кантовскаго *credo* съ его нуменами и феноменами. Достаточно сказать, что едва ли не самымъ умнымъ словомъ и 19-го вѣка было публичное признаніе Emile Du Bois Reymond-a въ нашемъ невѣжествѣ („Die Grenzen des Naturerkennens“, Leipzig, 1884, s. 46). Засимъ, имѣя въ виду, что жизнь ежедневно изъ нѣдръ своихъ выплевываетъ самыя неожиданныя кунштюки, необходимо притти къ выводу, что одной нормой опоясать ее и связать—невозможно. Припомните Сенатскія рѣшенія, которыми мы, адвокаты, къ сожалѣнію, зачастую такъ сильно злоупотребляемъ. Гдѣ найдете Вы то высшее судебное учрежденіе, которое

могло бы побѣдить своими авторитетными постановленіями ту вѣчно юную и капризную женщину, которая, забавно хохоча надъ неудачей слабыхъ міра сего, на своей легкомысленной колесницѣ неустанно мчится впередъ съ цвѣтами въ пышныхъ волосахъ?... Итакъ, какъ намъ кажется, среди преступниковъ можно констатировать т. наз. случайныхъ и инстинктивныхъ. Къ первымъ относятся люди вполне нормальные, не отягченные болѣзненнымъ влеченіемъ къ совершенію преступленій, или наслѣдственными особенностями патологическаго свойства. Запальчивость—вотъ рычагъ, который поднимаетъ руку человѣка съ оружіемъ противъ обольстителя или обидчика; моментъ коренной ломки міросозерцанія—вотъ психологическое состояніе, при которомъ опредѣленные соотношенія могутъ внушить назойливую мысль объ экспропріаціи, убійствѣ ближняго, узаконяемыхъ сознаниемъ, находящимся въ періодѣ броженія и сомнѣній. Иногда въ основаніи дѣянія лежатъ альтруистическія и высокогуманныя чувства. Раскольниковъ Достоевскаго долженъ быть причисленъ къ разсматриваемой категоріи. Невольные преступники—субъекты, которые, обладая въ болѣе или меньшей степени патологической организаціей, въ силу органическихъ или физиологическихъ законовъ, не могутъ не совершать преступленій. Преступникъ импульсивный, повинувъ дѣйствию тайныхъ пружинъ ненормальной воли, никоимъ образомъ не въ состояніи воспротивиться скрытой силѣ, толкающей его неудержимо въ бездну зла и паденія. Такой преступникъ въ строгомъ смыслѣ слова не есть преступникъ, хотя любое его дѣяніе способно натворить немало бѣдъ обществу. Это—попросту больной человѣкъ, нуждающійся не столько въ уголовной репрессіи, сколько въ радикальномъ лѣченіи. Такой субъектъ выказываетъ обыкновенно—далеко не всегда—равнодушіе къ совершенному дѣянію. Въ моментъ психоза ему чужды состраданье и снисхожденье. Ему нѣтъ дѣла до интересовъ ближняго. Онъ о нихъ и не думаетъ, такъ какъ въ его нервѣдко больномъ мозгу далеко не всегда правильно ассоціируются идеи въ связи съ послѣдовательной смѣной явленій окружающей дѣйствительности. Самый фактъ совершенія преступления наступаетъ въ большинствѣ случаевъ внезапно, при наличности у субъекта его лишь весьма слабого сознанія о запретѣ дѣянія въ виду того соображенія, что чувства его и дѣятельность разсудка поражены помѣшательствомъ и абераціей. Психіатрія знаетъ состоянія, когда *delirium*, затрогивая ранѣе ощущенія („*Irrfühlen*“), лишь впоследствии переходитъ и на мозговые центры („*Irrdenken*“). (Flemming, „*Pathologie und Therapie der Psychosen*“, Berlin, 1859, s.s. 52, 54). Вотъ нѣсколько примѣровъ инстинктивной преступности: 1) Tardieu рассказываетъ о 30-ти лѣтней женщинѣ, которая, принадлежа къ одной изъ знатѣйшихъ фамилій Австріи, отличаея поразительной красотой, бросаетъ родное гнѣздо, переселяется во Францію, ведетъ грязную жизнь уличной проститутки, отдается съ рѣдкимъ безстыдствомъ мальчишкамъ и, родивъ ребенка, раздавливаетъ ему голову,

бросая трупики въ ночной горшокъ“. („Étude médico-légale sur la folie“, Paris, 1872, p. 172). 2) У Legrand du Saulle-a мы встрѣчаемъ аналогичный по своей экстраординарности примѣръ о молодой дѣвушкѣ, которая, страдая истерическими припадками съ момента наступления половой зрѣлости, уже въ пансіонѣ, куда она была отдана родителями на воспитаніе, отличалась явно выраженнымъ влеченіемъ къ воровству. Въ двадцать лѣтъ поступивъ въ закрытый монастырь, она стала обращать на себя вниманіе своимъ неуживчивымъ, причудливымъ и хвастливымъ характеромъ, выдумывая нелѣпныя вещи вродѣ того, что ее изнасиловалъ священникъ. Возвратившись къ родителямъ, она занялась чтеніемъ романовъ; на улицѣ держала себя вызывающе. Ее, наконецъ, выдали замужъ. Спустя два года, послѣ двукратныхъ родовъ, она начала пить водку, бить мужа и слугъ, красть въ магазинахъ и посѣщать проституттокъ. Уже подумывали объ опредѣленіи въ больницу несчастной, какъ вдругъ она куда-то исчезла. Впослѣдствіи узнали, что какой-то коммерсантъ, плѣбненный красотою молодой женщины, увезъ ее за границу. Тамъ вела она постыдное существованіе, была осуждена къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ за покушеніе на убійство изъ-за засадки и, живя проститутціей, умерла въ 27 лѣтъ, пораженная сифилисомъ... („La folie devant les tribunaux“, Paris, 1864. p.p. 336—37). Тотъ же авторъ въ другомъ изслѣдованіи повѣствуетъ о такомъ случаѣ: 3) Состоятельная дама съ мужемъ и двумя дѣтьми зашла пообѣдать въ одинъ изъ отдѣльныхъ кабинетовъ Парижскаго ресторана. Пользуясь моментомъ, когда мужъ обернулся къ ней спиной, показывая дѣтямъ садъ, она начала прятать въ карманы нѣсколько приготовленныхъ къ столу приборовъ, но какъ разъ въ эту минуту была наступлена лакеемъ. (D-r Legrand du Saulle: „Les hystériques“, état physique et état mental, actes insolites, délictueux et criminels, Paris, 1891, p. 423). 4) Въ своей знаменитой „Psychopathia sexualis“ (Stuttgart, 1891) Krafft-Ebing рассказываетъ объ инженерѣ Clemens-ѣ, который, по пути изъ Триеста въ Вѣну покинувъ на небольшой станціи поѣздъ, направляется въ ближайшую деревню, гдѣ совершаетъ покушеніе на изнасилованіе 70 лѣтней старухи, пользуясь тѣмъ, что она одна находилась въ домѣ. Арестованный инженеръ объяснялъ свой отвратительный поступокъ усталостью, жарой, вагонной тряской, безпокойствомъ о женѣ и дѣтяхъ, къ которымъ ѣздилъ. Эти обстоятельства въ совокупности отуманили его разсудокъ, сдѣлали его, какъ онъ самъ выразился, больнымъ. Раскаянія въ содѣянномъ въ немъ не замѣчали. Онъ оказался невропатомъ, съ чрезвычайно развитымъ до болѣзненности половымъ чувствомъ, давнишнимъ онанистомъ (s. 39). Казалось бы, мысли о дѣтяхъ и женѣ должны были привести къ нулю неудобства вуаяжа, наполняя все существованіе уставшаго путника чувствомъ радости въ виду близости свиданья... Однако патологическія явленія могутъ измѣряться лишь масштабомъ патологическаго сознанья... 5) Что сказать о знаменитомъ сержантѣ Bertrand-ѣ, который, пользуясь темнотою ночи и безлюдьемъ на кладби-

щахъ, выкапывалъ вонючіе трупы и, совершая дикія, возмутительныя дѣянія, удовлетворялъ свою животную похоть?... (A. Tardieu „Étude médico-légale sur les attentats aux moeurs“, 7-ème édition, Paris, 1878, p. 114—122).

6) Достойный коллега Bertrand-a, Victor Ardisson, этотъ вампиръ изъ Муу, подобно дикому звѣрю сосалъ груди у мертвыхъ женщинъ, что доставляло ему неизъяснимое наслаждение. Ardisson, занимаясь мастурбацией, пилъ собственное сѣмя. На вопросъ доктора о причинахъ такого мерзкаго поступка, Ardisson отвѣтилъ:— „C'est dommage de laisser perdre ça“... (D-r Épaulard: „Le vampire de Muu“, Archives d'anthrop. crim., 17 t., 1902, p. 109). 7) Arthur Mac-Donald („Le criminel-type dans quelques formes graves de la criminalité“, trad. de l'anglais par D-r Coutagne, Paris, 1894, p. 115 сл.) подробно останавливается на изображеніи замѣчательнаго типа мальчика, который, отличаясь крайней жестокостью, самонадѣянностью, бранчливостью, непослушаніемъ, самымъ причудливымъ образомъ уживалъ въ себѣ хорошія способности съ отвратительными пороками (недерастія, мастурбация). Мальчикъ этотъ отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ. Ломброзо навѣрно говорилъ бы здѣсь объ урожденномъ преступникѣ, нравственно помѣшанномъ и т. д. Это не совсѣмъ такъ. Всѣ указанные нами субъекты импульсивной преступности, несомнѣнно, лишены здороваго нравственнаго сознанья, но они далеки отъ нравственно помѣшанныхъ. Нравственное помѣшательство, какъ мы увидимъ ниже, врядъ ли можетъ быть констатировано въ психіатрической практикѣ съ достаточной достовѣрностью. Исходя изъ этого соображенія, мы привѣтствуемъ удачный терминъ „нравственной анестезіи“, предложенный д-омъ Friedrich-омъ Scholz („Die moralische Anästhesie“, für Aerzte und Juristen, Leipzig, 1904, s. 6), который понимаетъ подъ ней главнымъ образомъ аномалію чувствъ („Gefühlsabnormität“). „Больной субъектъ очень хорошо знаетъ нравственные законы, видитъ ихъ, но, не чувствуя ихъ, онъ и не принаравливаетъ къ нимъ своихъ поступковъ“. Должно встрѣчать съ радостью всякую попытку, направляемую къ освѣщенію темной области психопатологіи, тѣмъ болѣе что, какъ правильно замѣчаетъ въ своей ст. „Geisteskrankte Verbrecher“ Siemerling, нѣтъ возможности провести строгую границу („scharfe Grenze“) между нормальными и болѣзненными явленіями душевнаго міра; что при переходныхъ состояніяхъ открывается широкое поле для субъективнаго сужденія („Berliner klinische Wochenschrift“, 37 Jahrgang, 1900, № 22, s. 475).

6.

Во II части 1-го тома („L'homme criminel“, op. cit., I, p. 131 и сл.) Ломброзо занимается изученіемъ патологической анатоміи и антропометріи преступленія. Это—одна изъ важнѣйшихъ артерій доктрины криминальной антропологіи. Первая глава этой части посвящена описанію результатовъ, добытыхъ Ломброзо при изслѣдованіи имъ 121 черепа итальянскихъ преступниковъ по соображенію съ 328 черепами нормальныхъ людей. Наблюденія привели Ломброзо къ убѣжденію, что

небольшая форма черепной коробки, или очень большая, являются характеристическими признаками преступниковъ, равно какъ и душевно-больныхъ. Средняя ариеметическая вмѣстимость черепа у воровъ (1449 куб. мил.) нѣсколько меньше, чѣмъ у убійць (1457); у нормальныхъ людей коэффициентъ этотъ больше, чѣмъ у преступныхъ (1474—1550). Когда вмѣстимость черепа преступника нѣтъ основаній относить на счетъ гидроцефаліи, можно говорить о высокой степени развитія его умственныхъ способностей. Авторъ подробно занимается изысканіемъ окружности черепа, головного показателя, находя, что въ своихъ низшихъ цифрахъ окружность черепа у злоумышленниковъ приблизительно та же, что и у здоровыхъ людей; что долихоцефалія въ Пьемонтѣ у преступниковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ у честныхъ людей (8%—10%), а брахиоцефалія значительно чаще (80%—69%). Челюсть преступника тяжелѣе, чѣмъ у нормальныхъ; у послѣднихъ она вѣситъ 80 gr., у первыхъ 84 gr., у душевно-больныхъ 78 gr. Сравнительно важное значеніе авторъ придаетъ измѣренію вмѣстимости орбитъ. По этому признаку преступникъ приближается къ кретину. Забавно, право, на ряду со всей этой тарабарщиной, смотрѣть, какъ Ломброзо копошится у безконечнаго числа индексовъ: то занять онъ измѣреніемъ вертикальнаго и лобнаго показателя, то волнуютъ его данныя, добытыя отъ измѣренія лицевого угла. Конечно, мы понимаемъ, что Camper, этотъ искусный рисовальщикъ, могъ пробавляться въ 18 столѣтіи своими линіями и углами, читая о нихъ даже торжественныя рѣчи въ Амстердамской академіи живописи. (Oeuvres de Pierre Camper qui ont pour objet l'histoire naturelle, la physiologie et l'anatomie comparée, A Paris, 1803, III t., p.p. 303—324), но въ ночь на 20-й вѣкъ нянчиться съ игрушками не только сомнительной, но и явно вздорной научной цѣнности—въ высокой степени странно. Что „l'angle facial“—погрешка, достаточно доказывается наивностью самого Camper-a, который въ своей „Dissertation physique“ (sur les differences réelles que présentent les traits du visage chez les hommes de differents pays et de differents âges“, Autrecht, 1791) говоритъ слѣдующее:—„Лишь только ко мнѣ попадали головы негра и калмыка, я считалъ самымъ экстремнымъ дѣломъ сличить ихъ съ головой европейца, присоединивъ сюда потомъ и голову обезьяны. Это сравнительное изслѣдованіе установило, что опредѣленная черта, проведенная вдоль лба къ верхней губѣ, указываетъ на несходство, замѣчаемое на лицахъ разныхъ націй и на соотвѣтствіе головы негра съ головой обезьяны. Тщательно заручившись эскизомъ нѣсколькихъ лицъ на горизонтальной линіи, я отмѣчалъ *лицевыя линіи* соразмѣрно съ углами, которые онѣ производятъ съ горизонтальной линіей. Стоило мнѣ наклонить лицевую линію впередъ, я получалъ античную голову; наклоняя ее назадъ, я получалъ голову негра; еще болѣе наклоняя ее—голову обезьяны; при большемъ наклонѣ—голову собаки; потомъ, наконецъ, бекаса: вотъ гдѣ лежитъ основаніе моего зданія“ (p.p. 8—9). Какъ нравится Вамъ эта премудрость?

Вѣкъ безукоризненныхъ фижмъ, галантныхъ разговоровъ, изящныхъ позъ,—Боже, какой это былъ веселый вѣкъ!.. Съ живѣйшимъ прискорбіемъ отмѣчаемъ, что въ половинѣ 19-го вѣка Karl Gustav Carus („Symbolik der menschlichen Gestalt“, Lpz., 1853) находилъ нужнымъ заниматься подобными же бездѣлушками. Carus усматриваетъ благородство и интеллигентность натуры въ явленіи, когда верхняя губа выдается надъ нижней (s. s. 211—12); принаравливаетъ энергію, силу воли и умъ къ высокому росту человѣка (ib. s. s. 74—75). Ломброзо, какъ добросовѣстнаго ученаго и человѣка, съ раннихъ лѣтъ своихъ серьезныхъ занятій привыкшаго къ изученію естествовѣдѣнія, которое не такъ-то легкомысленно бросается въ объятія дедукціи при отсутствіи подъ руками солиднаго эмпирическаго матеріала, не удовлетворяютъ найденныя имъ, только что нами изложенныя, у преступниковъ особенности. Онъ ищетъ болѣе твердыхъ опоръ въ аномаліяхъ, замѣчаемыхъ у испорченныхъ субъектовъ. Въ этихъ видахъ онъ постарался собрать въ одной таблицѣ % дегенеративныхъ признаковъ, найденныхъ на 383 черепахъ преступниковъ какъ имъ самимъ, такъ и другими изслѣдователями (op cit., I, p. 155). Въ числѣ важнѣйшихъ аномалій отмѣтимъ: большую выпуклость бровныхъ дугъ—58,2%, неправильность въ образованіи зубовъ мудрости—44,6%, уменьшеніе въ вмѣстимости черепа—32,5%, синостозъ швовъ—28,9%, скошенный лобъ—28%, гиперостозъ костей—28,9%, плагиоцефалию—23,1%, ворміевы кости—22%, среднюю затылочную ямку—16%... Въ одномъ черепѣ совокупность аномалій встрѣчается въ размѣрѣ 43%; простые стигматы въ изолированномъ состояніи даютъ 21%. Признавая, что, при сравненіи нормальныхъ людей съ преступниками, оказывается, что множество дегенеративныхъ признаковъ теряетъ свое значеніе, такъ какъ ихъ находятъ у здоровыхъ людей въ такой же пропорціи, а то еще большей, авторъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что у преступниковъ нѣкоторыя stigmata встрѣчаются въ двойномъ или тройномъ числѣ (склерозъ, ассиметрія, чрезмѣрность лобныхъ и надбровныхъ дугъ, у мужчинъ средняя затылочная ямка, аномаліи затылочнаго отверстия..., p. 161). Хотя цифры, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, замѣчаетъ Ломброзо, весьма незначительны для того, чтобы мы съ достовѣрностью могли сказать, встрѣчаются ли аномаліи черепа у воровъ въ большей или меньшей степени, чѣмъ у убійць,—однако во всякомъ случаѣ кажется, что у воровъ чаще констатируютъ: субмикроцефалию, синостозы, скошенные лбы, трокоцефалию, оксидефалию, склерозъ черепа, чрезмѣрную ширину глазничныхъ впадинъ; у убійць замѣчаются: большое число объемистыхъ челюстей, ворміевы кости, платидефалии и средне-лобные швы (p. 162). Находя у душевно-больныхъ нѣкоторыя стигматы вырожденія, общіе и преступникамъ (къ примѣру—субмикроцефалию), Ломброзо заявляетъ, что изученіе указанныхъ аномалій наводитъ на мысль о большей близости преступника къ душевно-больному, чѣмъ къ дикарю, особенно въ отношеніи: лобной кости, раз-

витія челюсти, выпуклости надбровныхъ дугъ; въ частности—средней затылочной ямки, сильно выраженной лишь у древнихъ американцевъ. Этой затылочной ямкѣ Ломброзо придаетъ большое значеніе: у 1320 здоровыхъ европейцевъ она найдена въ пропорціи 4,1%, у преступниковъ—16%, на 126 египетскихъ и этрусскихъ черепахъ—10%, 16 негритянскихъ—6%, 40 американскихъ—26%, 9 семитскихъ—22%, 28 папуасскихъ—1%, 11 перувианскихъ—18%, 22 ново-зеландійскихъ—50%. Морселли показали, что затылочную ямку нерѣдко находятъ у orang-утанговъ (одинъ разъ на 30), гориллъ (одинъ разъ на четырехъ), но ея нѣтъ у обезьянъ низшихъ породъ (р. р. 164—5). Мы уже говорили выше, что на 383 черепа среднюю затылочную ямку нашли въ отношеніи 16%—причемъ одиннадцать разъ она была обыкновеннаго размѣра, какъ это замѣчается у 4,1% нормальныхъ людей, 6 изъ этихъ 11—воры, 5—убійцы; у 5 ямка терялась въ ворміевыхъ костяхъ, у двухъ сливалась съ первымъ шейнымъ позвонкомъ (р. 170). Пора однако немного очнуться отъ китайщины медицинскихъ терминовъ, отъ кошмара, въ которомъ мы видѣли ученаго профессора въ странномъ костюмѣ эквилибриста. Чего хочетъ уголовная антропология? Она претендуетъ на признаніе за своей доктриной объективно-научной цѣнности и постольку желаетъ установить за собой честь безспорнаго влеченія въ науку уголовного права неуязвимаго вѣнка. Къ сожалѣнію, притязанія уголовной антропологии въ этомъ направленіи не имѣютъ объективнаго основанія. Ломброзо своимъ изслѣдованіемъ череповъ злоумышленниковъ силится указать на реальное существованіе такъ наз. урожденнаго преступника, какъ типа съ опредѣленными признаками дегенерации, патолого-анатомическаго строенія. Противъ этихъ тенденцій можно выставить два возраженія. Во-первыхъ, въ наукѣ еще не установлено прочно, что именно нужно понимать подъ *stigmata de-generationis*. Одни, какъ напр. *Paul Julius Möbius*, полагаютъ, что дегенеративные признаки—это „тѣ наружныя тѣлесныя аномаліи, на основаніи которыхъ обыкновенно дѣлаютъ заключеніе о прирожденномъ недостаткѣ (*angeborene Mangelhaftigkeit*) организаціи, въ особенности нервной системы“. *Möbius* знаетъ восемь стигматовъ, каковы: „безобразная форма черепа, асиметрія лица, уродливость ушей, неправильности въ положеніи глазъ, ротового отверстія, членовъ, задержка въ развитіи половыхъ органовъ, аномаліи кожи“ („*Allgemeine Diagnostik der Nervenkrankheiten*“, Leipzig, 1886, s. s. 227—28). Къ сожалѣнію, *Rudolf Arndt*, идя, очевидно, по тѣмъ же пятамъ, энергично ратуетъ за признаніе и невращеніе дегенеративнымъ стимуломъ („*Biologische Studien*“, II Theil—*Artung und Entartung*—Greifswald, 1895, s. 253). Надо ли доказывать, что ссылка на нервную систему не освѣщаетъ вопроса? Что сказали бы Вы о человѣкѣ, который, принимая просьбу о помощи обездоленному, этого послѣдняго отсылаетъ съ пустыми руками въ другое мѣсто, гдѣ нѣтъ ровно никакихъ шансовъ на удачу? Кому неизвестно, въ какомъ рудиментарномъ состояніи находится отдѣлъ меди-

цины о нервныхъ болѣзняхъ? Другіе, какъ д-ръ *Paul Guder* („Compendium der gerichtlichen Medicin“, Leipzig, 1887, s. 250), говоря о тѣлесныхъ аномаліяхъ, остерегають смотрѣть на нихъ, какъ на дегенеративные признаки при всѣхъ обстоятельствахъ („unter allen Umständen“), утверждая, что такой характеръ стигматы могутъ имѣть лишь при наличности „психическихъ аномалій“. Тогда именно, въ видахъ обезпеченія діагноза, ихъ слѣдуетъ собрать и использовать („sind sie heranzuziehen und zu verwerthen“). Очутиться въ объятіяхъ *Guder'a* послѣ *Möbius'a*—то же, что попасть изъ огня да въ полымя. Въ самомъ дѣлѣ, что знаемъ мы о психическихъ аномаліяхъ? Ктѣ психически здоровъ, и ктѣ психически боленъ?—„Душевное здоровье, душевная болѣзнь, увѣряетъ *George Savage*,—это вѣдь одни вульгарные термины („herkömmliche Ausdrücke“), несмотря на то, что врачи, какъ и профаны, придаютъ имъ значеніе прочно установленныхъ понятій. Ни одинъ человекъ не обладаетъ вполнѣ равномернымъ развитіемъ всѣхъ своихъ духовныхъ способностей, все равно какъ не существуетъ абсолютнаго совершенства тѣла“. („Klinisches Lehrbuch der Geisteskrankheiten und der Psychoneurosen“, herausgeg. von Ad. Knecht, Leipzig, 1887, s. 2).—„Какъ нѣтъ двухъ людей, которые абсолютно походили бы другъ на друга тѣломъ, тов. *Hirsch*, такъ равно не существуетъ на свѣтѣ двухъ одинаковыхъ характеровъ“. („Genie und Entartung, Berlin und Leipzig, 1894, s. 18).—„Если мы уже въ области соматической медицины, несмотря на множество находящихся въ нашемъ распоряженіи вспомогательныхъ средствъ, не въ состояніи провести точной границы между здоровьемъ и болѣзнью, намъ, конечно, не слѣдуетъ слишкомъ суживать границу здоровыхъ явленій въ психіатріи, гдѣ имѣемъ дѣло съ значительно болѣе сложнымъ организмомъ, какъ ни въ одной области медицины, но мы должны укладывать психическую дѣятельность въ достаточно широкія физиологическія рамки“ (*ibidem*, s. 7). Страсбургскій проф. Ноше въ своей глубокопродуманной съ теоретической стороны работѣ „Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie“ (14 Heft der Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens, Wiesbaden, 1902, s. 24) между прочимъ замѣчаетъ:—„Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эксперты, конечно, сходятся въ своихъ сужденіяхъ о томъ, имѣется ли на лицо душевная болѣзнь, или нѣтъ; однако въ отношеніи части опредѣленныхъ явленій мнѣнія всегда будутъ расходиться, не столько въ виду трудностей, сопряженныхъ съ діагнозомъ въ конкретномъ случаѣ, сколько вслѣдствіе неопредѣленности (*Unsicherheit*) основнаго понятія душевной болѣзни. Ist es schon sehr schwierig, den Begriff der körperlichen Krankheit zu definiren, so wächst die Schwierigkeit für die seelischen Vorgänge bis zur Unüberwindlichkeit“. Эта неустойчивость понятій въ наукѣ подвергается въ обыденной жизни должной оцѣнкѣ. Такъ, по мнѣнію А, психически разстроенъ тотъ, кто, въ ущербъ жизненнымъ наслажденіямъ, занимается научными изысканіями, относясь съ презрѣніемъ къ ежедневнымъ жертвамъ, воскури-

ваемым золотому тельцу. По мифію Б, не совѣмъ нормаленъ тотъ, кто, страдая неизлѣчимой болѣзнью навивы, денно и ношно лишь думаетъ о нахожденіи таинственнаго источника, изъ котораго можно было бы выжать изрядное число золотыхъ монетъ,—этого блестящаго, дорогаго талисмана, радующаго глазъ и сердце. Опираясь на указаннныя соображенія, нельзя не согласиться съ Joseph-омъ Metzger, что вопросъ о томъ, какимъ дегенеративнымъ признакамъ должно придавать фатальное значеніе, не подлежитъ научному обсужденію („Zur Lehre von den Degenerationszeichen“, Allg. Zeitschr. für Psychiatrie, 45 B., 1889, s. 511). Второе положеніе, которое намъ хотѣлось бы привести въ видѣ возраженія противъ ученія Ломброзо о *stigmata degenerationis*, состоитъ въ томъ, что для вынесенія научнаго заключенія о типичныхъ чертахъ вырожденія субъекта необходимо самымъ точнымъ образомъ, не допускающимъ сомнѣній и колебаній, знать его нормальное состояніе во всѣхъ формахъ и нюансахъ. Къ сожалѣнію, и по этому предмету у насъ нѣтъ сколько-нибудь цѣнныхъ свѣдѣній съ объективнымъ значеніемъ. Какія имѣются, спрашиваетъ Francotte, абсолютно-безспорныя данныя касательно измѣренія окружности черепа, тяжести мозга, роста человѣка и пр.? („L'anthropologie criminelle“, Paris, 1891, p. 208). Гейдельбергскій проф. Aschaffenburg замѣчаетъ: „Wir haben keinen Kanon des Normalmenschen, der als Masstab aller Abweichungen dienen könnte“ („Das Verbrechen und seine Bekämpfung“, Heidelberg, 1903, s. 138). Очень мѣтко по поводу интересующаго насъ вопроса выразился D-r Féré: „Для того чтобы характеристическіе признаки, отмеживающіе преступнаго человѣка отъ здороваго, имѣли научную цѣнность въ подлинномъ смыслѣ, надо предположить, что нормальный человѣкъ есть существо точно опредѣленное, всегда похожее на себя, какъ кристаллизованная соль. Ничего подобнаго нѣтъ, какъ съ анатомической, такъ и физиологической точки зрѣнія. Засимъ—и это возраженіе совѣмъ не такое ребяческое, какъ оно могло бы показаться—антропологическая школа разсматривала, да и не могла не разсматривать, въ качествѣ злоумышленниковъ одну группу преступниковъ, тѣхъ, которые попали въ руки властямъ (*qui se sont laissé prendre*), однако нѣтъ надобности доказывать, что виновники изряднаго числа антиобщественныхъ дѣйствій ускользаютъ изъ рукъ правосудія; такъ, къ примѣру, выкидышъ и дѣтубійство очень часто не доходятъ до гласности. То же самое надо сказать о наиболѣе удачныхъ кражахъ (*des meilleurs vols*). Добродѣтель не характеризуется на живомъ человѣкѣ ни однимъ объективно-специфическимъ признакомъ, такъ что, при сравненіи, напр., мозга преступника съ мозгомъ, разсматриваемымъ въ качествѣ нормальнаго типа, который—повторяю—чисто гипотетиченъ, мы никогда не можемъ быть увѣрены въ томъ, что этотъ мозгъ—типъ не принадлежалъ другому преступнику, болѣе искусному, или судьбой болѣе облаканному“ („Dégénérescence et criminalité“, Paris, 1907, p. 75—76). Ученый, который, руководствуясь наблюденіемъ совокупности дегенеративныхъ стигматовъ, захотѣлъ бы

строить на нихъ широкія обобщенія, походилъ бы на художника, ищущаго для своего холста совершенныхъ формъ въ перистыхъ облакахъ, нерѣдко дающихъ иллюзію челоѣвка, животнаго и т. д. Сочетаніе такъ называемыхъ облаковъ, или очертаній головы—тайна, какъ зачатіе, рожденіе. Одинъ изъ извѣстныхъ германскихъ противниковъ криминальной антропологии Näcke, изучая *stigmata degenerationis* въ связи съ прогрессивнымъ параличемъ, также приходитъ къ пессимистическому выводу: „Bevor der Begriff Degeneration festgelegt wird, muss erst die Variationsbreite der einzelnen Formen bekannt sein“. (Allg Zeitschrift für Psychiatric, 55 B., 1898, s 682). Такимъ образомъ должно признать, что терминъ вырожденія, съ какой бы стороны мы къ нему ни подходили, лишень объективнаго значенія. Послѣ этихъ формальныхъ замѣчаній пора перейти къ возраженіямъ, имѣющимъ отношеніе къ существу затрогиваемой проблемы. На первомъ планѣ рѣчь идетъ о формѣ черепа. Какъ мы видѣли, Ломброзо, говоря о преступникахъ, чувствуетъ себя великолѣпно въ душной атмосферѣ всѣхъ этихъ микро-, макро-, долихоцефалій, не менѣе уютно, чѣмъ въ предѣлахъ мелодичной симфоніи своей *Muttersprache*. Однако, вполне понимая релятивное значеніе разбираемаго признака, нельзя не замѣтить, что онъ съ успѣхомъ могъ бы быть отброшенъ, какъ условнаго значенія категория, которая запутываетъ и безъ того сложный клубокъ уголовной антропологии. Зайдите въ большое помѣщеніе, гдѣ случайно собралось сто челоѣвкъ. Если Вашъ глазъ привыкъ быстро ориентироваться на морфъ челоѣвческихъ головъ, если Вы наблюдательны, Вамъ безъ особеннаго труда удастся замѣтить одного съ остроконечнымъ черепомъ, другого съ тупымъ, третьяго съ неестественно-большой и нѣсколько приплюснутой головой. Вы поступили бы не только во вредъ точному знанію, но и вопреки здравому смыслу, приходя къ убѣжденію, что А будетъ судиться, или уже въ свое время былъ осужденъ, за кражу; что Б и В составляютъ подлоги; что всѣ они въ большей или меньшей степени алкоголики и наслѣдственные дегенераты, и если они въ изящныхъ смокингахъ, находясь въ ярко освѣщенномъ залѣ, любезно бесѣдуютъ съ очаровательными дамами, а не сидятъ облеченные въ халаты табачнаго цвѣта въ угрюмомъ молчаньи за засовомъ суровой тюремной ограды, то это дѣло лишь простой случайности. Наружныя аномаліи—одинъ эпизодъ, значенія котораго мы не всегда можемъ постигнуть. Тысяча едва уловимыхъ причинъ вызываетъ уродливую форму черепной коробки. Въ своей диссертациі „*De hydrocephalo chronico infantum*“ (Berolini, MDCCCXLVI) Ludovicus Hirsch, касаясь этиологии болѣзни, не безъ основанія говоритъ: „Itaque dispositionem aliquam aut in foetu ipso aut in parentibus adesse oportet; quae vero sint haec causae, suspicari sane sed certe significare non licet. Graves enim matris inter graviditatem morbos, terrorem, aegritudinem animi, iram; itidem noxas mechanicas, ut ventrem gravidum vehementer percussum ictumve, aut, quod ob mulierum inanitatē saepius fit, vestimentis, uti thorace linteo, zona etc. nimis vinctum; tum

senectutem, decrepitem patris, ne foetus libere evolvatur, impedire, atque ad hydrocephalum conformandum multum conferre verisimillimum est" (25). Jörg („Handbuch zum Erkennen und Heilen der Kinderkrankheiten“, Lpz., 1826, § 290, s. 291 — 92) также удостоверяетъ, что зародышъ подвергается массѣ и психическихъ и физиологическихъ вліаній въ зависимости отъ множества причинъ, которыя въ своемъ разнообразіи не всегда поддаются учету. „Представляется ли надобность, спрашиваетъ Émile Laurent, къ допущенію у преступниковъ той или другой специальной формы черепа? Есть ли необходимость утверждать, что преступники всегда, и до известной степени фатально, даютъ опредѣленную дисгармонію черепа, по которой ихъ узнаютъ безъ ошибки, при первомъ взглядѣ? Подобнаго рода предположенія не только преувеличены, но они кажутся мнѣ безусловно ложными. Если я дерзаю выступить съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ, быть можетъ становясь въ противорѣчіе съ людьми большихъ знаній и высокаго авторитета, то это потому, что я говорю лишь о томъ, что наблюдалъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я видѣлъ въ Santé нѣсколько тысячъ преступниковъ, многихъ изъ нихъ я лично добросовѣстно расспрашивалъ, я изслѣдовалъ ихъ черепа, пользуясь измѣреніями новаго циркуля Брока, согласно точнымъ и вѣрнымъ наставленіямъ Бертиллона, оказавшагося любезнымъ предоставить инструменты въ мое распоряженіе; могу сказать, что у большинства настоящихъ преступниковъ я нашелъ одинъ или нѣсколько стигматовъ физическаго вырожденія, но эти признаки могли находиться на всѣхъ органахъ, какъ на черепѣ, такъ и на дѣтородныхъ членахъ, на ушахъ и на рукахъ, на челюсти и на ногахъ, но я никогда не могъ констатировать постоянныхъ признаковъ, сгруппированныхъ на томъ или другомъ органѣ, въ частности на черепѣ, — признаковъ, до известной степени патогномоническихъ въ отношеніи преступленія“ („Les habitués des prisons de Paris“, Lyon-Paris, 1890, p. 180). Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей, едва ли не самый добросовѣстный критикъ уголовной антропологии, ея энциклопедистъ, замѣчаетъ: „Кто вмѣсто измѣренія отдѣльныхъ череповъ выдающихся замѣчательныхъ преступниковъ, обратился бы къ изученію головъ тысячи заключенныхъ различныхъ категорій, тотъ пришелъ бы къ убѣжденію, что на ряду съ неправильными образованіями, констатируемыми на черепахъ преступниковъ, множество подобнаго же рода аномалій замѣчается у такихъ субъектовъ, которые въ нравственномъ отношеніи далеко не пали такъ низко, какъ ихъ товарищи, опасные рецидивисты, дающіе нерѣдко экземпляры безукоризненно правильной, гармонической формы головы. Между степенью моральныхъ заслугъ и аномаліей черепа нѣтъ ровно никакого соотношенія, и потому болѣе чѣмъ странно, когда немало изслѣдователей старается найти особенности черепа даже у преступниковъ различныхъ категорій“ (Baer, „Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung“, Leipzig, 1893, s. 118). Lélut, который во 2-мъ томѣ своей „Physiologie de la pensée“ (Paris, 1862, p. 329), нашелъ у

imbéciles développement crânien нѣсколько меньшей, чѣмъ у людей ординарнаго ума ($\frac{979,304}{1000}$), вовсе не склоненъ придавать этому факту характера кардинальнаго открытія, считая напротивъ подобныя вычисленія противорѣчивыми, называя ихъ ложными математическими величинами (р. 342). На стр. 348 авторъ откровенно признаетъ, что отъ одного субъекта къ другому родъ cerebro-интеллектуальнаго параллелизма разбивается, часто исчезаетъ, и это какъ въ разсужденіи идиотовъ и imbeciles, такъ равно людей обыкновеннаго, или выдающагося ума. Однимъ словомъ, нѣтъ и не можетъ быть въ области т. наз. анатоми-патологической краниологіи явно-типическихъ отношеній, которыя такъ дороги всякой наукѣ. Очень досадно, право, послѣ этого читать у Ломброзо, замѣчательнаго ученаго, что у воровъ своя, специфическая форма черепа, а у убійць—другая. Кого можно убѣдить въ научномъ значеніи такого шаткаго предположенія, обоснованнаго на сыпучемъ пескѣ нѣсколькихъ наблюденій? Неужели Ломброзо не знаетъ, что жизненные явленія—стихія, которая смываетъ песокъ съ такой же легкостью, какъ вѣтеръ разрушаетъ карточный домикъ?.. Все же Ломброзо настаиваетъ на асимметріи черепа, такъ часто замѣчаемой у злоумышленниковъ. Но и этотъ признакъ—миражь, квази-аномалія. Въ глазахъ Ломброзо всѣ кошки сѣры. Проф. Debière въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи „Le crâne des criminels“ говоритъ о чрезвычайной рѣдкости такого явленія, какъ безукоризненная симметрія двухъ сторонъ головы; можно было бы думать, что природа боится точности; въ дѣйствительности асиметрія черепа часто встрѣчается у лицъ прекрасно сложенныхъ и менѣе всего преступныхъ („Le crâne des criminels“, Lyon—Paris, 1895, p. 91). Что касается генезиса уродливыхъ формъ черепа, справедливость и здравый научный тактъ, чуждый партійности и тенденціозности, вынуждаетъ обратить серьезное вниманіе и на причины позднѣйшаго характера; иначе сказать—помимо наследственности, какъ игры фатальной концепціи соотношеній, нѣкоторыя обстоятельства, которыя человѣческая воля при благоприятныхъ условіяхъ иногда могла бы предотвратить, непосредственно вызываютъ тотъ или другой болѣзненный феноменъ, то или иное очертаніе головы. На очереди прежде всего рахитъ. Тутъ приходится объяснять безобразныя анатомическія формы ссылкой на явленія, лежащія глубоко въ нѣдрахъ общественно-экономической жизни. Кто не знаетъ, кто не видѣлъ рахитическихъ дѣтей, этихъ невинныхъ, кроткихъ страдалцевъ? Рассасываніе остеоидной ткани, размягченіе затылка, расхожденіе черепныхъ швовъ, утолщеніе теменныхъ и лобныхъ бугровъ, искривленіе позвоночника (кифозъ и сколіозъ),—вотъ слѣдствіе рахита, этой специфически дѣтской напасти. Elsässer въ своей работѣ „Der weiche Hinterkopf“, Stuttgart und Tübingen, 1843 первый, кажется, описалъ craniotabes въ видѣ самостоятельной болѣзни. Недоѣданіе, или потребленіе нездоровой пищи, отвратительная въ гигиеническомъ отношеніи обстановка

жилого рабочаго помѣщенія, холодъ и сырость—вотъ рядъ грозныхъ социальныхъ факторовъ, которые, съ ужасъ и вырожденіе, губятъ дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Какимъ уходомъ, какимъ питаніемъ пользуется ребенокъ изъ низшихъ классовъ населенія, кетати сказать, согласно статистическимъ даннымъ, какъ извѣстно, дающихъ maximum преступности? Кто побывалъ когда бы то ни было, хотя бы разъ, въ семьѣ литейщика, кочегара, слесаря и пр., словомъ—тѣхъ людей, которые за свой безпробудно-каторжный трудъ получаютъ гроши, живя въ сырыхъ и темныхъ подвалахъ, потребляя нерѣдко по цѣлымъ днямъ сухую, холодную пищу; кто наблюдалъ матерей, которыхъ черезъ день два послѣ родовъ нужда поднимаетъ съ постели и гонитъ на работу, стирать ли бѣлье у господъ, мыть ли полы въ ихъ комнатахъ и пр., кто видѣлъ новорожденныхъ на попеченіи ихъ четырехлѣтняго брата, или пятилѣтней сестрички,—тотъ пойметъ нашу мысль, тотъ пойметъ д-ра Soltmann-а который, находя 60—70% изъ числа всѣхъ умершихъ грудныхъ младенцевъ жертвой желудочно-кишечныхъ заболѣваній, ставитъ болѣзни и смертность дѣтей въ непосредственную связь съ лишеніемъ ихъ молока матери или молока вообще. („Die Beziehungen der physiologischen Eigenthümlichkeiten des kindlichen Organismus zur Pathologie und Therapie“, Leipz, 1895, s. 27). И, право же, послѣ этого уста складываются въ горькую, ироническую улыбку, когда читаешь въ медицинскихъ книгахъ, посвященныхъ вопросамъ гигиены и гинекологій, какъ старательно и заботливо должна мать ухаживать за новорожденнымъ, не ложить его на ночь возлѣ себя, а устроить ему отдѣльную кроватку, защищая отъ сквозняковъ, чрезмѣрнаго тепла, рѣзкаго свѣта (Naegele, „Lehrbuch der Geburtshülfe, 1 Theil, Mainz, 1847, s. 318)... Что новорожденный—зародышъ, который еще только становится ребенкомъ, и жизнь его отличается такой хрупкостью, что сама по себѣ она имѣетъ тенденцію скорѣе угасанію, чѣмъ къ укрѣпленію, откуда слѣдуетъ необходимость обставить его самыми нѣжными заботами (D-r Périer, „Hygiène alimentaire des enfants durant la santé, les maladies et la convalescence“, Paris, 1895, p. 5)... Что ребенокъ никогда не долженъ спать въ одной и той же комнатѣ, а тѣмъ менѣе въ одной кровати съ чахоточными родителями или другимъ лицомъ, страдающимъ туберкулезомъ. Что комната ребенка должна быть большая, имѣть много свѣта, находиться на южной или юго-западной сторонѣ и днемъ и ночью достаточно провѣтриваться (Herm. Weber, „Vorträge über die hygienische u. klimatische Behandlung der chronischen Lungenphthisie“, deut. Ausg. von Dippe, Leipzig, 1886, s. 28). Мы глубоко убѣждены въ томъ—да это, впрочемъ, трюизмъ,—что какъ тѣло, такъ и духъ человѣка находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ своего milieu, и на это съ гениальной прозорливостью уже указывалъ знаменитый Гиппократъ: — „Люди, которые населяютъ высокую, плоскую, доступную для вѣтровъ и водой обильную мѣстность, имѣютъ крѣпкое сложеніе, похожи другъ на друга, отличаются высокимъ ростомъ, мягкимъ характеромъ, хотя они и менѣе храбры“ (СХХІІ, р.

115). — „Тѣ же, что живутъ въ странѣ сухой, мало снабжаемой влагой, благодаря измѣненіямъ во временахъ года голой и неумѣренной—сухи и нервны. Ихъ цвѣтъ лица больше желтый, чѣмъ темнокоричневый, а нравы и способъ мышленія отличаются дерзостью и упорствомъ“ (СХХІІІ, р. 117). (Traité d'Hippocrate: „Des airs, des eaux et des lieux“, trad. nouv. par Coray, Paris, 1800, t. I). Такъ на зарѣ человѣческой культуры, когда дремучіе лѣса въ пышныхъ нарядахъ гордились своей дѣвственностью, а высокія голыя скалы отъ зависти хмурились, намѣчены были контуры матеріалистическаго пониманія исторіи... Со времени Morel-а (не говоримъ уже о другихъ) никто, казалось бы, не долженъ забывать, какое огромное участіе принимаетъ естественный факторъ въ разрушительномъ процесѣ природы. Болѣзнь вѣдь родная сестра нужды. Общая патологія и политическая экономія, крѣпко обнявшись, кружатся въ вихрѣ безумнаго танца надъ моремъ вздоховъ и страданій... Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine“ (Paris, 1857) Morel, этотъ блестящій французскій ученый, говоритъ слѣдующее:—„Мало торжества челоѵка надъ внѣшней природой; ему, помимо этого, нужно побѣдить еще внутреннюю природу, или—выражаясь точнѣе—искусственную природу соціальной среды, въ нѣдрахъ которой существованіе его протекаетъ. Говоря другими словами, участіе въ занятіяхъ опасныхъ или нездоровыхъ, населеніе центровъ густообитаемыхъ и антигигіеничныхъ являются новыми причинами разрушенія, а слѣдовательно и вырожденія, организма. Я хорошо знаю, что можетъ сдѣлать челоѵчeskій геній, ведя борьбу съ вредными элементами, но могуществу его положены границы и, не взирая на всѣ успѣхи науки, нельзя предположить, чтобъ онъ оставался безъ измѣненій подѣ давленіемъ тѣхъ отрицательныхъ условій, которыя связаны съ жизнью на фабрикахъ, съ выработкой опредѣленныхъ продуктовъ, вынуждающихъ дышать ядовитыми испареніями, или проводить большую часть жзни въ шахтахъ (dans les entrailles de la terre). Если къ этимъ общимъ неблагоприятнымъ условіямъ прибавить столь глубоко деморализирующее вліяніе нищеты, отсутствіе образованія и предусмотрительности, злоупотребленіе спиртными напитками, недостатокъ въ питаніи,—можно будетъ получить представленіе о тѣхъ сложныхъ обстоятельствахъ, которыя имѣютъ тенденцію невыгоднымъ образомъ видоизмѣнять темпераментъ бѣднаго люда“ (р.р. 50—51). Вы, безъ сомнѣнія, спрашиваете, какое имѣютъ значеніе эти соціально-экономическіе факторы въ смыслѣ образованія анатомо-патологическихъ особенностей? Отвѣчаемъ: иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о которыхъ знаетъ лишь одна природа, они играютъ огромную роль въ указанномъ направленіи. Ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ появленія только что цитированной книги Morel-а, вышла въ свѣтъ работа Ranke: „Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns“. Авторъ, изучая черепа старо-баварскаго сельскаго населенія, находитъ тѣсное соотношеніе между формой черепа и неудовлетворительнымъ питаніемъ,

типичнымъ удѣломъ жителей данной мѣстности. Theodor Waitz: „Ueber die Einheit des Menschengeschlechts und den Naturzustand des Menschen“ утверждаетъ, что культурная обстановка не только способна смягчать грубыя наружныя черты у нѣкоторыхъ народовъ (напр.—толстыя губы у негровъ), но она можетъ даже модифицировать уродливость черепа. (1 Theil, „Anthropologie der Naturvölker“, Leipzig, 1859, s.s. 81—87). Развѣ это не поучительно? Herbert Spencer, какъ извѣстно, придавалъ огромное значеніе вліянію среды; онъ считалъ человѣка въ одно и то же время конечной проблемой біологіи и начальнымъ факторомъ соціологіи (—„The human being is at once the terminal problem of Biology and the initial factor of Sociology“, The study of Sociology, Williams and Norgate, 1880, 332). Въ своихъ „Основаніяхъ соціологіи“, (рус. пер., С. П. Т., I т., 1877, стр. 47) онъ удостовѣряетъ, что значительныя размѣры челюстей и зубовъ у первобытныхъ народовъ должны находиться въ связи съ потребленіемъ грубой, сырой пищи, а также замѣной зубами орудій, какъ это наблюдается теперь у мальчугановъ.—„Уменьшеніе отправления повело за собой и уменьшеніе размѣровъ какъ челюстей, такъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ мускуловъ. А отсюда явился потомъ, какъ болѣе отдаленное послѣдствіе, и уменьшеніе тѣхъ костяныхъ дугъ (скуль), подъ которыми эти мускулы проходятъ, вслѣдствіе чего появилось добавочное отличіе въ очертаніи цивилизованнаго лица“.

Засимъ, нѣтъ сомнѣнья, что измѣненіе формы черепа находится въ зависимости какъ отъ теченія процесса родовъ, такъ равнымъ образомъ отъ положенія ребенка въ моментъ отдѣленія отъ утробы матери. Вспомните только объ *extractio foetus pedibus, eclampsia, perphoratio, hydrocephalus sub partu*,—и Вы придете къ мысли, что природа, творческія силы которой направлены къ безконечному и, видимо, безцѣльному размноженію особей для міра, полнаго холода и плача, самымъ безжалостнымъ образомъ иногда относится къ человѣку, этой ничтожной протоплазматической клѣткѣ, уже съ первыхъ минутъ физиологическаго появленія его на свѣтъ. Чтó сказать о мукахъ матери, которая даже при сравнительно благополучномъ для нея исходѣ родовъ; нерѣдко въ теченіе очень продолжительнаго времени осуждена на страданья? У Neugebauer-a („Die Fremdkörper des Uterus“, Breslau, 1897) на стр. 40 мы находимъ поразительный случай, когда черепныя кости новорожденнаго, вынутаго безъ головки, находились въ маткѣ нѣсколько лѣтъ... Маточныя аномаліи одинаково вредно могутъ вліять на здоровье и роженицы и ребенка. Представляется въ такихъ случаяхъ надобность въ серьезной операціи (D-r Weeber, „Ueber uterus bicornis unicollis und seine Beziehungen zu Schwangerschaft und Geburt“, Strassburg, 1902, s.s. 30—31). —„Если ребенокъ, гов. D-r Neumann, рождается на свѣтъ свое: временно и хорошо развитымъ, то еще самый процессъ родовъ можетъ причинить ребенку извѣстный вредъ. Физиологическое отдѣленіе ребенка отъ матери уже само по себѣ имѣетъ большое сходство съ болѣзненнымъ состояніемъ. Такъ, мы встрѣчаемся у ребенка съ послѣдствіями

произведеннаго на него во время родовъ сильнаго давленія“ („О лѣченіи дѣтскихъ болѣзней“, пер. Шабада, С. П. Т, 1901, стр. 5). Наложеніе щипцовъ—т. наз. большая операція у акушеровъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ невыгоднымъ образомъ отражается на физическомъ строеніи новорожденнаго, особенно въ виду возникновенія осложнений. Сюда относятся случаи чрезвычайной узости таза матери. Кефалотрипсія, какъ крайняя мѣра, и имя Auguste-a Baudelocque-a извѣстны каждому врачу. Въ литературѣ издавна указывали на аномаліи ребенка, которому суждено родиться при тяжелыхъ условіяхъ. Такъ, къ примѣру—M-me Voivin („Mémorial de l'art des accouchemens“, I t. Paris, 1836) знаетъ: а) ушибы—contusions—обусловливаемые сжатіемъ, которое производитъ аномальный тазъ на головку, и давленіемъ отъ употребленія инструментовъ; б) вывихи—luxations—перемѣщеніе или выступленіе кости изъ своей полости, какъ результатъ большихъ усилій, затрачиваемыхъ на извлеченіе ребенка за ножки; с) переломы—fractures—или разрывы черепныхъ костей, вызываемые: 1) силой маточныхъ сокращеній при прохожденіи головки черезъ очень узкій тазъ; 2) слишкомъ сильнымъ сдавливаніемъ щипцовъ. Переломы отдѣльныхъ членовъ происходятъ отъ плохого положенія ребенка или отъ рѣзкихъ усилій, направленныхъ то въ видахъ освобожденія одного какого либо члена, то извлеченія ребенка за ножки (р.р. 456—7). Что касается процентнаго отношенія патологической формы родовъ къ физиологической, мы будемъ имѣть о немъ представленіе en gros, руководствуясь цифрами, приведенными въ работѣ д-ра медицины г. Перлиса. „На 278 родовъ—176 (63,3%) окончились вполне благополучно однѣми силами природы; а въ 102 случаяхъ (36,6%) потребовалось вмѣшательство искусства“ („278 родовъ“, медиц. отчетъ, Кіевъ, 1895, стр. 22). Очень хорошо, конечно, и для матери и для ребенка, когда опытный врачъ, въ критическія минуты безотлучно находясь у постели больной, самъ дѣлаетъ поворотъ, накладываетъ щипцы и т. д. Въ такихъ ли условіяхъ находится огромное число женщинъ, которыя иногда по дальности разстоянія, чаще по соображеніямъ матеріальнаго свойства, едва имѣютъ возможность призвать въ свой темный уголь невѣжественную „бабку“, въ большинствѣ случаевъ даже незнакомую съ употребленіемъ мыла?... Friedrich Scanzoni („Lehrbuch der Geburtshilfe“, Wien, 1855, s. 219) говоритъ о „bedeutendes Uebereinandergeschobensein der einzelnen Schädelknochen“, вызывающее при затылочныхъ положеніяхъ существенное измѣненіе въ формѣ головы. Karl Schroeder указываетъ, что лицевое положеніе, растягивая черепъ новорожденнаго въ длину, въ единичныхъ случаяхъ долгое время обуславливаетъ форму головы („Lehrbuch der Geburtshilfe“, Bonn, 1888, s. 192). Проф. К. Ф. Толочиновъ („Учебникъ акушерства“, М., 1898, стр. 468—69) замѣчаетъ:—Значительное препятствіе, которое необходимо преодолѣть подлежащей части при прохожденіи черезъ каналъ различныхъ видовъ суженнаго таза не можетъ оставаться безъ вліянія на состояніе плода. Продолжительная родовая дѣятельность матки

разстраивает плацентарное кровообращение, причиняя асфикцию плода, и способствует образованию значительной родовой опухоли, чему благоприятствует раннее истечение околоплодной жидкости. Въ такихъ случаяхъ на головкѣ новорожденного замѣчаютъ болѣе или менѣе значительныя слѣды, оставленныя стѣнками таза. Если подлежащая головка сдавливается со всѣхъ сторонъ, какъ это бываетъ при общесуженномъ тазѣ, то развивается большая опухоль, происходитъ удлинение головки, иногда даже значительная набухлость и отекъ вѣкъ; вслѣдствіе давленія главной вены въ глазной щели.... Давленіе выступовъ тазовыхъ стѣнокъ при узкихъ тазахъ иногда бываетъ столь значительно, что на костяхъ черепа, подвергшихся давленію во время родовъ со стороны крестцового мыса, остаются иногда желобобразныя углубленія. Иногда находятъ даже ложкообразное вдавленіе на костяхъ головки, возлѣ теменнаго бугра или на лобной кости; на послѣдней наибаче такое вдавленіе оставляютъ верхушки щипцовъ при употребленіи этого инструмента. Когда вдавленіе на костяхъ достигаетъ значительной степени, оно сопровождается переломами и образованіемъ трещинъ въ сводѣ черепа". Friedrich Schauta („Lehrbuch der gesammten Gynäkologie“, Leipzig u. Wien, 1896, s. s. 182—83) знаетъ „Umformung des Schädels“ и „Kopfgeschwulst“. Paul Guder говоритъ:—„Черепъ, а также мозгъ ребенка подвергаются цѣлому множеству механическихъ ущербовъ (Beeinträchtigungen) не только во время рожденія и послѣ него, но паденіе или толчокъ матери въ періодъ беременности могутъ имѣть своими послѣдствіями порочное образованіе и недостаточное развитіе черепа и мозга“ („Die Geistesstörungen nach Kopfverletzungen“, Iena, 1885, s. 5).—Adolf-у Henke („Lehrbuch der ger. Medicin“, Berlin, 1827) извѣстны вывихи шейныхъ и другихъ позвонковъ, какъ результатъ тяжелыхъ родовъ, а также паденія ребенка на землю“ (§ 586, s. 409).—Gudden („Anomalien des menschlichen Schädels, Wachstumsbeschränkung und Verschiebung durch Druck während der Schwangerschaft“) между прочимъ разсказываетъ, что въ патолого-анатомическомъ музеѣ Цюрихскаго университета находится черепъ двухъ-трехъ мѣсячнаго ребенка, который при нормальномъ развитіи и цѣльномъ сохраненіи швовъ носитъ на себѣ слѣды существенной задержки въ образованіи лѣвой части лица, также всей Hirnkapsel (изъ коллекціи проф. Лохеръ—Цвингли). Gudden находитъ, что эти аномаліи образованы давленіемъ въ двухъ направленіяхъ, которыя онъ и описываетъ. (Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, 2-ter B, 1870, s. 367). Въ своей превосходной работѣ, одинаково блестящей научными достоинствами и увлекательнымъ изложеніемъ, Dr. Rieger („Ueber die Beziehungen der Schädellehre zur Physiologie, Psychiatrie und Ethnologie“, Würzburg, 1882) говоритъ о „schiefe Schädel nach abnormen Geburten“ (s. 166). И не только черепъ, но и мозгъ подвергается измѣненіямъ подъ вліяніемъ родовъ, хотя бы протекающихъ совершенно нормально. „Auch die allernormalsten Geburten gehen mit hochgradigen Configurationen einher“ (s. 163). Авторъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что

черепъ новорожденнаго сильно подвергается дѣйствию вѣшнихъ вліяній, упоминая о дощечкахъ, которыя въ видахъ модификаціи формы черепа привязываются дикарями къ головкамъ дѣтей (s.s. 63—64). Если принять во вниманіе, что черепныя кости новорожденнаго чрезвычайно мягки, бываютъ ли случаи измѣненія формы головки (ассиметрія) отъ лежанія на одномъ боку? Такое предположеніе не лишено основанія. Lieger наблюдалъ ассиметрію „bei den allernormalsten Menschenschädeln“ и „die schönsten Symmetrien bei mehr oder weniger idiotischen Individuen“ (s. 172). Aug. Gottl. Richter, касаясь этиологіи hydrocephali interni, склоненъ думать, что hydrocephalia гораздо чаще является послѣ рожденія (между 2 и 5 годами), чѣмъ формируется въ самомъ чревѣ матери („Die chronischen Krankheiten,“ III Band der speciellen Therapie, Berlin, 1817, s. 163).— „Наи чаще причинами болѣзненнаго состоянія, когда дѣти рождаются гидроцефалами, вѣроятнo служатъ: давленіе, или толчокъ, произведенные на матку во время беременности, пуповина, обвитая кругомъ шеи; если болѣзнь появляется послѣ рожденія, она, видимо, обусловлена очень тяжелымъ разрѣшеніемъ отъ родовъ, длиннымъ и сильнымъ вдавленіемъ („Einkeilen“) головки, неосторожнымъ употребленіемъ щипцовъ или другихъ инструментовъ, паденіемъ головой, вообще всякимъ насиліемъ, произведеннымъ на голову во время самаго рожденія или вскорѣ послѣ него (ib., s. 167). Отсюда не только слѣдуетъ, что самыя разнообразныя явленія и причины вызываютъ уклоненіе формы черепа отъ т. наз. нормальнаго типа, но процессъ эволюціи, или зачатіе того или другаго патологическаго образца черепной аномаліи не могутъ быть предвидѣны, теряясь въ сложномъ клубкѣ фатальныхъ предначертаній. Въ своей диссертационной работѣ „De hydrocephalo chronico infantum“, уже нами цитированной, Hirsch замѣчаетъ: *Periodi originis atque evolutionis hujus morbi certae non sunt, neque ulli aetati soli propriae; sed omnis fere aetatis homines hydrocephalo tentatos medici observarunt. Itaque hydrocephalus congenitus, aut post partum demum exortus esse potest...* (11). На основаніи изложеннаго, принимая также во вниманіе, что нѣтъ никакой возможности съ точной достовѣрностью узнать отъ изслѣдуемыхъ психіатромъ преступниковъ подлинную причину патолого-анатомической формы черепа, имѣя засимъ въ виду констатируемая часто у злоумышленниковъ бахвальство и бравурство, между прочимъ съ успѣхомъ приводимыя нерѣдко въ дѣйствіе въ видахъ наведенія врача на предположеніе о наследственныхъ тенденціяхъ, на самомъ дѣлѣ мнимыхъ,—нельзя не притти къ пессимистическому заключенію о совершенной никчемности сгруппированья по интересующему насъ вопросу какихъ либо типическихъ чертъ, какъ базиса для правильной научной дедукціи. Это замѣчаніе имѣетъ силу въ приложеніи къ изслѣдованію формъ головы, а также равнымъ образомъ прочихъ *stigmata degenerationis*. Нѣтъ сомнѣнья, что италіанская школа, собравъ кое-какіе факты, заручившись кое-какими аномаліями, замѣчасмыми у глубоко испорченныхъ людей, въ виду ли оригинальности

раскрывавшейся передъ глазами новой проблемы, или важнаго практическаго значенія вопроса о дегенераціи для задачъ и цѣлей уголовной политики, вопреки здравому смыслу, ринулась къ смѣлымъ обобщеніямъ, на которыя совершенно неосновательно наклеены были ярлыкъ научной марки. Это было столько же дерзкій, сколько легкомысленный шагъ. Такъ, рѣзвый ребенокъ, завидя въ запыленныхъ кустахъ парка пеструю змѣю, быстро приближается къ ней, начинаетъ заигрывать съ явной опасностью, несмотря на рѣшительные протесты бонны или няни, и въ наказаніе за свой слишкомъ пылкій и любознательный темпераментъ платится жестоко... Припишите ли Вы скороспѣлыя сужденія Ломброзо его горячей южной натурѣ, или вліянію какихъ либо другихъ обстоятельствъ, Вы должны признать, что упреки, обильно посыпавшіеся на голову криминальной антропологіи, въ ненаучности и объективной необоснованности ея кардинальныхъ сужденій — вполне заслужены. Вотъ что утверждаетъ Wolff въ своей статьѣ „Die physiologische Grundlage der Lehre von den Degenerations-Zeichen“: „Что проблема о томъ, надѣлила ли природа душевно-больного, дегенерата, преступника также какимъ либо клеймомъ на тѣлѣ, должна была пережить интенсивный споръ, весьма понятно, принимая въ соображеніе какъ ея практическую важность, такъ и сенсационный характеръ. Однако въ такой же мѣрѣ очевидно, что научная сторона объекта, въ виду его практическаго и сенсационнаго значенія, стояла невысоко (etwas zu kurz kam), мало того—она настолько была въ пренебреженіи, что отдѣльные научные вопросы, лежащіе въ основаніи проблемы, не получили точной формулировки“ (Rudolf Virchow's „Archiv für pathologische Anatomie und Psychologie und für klinische Medizin“, 169 Band, 1902, S. 309). Интересно послушать, что говорить о тенденціяхъ уголовной антропологіи нашъ извѣстный знатокъ анатоміи, проф. Московскаго университета Зерновъ:— „Урожденный преступникъ въ смыслѣ Ломброзо въ дѣйствительности не существуетъ; тотъ экземпляръ, который по описанію Ломброзо уже въ зародышѣ заклеиваетъ печатью животной, низшей организациі, являясь передъ нами въ образѣ почти каждаго изъ двухъ тюремныхъ завсегдагавъ, тотъ орангъ-утангъ, какъ называетъ его Тaine—чуждъ человѣчеству. Создателямъ антрополого-позитивистической школы, несмотря на продолжительную и тщательную работу, не удалось привести въ согласіе свою гипотезу съ данными человѣческой анатоміи“ (Sernoff, „Die Lehre Lombroso's und ihre anatomischen Grundlagen im Lichte moderner Forschung“, Biologisches Centralblatt, 16 B., 1896, № 8, S. 343). Fossa occipitalis въ доктринѣ уголовной антропологіи играетъ роль жупела, которому придается выдающееся значеніе. Но развѣ затылочная ямка опредѣленнаго размѣра не встрѣчается у нормальныхъ людей, такъ назыв. непреступныхъ, вполне здоровыхъ физически и умственно? Пути природы невѣдомы, мы рождаемся съ опредѣленной организацией, которая—если ужъ такъ нужно говорить триумфами—не стоитъ въ зависимости отъ человѣческаго хотѣнія. Про-

цессъ зачатія, эмбріональное развитие зародыша, позднѣйшее совершенствованіе интеллектуальнаго, какъ и нравственнаго сознанья субъекта,— эти стадіи натуралистическаго роста окутаны тайной бытія. Если бы мы знали, что нужно предпринять для созданія идеальнаго типа, за ворота чувственнаго міра давнымъ давно безпощадно былъ бы изгнанъ демонъ зла, къ радостному торжеству нашихъ положительныхъ цѣнностей, въ такихъ трудныхъ мукахъ рожденныхъ исторіей. Но мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія даже о простѣйшихъ явленіяхъ природы, которая оттого кажется намъ таинственно-величественной, запечатлѣнной духомъ нѣкоего икса. Правда, изъ нѣдръ этой кардинальной загадки родился едва ли не самый могущественный факторъ нашей общественности—религія. Но отъ этого не стало легче человѣческому сознанію, вѣчно безпокойному въ поискахъ истины. „Мнѣ кажется, говоритъ Montaigne, что среди явленій, наблюдаемыхъ нами обыкновенно, есть странности настолько непостижимыя, что онѣ превосходятъ тайну чудесъ. Что за чудовище—эта капля воды, отъ которой мы рождаемся, та капля, которая носитъ на себѣ печать не только физической организаціи нашихъ отцовъ, но ихъ мыслей и склонностей? Та капля воды, которая таитъ въ себѣ безчисленное множество формъ? И какъ хранить она въ движеніи, столь отважномъ и беспорядочномъ, то тождество, по которому внукъ походить на пращадъ, а племянникъ на дядю?“ („Les essais“ de Michel Seigneur de Montaigne, Cologny, 1616, p. 733). Подчеркивая эти слова, въ одинаковой мѣрѣ блещущія искренностью и оригинальностью, нельзя не замѣтить, что физиологи издавна почему-то старались погашать наши скудныя знанія о природѣ принципомъ единства и гармоніи бытія. Назовемъ къ примѣру Schmid-a, который и звать ничего не хочетъ о слѣпомъ случаѣ и хаотической разбросанности феноменовъ органическаго міра („blinder Zufall und regelloses Ohngefähr“), глубоко убѣжденный въ замѣчательной постепенности, правильности и разумности движеній невидимой десницы („Physiologie philosophisch bearbeitet“, II Theil, Iena, 1799, s.s. 348—49). Такъ умный школьникъ, не зная урока, отвлеченнымъ разсужденіемъ старается отвлечь въ сторону вниманіе старшихъ... Мы лично настолько увѣрены въ беспорядочномъ характерѣ созидательнаго процесса природы, доступнаго нашему воспріятію, что, извиняясь за свое невѣжество, рѣшаемся утверждать, что, при изслѣдованіи ста молодыхъ людей въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи, можно было бы найти затылочную ямку съ тѣми же измѣреніями, какъ и при анализѣ сотни головъ неисправимыхъ злоумышленниковъ. Вообще въ тюрьмѣ, наблюдая коротко стриженныхъ, а то и совсѣмъ бритыхъ арестантовъ, можно иногда съ перваго взгляда и безъ особеннаго труда замѣтить всѣ наружныя аномаліи черепа—тѣ самыя, которыя у другихъ людей скрыты. Въ частности проф. анатоміи въ Лиллѣ Debierre говоритъ слѣдующее: „Что касается знаменитой затылочной fossa vormiana, столь характеристичной для черепа преступниковъ согласно Ломброзо и его учени-

ковъ, то она не имѣетъ равно никакого значенія въ отношеніи вида, принимая въ соображеніе, что на 361 черепъ преступниковъ Gand-скаго анатомическаго музея, изслѣдованныхъ мной съ профессоромъ Лебуккъ, я лишь 8 разъ нашелъ эту ямку, стало быть—почти въ пропорціи, замѣчаемой у нормальныхъ людей. Я вовсе не намѣренъ подвергать критикѣ статистическія данныя итальянскихъ ученыхъ, но какое—право—значеніе въ области уголовной антропологіи можно придавать ненормальной ямкѣ въ затылочной кости, если эта ямка, по Ломброзо, констатируется 13 разъ у убійць, между тѣмъ какъ ее можно найти у воровъ 28 разъ, 40 разъ у проститутокъ и 75 у отравительницъ“ („La tête des criminels“, Archives d'anthropol. crimin., 8 t., 1893, p.p. 135—36). Патолого-анатомическія тенденціи криминальной антропологіи должны быть признаны гиперболическими въ виду того соображенія, что объектомъ ощупываній и наблюденій были въ большинствѣ случаевъ лишь закоренѣлые преступники, или ихъ трупы. Постоянно-параллельный анализъ воровъ-убійць съ нормальными почти чуждымъ опытамъ Ломброзо. Говоря о преступномъ типѣ, нашъ знаменитый ученый Мечниковъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ изысканія Ломброзо:—„Д-ръ Ломброзо изслѣдовалъ означенный типъ въ тюрьмѣ, такъ сказать во дворцѣ преступности, не потому что тюрьма эта представляетъ собой какъ бы естественное обиталище того отверженца, котораго онъ окрестилъ совершенно произвольнымъ именемъ „Uomo Delinquente“, а единственно потому, что въ тюрьмѣ ему удобно было, благодаря его официальному положенію и снисходительности начальства, измѣрять, срисовывать и изучать сколько угодно каждый, почему либо заинтересовавшій его типъ, но что такихъ же точно Uomo delinquente онъ нашелъ бы сколько угодно „на волѣ“, въ средѣ, не имѣющей никакихъ точекъ соприкосновенія съ патентованной преступностью, если бъ только ему такъ же удобно было продѣлывать тѣ же самыя антропологическія и антропометрическія манипуляціи надъ всѣми встрѣчными“ („Русское Богатство“, 1886, IV, стр. 103). Смѣлая утвержденія Ломброзо нашли горячій отпоръ и на его родинѣ:—„Я допускаю, говорить Mantegazza, что всякая отрасль психологіи, всякая социальная наука должна, слѣдуя опытной наукѣ, усваивать себѣ ея направленіе, методъ эксперимента и наблюденія. Но когда я вижу, что во имя позитивной науки утверждаются безсмысленныя вещи, насилуются факты, чтобы привести ихъ въ соотвѣтствіе съ нашими опрометчивыми и преувеличенными теоріями,—я чувствую себя глубоко огорченнымъ и невольно вспоминаю печальную, но краснорѣчивую пословицу: „сохрани насъ Богъ отъ нашихъ друзей, отъ враговъ мы сами сумѣемъ сохранить себя“. Изучая преступнаго человѣка, должно дѣлать наблюденія надъ его черепомъ, но не слѣдуетъ никогда забывать, что черепъ—костяная скорлупа, которая моделируется лишь грубымъ образомъ по мыслящему содержимому, истинная структура и физиологія органовъ котораго намъ извѣстны лишь въ высшей степени

мало. До сихъ поръ ни одинъ краніологъ не можетъ отличить на основаніи вѣрныхъ и постоянныхъ признаковъ различіе преступнаго чело-вѣка отъ величайшаго мученика за нравственные идеалы. Кто утверждаетъ противное, поворачиваетъ насъ на полвѣка назадъ, когда френологи, ощупывая черепъ, надѣялись давать діагнозы способностей и аффектовъ“. (Цит. у Вульфберга: „Антрополого-позитивистическая школа уголов. права въ Италіи“, Москва, 1887, Выпускъ I, стр. 36).

7.

II глава 2-ой части 1 тома („L'homme criminel“, op. cit., p. 175 и сл.) занимается аномаліями мозга и внутренностей преступника. На первомъ планѣ—тяжесть мозга, его извилины. На двухъ-трехъ страницахъ приводятся данныя, полученныя нѣкоторыми учеными. Впечатлѣніе создается блѣдное, дѣлается неловко за Ломброзо, какъ ученаго профессора. Такъ, въ циркѣ, когда персонажу, несмотря на всѣ его старанія, никакъ не удается провести свой мудреный номеръ, испытываешь чувство стѣсненія, стыда, особенно при мысли, что боковые мѣста могутъ начать грубыми выходками вышучивать злосчастнаго, обливающегося потомъ, комедіанта... Хочется крикнуть Ломброзо: это—не наука, а игра въ науку, какое-то досадное недоразумѣніе. Конечно, очень похвально, что уголовная антропология, ратуя за изученіе преступленія съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ этихъ видахъ не пренебрегаетъ детальнымъ изслѣдованіемъ мозговыхъ оболочекъ, полушарій и проч., но нельзя же, не имѣя подъ руками строго провѣреннаго эмпирическаго матеріала, говорить о болѣзненныхъ явленіяхъ типическаго характера.— „Изученіе преступности и преступниковъ при помощи всѣхъ научныхъ методовъ, гов. г. Анучинъ, въ цѣляхъ разъясненія генезиса ихъ различныхъ типовъ и связи между психической и физической организаціей, конечно, весьма желательно, и въ будущемъ возможно, вѣроятно, принести значительную пользу соціологіи; но при этомъ изученіи слѣдуетъ остерегаться отъ впаденія въ односторонность, въ преждевременныя обобщенія, въ попытки кажущагося, мнимаго объясненія—при недостаткѣ къ тому точныхъ научныхъ данныхъ“ („Изученіе психо-физическихъ типовъ“, Вѣстникъ Европы, 1890, май, стр. 343). Что нѣтъ основаній для построенія какихъ либо объективныхъ утвержденій на изысканіи хотя бы, скажемъ, извилинъ мозга, извѣстно всякому образованному медику. „Даже съ грубой психологической точки зрѣнія, говоритъ Meynert, нельзя составить себѣ по извилинамъ точнаго представленія о степени интеллигентности“ (Theodor Meynert, „Psychiatrie“, Klinik der Erkrankungen des Vorderhirns, Wien, 1884, s.s. 242—43). Кѣнигсбергскій д-ръ Stieda въ своемъ докладѣ „Ueber die Bedeutung der Hirnwindungen“ (Archiv für Anthropologie, B. 7, 1908, s. 137) удостовѣряетъ, что научныя изысканія привели его къ убѣжденію объ отсутствіи какого либо отношенія между формой, строеніемъ, вѣшнимъ видомъ мозговыхъ извилинъ съ одной стороны и умомъ, способностью мышленія—

съ другой. Мозговые извилины для ученаго—то же что іероглифы для невѣжественнаго, едва умѣющаго подписать свое имя, крестьянина. Намъ говорятъ: вотъ мозги преступника. Обратите вниманіе на кровоизліяніе, склерозъ, анамалии въ бороздахъ. Вы должны признать, что тутъ кроется какой-то серьезный намекъ на специфическую атипичную отверженцевъ общества, социальныхъ отбросовъ. Возражаемъ: принимая къ свѣдѣнію всѣ эти признаки вырожденія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ допущеніемъ типическихъ отношеній, имѣя въ виду, что у насъ нѣтъ такой науки, которая, применяя опредѣленный методъ изслѣдованія, въ систематическомъ порядкѣ, объективно провѣренномъ, могла бы представить изображеніе ряда стигматовъ, умѣщающихся въ разъ навсегда данныя формы. „Мозговые анамалии, гов. Dallemagne, могутъ имѣть мѣсто, но онѣ вовсе не такъ упорно встречаются, онѣ вовсе не такъ типичны, чтобы говорить о патологическомъ типѣ мозга преступника“ („Stigmata anatomiques de la criminalité“, Paris, б. об. года, р. 119). D-r med. Herm. Haymann въ своей Inaugural-Dissertation („Zur Lehre vom geborenen Verbrecher“, Laupheim, 1907, s.s. 44—45), принимая во вниманіе, что изслѣдованіе мозговъ „урожденныхъ преступниковъ“, если и привело къ констатированію уклоненій отъ нормальнаго типа бороздъ и извилинъ, а также микроскопическаго строенія, не дало все же какихъ либо цѣнныхъ результатовъ въ видахъ освѣщенія проблемы, говорить, что мы должны теперь—и быть можетъ, навсегда—отказаться отъ описанія патологической анатоміи урожденнаго преступника, довольствуясь его психопатологіей. Moriz Benedikt, извѣстный вѣнскій профессоръ, въ своей работѣ „Anatomische Studien an Verbrecher-Gehirnen“ (Wien, 1879, s.s. 110—111), приходя къ заключенію, что „мозги преступниковъ указываютъ на уклоненіе отъ нормальнаго типа, и что на преступниковъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на антропологическую вариацию ихъ рода, или по крайней мѣрѣ культурныхъ расъ“, въ то же время утверждаетъ: „Этой формулѣ надлежитъ поднять цѣлую революцію въ этикѣ, психологіи, философіи права и криминалистикѣ. Поэтому ее слѣдуетъ принять съ величайшей осторожностью („mit der äussersten Vorsicht“), ее нельзя еще разсматривать, какъ готовый плодъ, ее нельзя еще выпускать изъ рукъ *избранныхъ* анатомовъ, но она должна быть еще *многосторонне* и *многосторонне* испытана, пока не сдѣлается вѣрнымъ достояніемъ чловѣческаго духа“. Такъ разсуждаетъ всякій, кому наука дороже славы: извѣстно, что Бенедиктъ, несмотря на огромныя услуги, оказанныя уголовной антропологіи своими изслѣдованіями мозговыхъ анамалий, не кричалъ о себѣ по всѣмъ угламъ и всеямъ Европы, какъ это дѣлалъ Ломброзо до послѣднихъ дней своей жизни... Руководствуясь формальными замѣчаніями, только что изложенными, полагаемъ, что отъ патологии мозга переходить къ обобщеніямъ въ разсужденіи нравственныхъ дефектовъ не только рискованно, но, принимая въ соображеніе рудиментарное состояніе медицины, не простительно и наивно.

— „So banausisch, гов. Koch, kann es natürlich nicht zugehen... dass es Ganglienzellen der Moralität giebt und der Immoralität, Tugendzellen, Mordzellen, Tobsuchtszellen“ („Die Frage nach dem geborenen Verbrecher“, Ravensburg, 1894, s.s. 40—41). Не станемъ же мы, къ своему стыду, повторять грубыя заблужденія френологовъ далекаго прошлаго. Attomур, напр., насчитываетъ цѣлыхъ 35 отдѣльныхъ органовъ мозга („Theorie der Verbrechen auf Grundsätze der Phrenologie basirt“, Lpz., 1842, s. 10). Развѣ мы знаемъ, въ какой части мозгового вещества кроется главный нервъ нашихъ моральныхъ и интеллектуальныхъ способностей? Если fossa Sylvii у гориллы и шимпанзе короче, чѣмъ у человѣка, извѣстно ли намъ фатальное значеніе такого признака? Можете ли Вы указать, вправо или влѣво лежитъ таинственный пучекъ, который служитъ центральнымъ мѣстомъ пребыванія нервного раздраженія, называемаго влеченіемъ къ преступленію? Медицина—старая, престарая дѣва и глухо-нѣмая. Единственно что извѣстно, такъ это то, что исписана груда бумагъ, напечатаны горы монографій и статей. Кого-то будятъ настойчиво, но двери потайной камеры загадки заперты, и любопытное сознанье, сторбленное и озябшее, все ждетъ у холоднаго порога... Theodor Bischoff („Das Hirngewicht des Menschen“, Bonn, 1880, s. 108), полагая, что гангліевы кѣтки сѣраго вещества большого мозга находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ явленіями сознанія, ощущеній, представленіями памяти, страстями, волей и пр., въ концѣ концовъ самъ не знаетъ, что дѣлать,—смотрѣтъ на душу, какъ единственную субстанцію, или разрѣшить проблему путемъ дуалистическимъ?... Мы даже не въ состояніи опредѣлить, имѣютъ ли отдѣльныя кѣтки вліяніе другъ на друга. D-r Wilhelm von Leube, утверждая, что мы не можемъ съ достовѣрностью наблюдать непосредственную связь между ними, рекомендуетъ установить за общее правило, что каждая въ отдѣльности нервная ячейка занимаетъ въ общей системѣ изолированное и независимое положеніе („Specielle Diagnose der inneren Krankheiten“, II B, Leipzig, 1898, s. 203). Дремуцій лѣсъ таинственныхъ вопросовъ! Писатели предпочитаютъ поэтому или глухо оговориться общимъ замѣчаніемъ, что центры психической дѣятельности лежатъ въ мозгу, или—при допущеніи такой презумпціи—сознаться въ невозможности разрѣшить непосильную задачу. Къ первымъ отнесемъ Robert Bing-a („Das Organ der bewussten psychischen Vorgänge ist die Grosshirnrinde“, Compendium der topischen Gehirn-und Rückenmarksdiagnostik, Berlin-Wien, 1909, s. 154). Ко вторымъ Rud. Leubuscher-a:—„Полагаемъ себя вынужденными и по настоящее время придерживаться взгляда, что мозгъ есть исключительный органъ мышленія, *сознательнаго* воспріятія и движенія. Однако—мы этого, конечно, не должны скрывать, да и не желаемъ—тяжела попытка доказать эти проявленія дѣятельности мозга въ отдѣльности и представить ихъ въ связи съ опредѣленными частями мозга („Die Pathologie und Therapie der Gehirnkrankheiten“, Berlin, 1854, s. 27). Въ литературѣ чуть ли не по самое послѣднее время спорятъ даже о томъ, находится ли въ прямопро-

порціональномъ отношеніи вѣсъ мозга субъекта къ его умственнымъ дарованіямъ. Думается, что такого рода пренія, послѣ которыхъ каждый, руководствуясь собственными наблюденіями, остается при своемъ мнѣніи, не только не производительны, но и ничемны въ самомъ основаніи. Hermann Welcker пришелъ къ выводу, что „die Quantität des Gehirnes ist fast immer vermehrt und oftmals sehr erheblich vermehrt“ у субъектовъ, одаренныхъ выдающимися способностями (s. 135). Онъ нашелъ, что средній вѣсъ мозга у такихъ людей равняется 1515 gr., вѣсъ обыкновеннаго мозга—1380 gr. (S.S. 130—31: „Schillers Schädel und Todtenmaske nebst Mittheilungen über Schädel und Todtenmaske Kants“, Braunschweig, 1883). Относительность и непрочность этихъ завѣреній ясно видны изъ осторожныхъ утвержденій самого автора. Longet („Anatomie et physiologie du système nerveux de l'homme et des animaux vertébrés“, I—II, Paris, 1842) находитъ вообще возможнымъ провести параллель „de quelque valeur“ между „préeminence des facultés intellectuelles et la prépondérance des lobes cérébraux“ (I, 590).

—Вѣдьяжки,—подтрунивали Leuret u Gratiolet надъ авторами, занимавшимися взвѣшиваніемъ мозговъ—при возможности они на своихъ вѣсахъ взвѣсили бы Парижъ и Лондонъ, Вѣну и Константинополь, Петербургъ и Берлинъ и, руководствуясь одинаковой тяжестью, если бъ таковая восплѣдовала, пришли бы къ заключенію о сходствѣ языковъ, характера и промышленности“ („Anatomie comparée du système nerveux considerée dans ses rapports avec l'intelligence“, I—II, Paris, 1839—1857; II, 103—107). Не странно ли въ самомъ дѣлѣ гадать по ауспціямъ бороздъ и извилинъ, емкости и величинѣ мозга объ интеллектуальныхъ достоинствахъ человѣка, когда, какъ мы говорили выше, можетъ существовать сотня мнѣній о степени интеллигентности одного, т. наз. нормальнаго, субъекта. Несмотря на это, Ломброзо тамъ и сямъ въ своемъ „L'homme criminel“ приравниваетъ свое незаконное дѣтище—уроденнаго преступника—къ душевно-больному. Еще бы—мало развѣ у бандитовъ и убійцъ найдено церебральныхъ аномалій! Однако не слѣдуетъ забывать о существованіи ряда обстоятельствъ экзогеннаго свойства, вызывающихъ у здоровыхъ людей патологическое состояніе—отъ глубокихъ нервныхъ и тяжкихъ психическихъ страданій вплоть до воспаления мозга. На первый планъ выдвигаемъ нашу капиталистическую дѣйствительность, этотъ огромный котелъ, гдѣ приходится вариться и старику и юношѣ, мужчинамъ и женщинамъ, красивымъ и уродливымъ, просвѣщенному и невѣждѣ. По мановенію невидимыхъ причинъ, властно захватившихъ въ свои цѣпки лапы общественность со всѣми ея традиціями, милліонеръ становится нищимъ, а этотъ послѣдній богачемъ. Все перепутано, все исковеркано. Холодный расчетъ—это грозное чудовище съ зелеными глазами, пронизывающими Васъ огнемъ безпутнаго лукавства—подчинилъ себя и нравственныя нормы, которыя, въ качествѣ молчаливыхъ Stubenmädchen съ безукоризненно бѣлыми передниками, убираютъ съ его стола отвратительныя блюда такъ тихо и незамѣтно, что никто изъ сотни

тысячъ живыхъ людей, надѣленныхъ, видимо, чувствомъ изящнаго, не отвернется съ презрѣніемъ отъ гадливаго мѣста возмутительныхъ жертвоприношеній... Бруаа нашей жизни, надъ которой раздается зловѣщее пѣнье злого духа—перепроизводства, безжалостно кромсаетъ нервы и здоровье слабаго человѣка.—„Переутомленіе нервной системы, говоритъ г. Сушинскій, какъ среди рабочаго, такъ и интеллигентнаго класса, занимающагося почти исключительно умственнымъ трудомъ, иногда достигаетъ крайнихъ предѣловъ и оставляетъ неизгладимый слѣдъ, а иногда даже дефектъ въ психо-нервной организаціи. Эти дефекты передаются готовыми изъ поколѣнія въ поколѣніе потомками, которые служатъ невинными жертвами грѣховъ отдаленныхъ представителей своихъ предковъ... Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ вырождающіеся субъекты суть преступники; точно также не слѣдуетъ, что всѣ они неспособны къ общегигіенѣ“ („Идея уголовно-антропологич. школы въ наукѣ“, Вѣстникъ общественной гигиѣны, судебной практической медицины, VII, 1898, стр. 509).—„Я полагаю, утверждаетъ проф. Ковалевскій, что часть нервныхъ болѣзней, такъ въ настоящее время сильно распространенныхъ въ обществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ неблагоприятнымъ жизненнымъ условіямъ самого же общества. Ихъ причина лежитъ въ самомъ обществѣ“ („Нервные болѣзни нашего общества“, Харьковъ, 1894, стр. 4). Dr. Rud. Leubuscher („Die Krankheiten des Nervensystems“, Leipzig, 1860, s. 63) среди непосредственныхъ причинъ, вызывающихъ болѣзни нервнаго аппарата, ставитъ „Lebensweise“, подъ которой понимаются „mechanische Einflüsse“ и „Anstrengungen“. Помимо патологіи головного мозга, какъ результата сильныхъ возбужденій и подавляющихъ душевныхъ аффектовъ, авторъ знаетъ заболѣваніе спиннаго мозга при соединеніи интенсивнаго физическаго напряженія съ ненормальными психическими вліяніями, указывая, что для оцѣнки этиологіи психич. моментовъ слѣдуетъ имѣть въ виду множественность причинъ (Vielheit von Ursachen), обуславливающихъ болѣзненное состояніе. Stadelmann („Discrete Nervenschwäche“, Würzburg, 1898, s. 40) также признаетъ, что жизнь наша достаточно изобилуетъ (ist reich genug) моментами, которые могутъ вызвать болѣзнь нашей нервной системы. Наблюдая эту самую, не одними лишь устами проклятую жизнь, мы замѣчали особенно у женщинъ, наименѣ стойкихъ и рѣшительныхъ, случаи полной анеміи мозга со всѣми научными признаками, описываемыми въ медицинскихъ учебникахъ (См. Goldscheider, „Diagnostik der Krankheiten des Nervensystems“, Berlin, 1897, s. 219). Если Вы вспомните, во что цѣнится въ нашемъ „интеллигентномъ“ кругу женскій трудъ, если Вы на одну минуту примите во вниманіе съ одной стороны безконечный кошмаръ до полученія мѣста, съ другой—тяжелыя условія почти непрерывной десятичасовой работы надъ однообразнымъ, механически-несложнымъ занятіемъ,—Вы посмотрите истинѣ прямо въ глаза. Отупѣніе, истерика, бредъ, безуміе,—вотъ, къ радости дьявола, естественныя послѣдствія „соціальнаго“ положенія, которому многія еще завидуютъ. Надо ли удивляться, что при такихъ обстоятельствахъ женщины, этотъ живой

символь хрупкости и безсилія, соскальзываютъ съ честнаго пути въ холодныя объятія проституціи и преступности? Безвозвратно прошли времена замкнутой жизни въ теремахъ. Трогательная симфонія мирныхъ средневѣковыхъ традицій умолкла, канувъ въ бездну времени. Женщина нынѣ выходитъ на бой наравнѣ съ мужчиной; потребности ея увеличились; прогрессируетъ и ея преступность.—„Чѣмъ шире кругъ жизни и дѣятельности женщины, чѣмъ больше и разнообразіе сумма потребностей матеріальныхъ и духовныхъ, для нея выясняющихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма получаемыхъ ею впечатлѣній, тѣмъ разнообразіе и ея дѣятельность, тѣмъ выше и ея преступность, тѣмъ болѣе и въ этомъ отношеніи она приближается къ мужчинѣ (Фойницкій, „Женщина-преступница“, Сѣверный Вѣстникъ, 1893, III, стр. 111)... Вы знаете, конечно, тѣ дымные вонючіе очаги всевозможной заразы, которые, вдоволь насмотрѣвшись въ своихъ владѣніяхъ на неисчислимо множество гадостей и безчинствъ, хмурятъ чело, то и дѣло вздыхая по своимъ тихимъ окрестностямъ, ненавидя свои огромныя клѣтки пепельнаго цвѣта? Вамъ знакомы, конечно, т. наз. крупныя европейскіе центры? Съ ихъ золотой мишурой и подлымъ великолѣпіемъ, съ ихъ театрами и яркими улицами, нищетой и противоестественнымъ развратомъ? Все—и наслажденіе и горе—утопаетъ въ морѣ несмолкаемаго гама, надъ которымъ высится, улыбаясь, тронъ Маммона. Вотъ тутъ, за кулисами наружно-привѣтливаго свѣта эстрады, таится источникъ большой психики, невропатіи. Ludwig Meyer, признавая, что законодательство и правительствѣ въ настоящее время заботливо относятся къ гигиеническимъ улучшеніямъ большихъ городовъ, обращаетъ вниманіе на непочатый край—прогрессъ психическихъ заболѣваній въ городахъ „mit mächtigen Centralfeuerungen“. Гдѣ огонь—„da häufen sich auch Schlacken und Asche an“ („Die Zunahme der Geisteskrankheiten“, Deutsche Rundschau, Berlin, 1885, X, s. 86). Dr. Otto Binswanger поэтому очень хорошо дѣлаетъ, утверждая, что „neuropathische Prädisposition“ нынѣ не только должна быть разсматриваема, какъ патологическій признакъ наслѣдственнаго характера (такъ полагалъ Griesinger), но имѣетъ болѣе широкое значеніе („Die Pathologie und Therapie der Neurasthenie“, Iena, 1896, s.s. 29—30). Вспомните о всевозможныхъ невритахъ, своими корнями лежащихъ въ milieu даннаго субъекта. Кто не слышалъ о токсическихъ невритахъ (алкогольномъ, свинцовомъ, діабетическомъ); о безконечномъ числѣ невралгій, хотя бы затылочной, и особенно невралгій тройничнаго нерва, этомъ мучительномъ страданіи, которое, какъ говоритъ проф. Штрюмпель, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, обуславливается чрезмѣрнымъ напряженіемъ глазъ? Что сказать о патологическихъ состояніяхъ, благопріобрѣтаемыхъ трудящимися людемъ въ душныхъ мастерскихъ? Какое прекрасное учрежденіе фабричная инспекція, когда оно не существуетъ только на бумагѣ въ качествѣ невинно-абстрактнаго института!... Byron Bramwell („Die Krankheiten des Rückenmarkes“, übers. von Weiss, Wien, 1883, § 52, s. 78) упоминаетъ о параплегіи и прогрессивной мускульной атрофіи,

которыми заболѣваютъ рабочіе, занятые въ опредѣленныхъ предпріятіяхъ. Когда разсуждаютъ о законенѣломъ преступникѣ, нельзя категорически утверждать, что онъ нравственно-помѣшанный, или душевно-больной отъ рожденія. Если и существуетъ съ опредѣленными признаками дегенераціи т. наз. преступный тишъ, какъ феноменъ естественно-историческаго характера, въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что мы имѣемъ дѣло съ невропатомъ, который—собирая въ себѣ черты, далеко не чуждыя нормальному человѣку—находится подъ вліяніемъ сотни причинъ различнаго значенія. Разложить эти причины на атомы не представляется никакой возможности. Тутъ есть все—и milieu и наслѣдственность и больная психика и венерическая болѣзнь и алкоголь и т. д., „eine besonders ungünstige Mischung“, но прекрасному выраженію Dr. Bentivegni („Anthropologische Formeln für das Verbrechertum“, Leipzig, 1893, s. 30). Эти факторы дѣйствуютъ совокупно, живописуя экземпляръ т. н. дегенерата, которому чуждъ социальный миръ; который не способенъ къ уваженію традицій общежитія, его законовъ. Но 1) невропатами бываютъ и непорочные люди, которые, со-вмѣщая въ себѣ развратничковъ и алкоголиковъ, могутъ быть или не быть привлечены къ уголовной отвѣтственности; 2) самое понятіе „невропатъ“ крайне растяжимо, расплывчато, неопредѣленно. Въ этомъ ужъ вина медицины, въ области психіатріи и психопатологіи далеко еще не оперирующей терминами, которые соответствовали бы разъ навсегда данному положенію, вполне опредѣленному патологическому состоянію, какъ объективному соотношенію, укладывающемуся съ психической и физической стороны въ готовыя формы. Насколько душевная болѣзнь представляется явленіемъ сложнымъ, между прочимъ, доказываютъ научные приемы ея лѣченія. Prof. Ziehen дѣлитъ Arbeitsgebiet психотерапіи на 6 рубриковъ: а) психотерапію психическихъ симптомовъ психич. болѣзней; б) психотерапію тѣлесныхъ симптомовъ, сопровождающихъ психич. болѣзней; в) психотерапію психическихъ симптомовъ, сопровождающихъ тѣлесныя болѣзней; г) психотерапію тѣлесныхъ симптомовъ тѣлесныхъ болѣзней; д) психотерапію психич. соагентовъ соматерапіи; е) психотерапію повиновенія пациента (врачебная педагогика) („Psychotherapie“, Berlin—Wien, 1898, s.s. 639—640). Въ такой запутанности и лежитъ причина, которая неизбежно ведетъ къ заключенію о невозможности опредѣленія понятія преступности. Knecht, признавая далекую связь между невропатическимъ расположеніемъ и преступленіемъ, обосновываясь на статистическихъ соображеніяхъ, полагаетъ, что обыденное преступности (die Häufigkeit des Verbrechen) по существу обусловливается социальными моментами („Ueber die Verbreitung physischer Degeneration bei Verbrechern und die Beziehungen zwischen Degenerationszeichen und Neuropathien“, Allg. Zeitschrift für Psychiatrie, 40 B., 1884, s. 611). „Большинство преступниковъ, гов. Jäger, дѣлается таковыми не въ силу врожденнаго влеченія, не изъ-за принципа, но подъ вліяніемъ горькой нужды, многократно въ своихъ

поступках повинуюсь лишь чувству самосохранения“ („Beiträge zur Lösung des Verbrecherproblems“, Erlangen, 1895, s. 180. Известный бельгиец Адольф Принс является энергичным представителем социологического направления в изучении преступных явлений.—„Преступление есть явление не индивидуальное, оно—явление социальное. Преступность проистекает из самых элементов человечества, она не трансцендентна, а имманентна, в ней можно видеть известное вырождение социального организма... Чемь были бы индивидуумъ, взятый внѣ жизненныхъ условій, чемь были бы его колебанія между добромъ и зломъ, какъ не страннымъ капризомъ и насмѣшкой своенравнаго рока? Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности“ („Преступность и репрессія“, пер. Пржевальскаго, Москва, 1898, стр. 6). Такъ просто развязать вопросъ о генезисѣ преступления нельзя по тому соображенію, что это послѣднее есть явленіе, символизирующее сумму цѣлаго ряда слагаемыхъ, въ точности намъ неизвѣстныхъ. Проблема должна быть признана неразрѣшимой, ибо нѣтъ возможности найти значенія А, которое равняется $x+y+z+u+v\dots$ Есть авторы, которые склонны смѣшивать въ одну массу индивидуальные и социальные моменты. Такъ, г. Бехтеревъ („Объективно-психологической методѣ въ примѣненіи къ изученію преступности“, Вѣстникъ Европы, 1909, VIII—IX) говоритъ: „Чтобы объяснить преступленіе, необходимо изучить вполне объективно какъ всѣ внѣшнія условія, при которыхъ оно произошло, такъ и самую личность, совершившую преступленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ея прошлое. При такомъ изученіи преступленіе для насъ станетъ понятнымъ и яснымъ, какъ всякій другой поступокъ человѣка, выполняемый, при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ неизбежный актъ, вслѣдствіе вліянія цѣлаго ряда болѣе отдаленныхъ и ближайшихъ по времени внѣшнихъ воздѣйствій“ (IX, стр. 97).—„Только вся совокупность факторовъ, воздѣйствующихъ на данную личность, опредѣляетъ преступленіе и его характеръ“ (VIII, стр. 503). Повидимому, какъ чуждая односторонности, это—единственно правильная точка зрѣнія. Однако, къ сожалѣнію, и такая позиція не ведетъ къ уразумѣнію проблемы происхожденія преступленія, принимая во вниманіе, что у насъ нѣтъ метода, который точно выяснилъ бы, гдѣ кончается индивидуальный факторъ, и гдѣ начинается социальный. Какая-то камеръ-обскура!

Послѣ этого маленькаго отступленія будемъ продолжать наше разсужденіе, имѣющее цѣлью указаніе на рядъ факторовъ, которые, помимо наследственности, какъ причины фатальной, въ большинствѣ случаевъ непреодолимой, обуславливаютъ появленіе психическихъ расстройствъ, или тяжкихъ неврозовъ. Если мы выше говорили о крупныхъ центрахъ, гдѣ, благодаря страшной конкуренціи съ ея отчаянной борьбой за право существованія, масса людей подвергается серьезнымъ нервнымъ заболѣваніямъ, нельзя забывать, что тюрьма съ ея режимомъ, ея дисциплиной также должна быть признана рассадникомъ всякаго рода психозовъ. Вотъ, къ примѣру, А, осужденный, скажемъ, за мо-

щенничество. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обманное полученіе денегъ проходило для него безнаказанно. А жилъ на свободѣ, пользуясь всѣми ея благами и несомнѣнно злоупотребляя ею. На этотъ разъ счастье, этотъ капризный слѣпой ребенокъ, отвернулось, и А попалъ въ тюрьму. Позоръ, обезчестившій и его и семью, обстановка, гнетущая своимъ однообразіемъ, мысль о возвращеніи въ общество по отбытіи наказанія отверженцемъ, на котораго каждый будетъ указывать пальцами, среда циничныхъ воровъ съ ихъ отвратительнымъ жаргономъ, банда закоренѣлыхъ злодѣевъ, привыкшихъ къ человѣческой крови, отчаянной мольбѣ женщинъ о пощаду, предсмертнымъ хрипамъ дѣтей, брань, шумъ, открытый развратъ,—все это вмѣстѣ, давя мозгъ, медленно, шагъ за шагомъ, совершаетъ свое разрушительное, свое ужасное дѣло. Прибавьте къ тому же, что заключенный имѣетъ не совсѣмъ правильный черепъ, нѣсколько оттопыренные уши. Вообразите теперь роль врача психіатра, который приходитъ въ тюрьму съ цѣлью научнаго изслѣдованія ея обитателей. Далекое ли до зачисленія А съ его странно-блуждающими глазами въ рубрику *урожденныхъ* невропатозовъ? А одиночное заключеніе, которое даже съ точки зрѣнія тюремнаго начальства считается однимъ изъ тяжкихъ видовъ наказанія? Надо ли доказывать, что маленькая, полутемная каморка съ ея голыми сырими стѣнами, служа вынужденнымъ мѣстопребываніемъ человѣка, въ самое короткое время способна довести его до сумасшествія? Нѣтъ поэтому ничего страннаго въ томъ, что Robert Sommer („Криминальная психологія и судебная психопатологія“, переводъ Шлатера и Щепинскаго, С.П.Т., 1909, стр. 247) говорятъ о такъ назыв. „тюремныхъ психозахъ“. Что удивительнаго, если преступникъ, хотя бы и случайный, выходя на волю съ пораженнымъ психическимъ сознаніемъ, тупо, апатично рецидивируетъ? Психологи всегда указывали на тѣсную связь этического такта съ умственнымъ развитіемъ. Такъ, Бэнъ утверждаетъ:—„Справедливое и несправедливое въ нравственной области не является простымъ недѣлимымъ фактомъ, а сложнымъ сборникомъ правилъ, которыя не могутъ быть поняты безъ извѣстной умственной зрѣлости“ („Психологія“, рус. пер., С.П.Т., 1887, стр. 338). А какаѣ умственная зрѣлость у невро-или психопата? На то же тѣсное отношеніе чувства нравственной отвѣтственности съ здоровымъ функціонированіемъ мозговой дѣятельности указываютъ и психіатры. Krafft-Ebing въ своихъ „Grundzüge der Criminalpsychologie“ находитъ, что „ethische Leistung des Menschen“ есть „funktionelle Aeußerung seines Gehirns und des Verstandes“ (Stuttgart, 1882, s. 108). D-r Max Dost говоритъ:—„Способность воспріятія и оцѣнки чувственныхъ впечатлѣній называется разсудительностью („Besonnenheit“, которая въ высокой степени находится въ зависимости отъ сознанія“ („Kurzer Abriss der Psychologie, Psychiatrie und gerichtlichen Psychiatrie“, Lpz. 1908, s. 23). Профессоръ Оршанскій сказалъ какъ-то: „Психически боленъ тотъ, кто не въ состояніи приспособиться къ окружаемымъ физическимъ и социальнымъ условіямъ и не обладаетъ

извѣстнымъ запасомъ психической энергіи. Ближайшій масштаб душевнаго здоровья—воля“ („Преступники и преступленіе передъ судомъ науки“, Вѣст. Права, 1900, № 2, стр. 215). Изъ тюрьмы зачастую не только выходятъ люди съ болѣзненной психикой, но, что еще характернѣе, они иногда начинаютъ совершать страшныя преступленія съ невозмутимымъ спокойствіемъ, превращаясь изъ криминалоидовъ въ профессиональныхъ убійцъ, дерзкихъ подкальвателей и т. д. Мальчишка десяти-двѣнадцати лѣтъ, выброшенный злымъ рокомъ на троттуаръ и не имѣя возможности своимъ трудомъ зарабатывать нѣсколько копеекъ въ день; за тайное похищеніе на рынкѣ плодовъ или хлѣба попадаетъ въ темницу. Чему этотъ ребенокъ, одаренный, быть можетъ, отъ природы хорошими задатками, научится въ развратномъ обществѣ плутовъ и рецидивистовъ, не знающихъ стыда? Кто наблюдалъ преступный міръ; закоренѣлыхъ злодѣевъ, глубоко испорченныхъ въ нравственномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ, кто видѣлъ ихъ дерзкіе, вызывающіе глаза, кто слышалъ ихъ отвратительный хриплый голосъ, ихъ грязную рѣчь, пересыпанную возмутительными по своей безстыдной наглости словами вульгарнаго пошиба,—тому не трудно понять страшное, растлѣвающее вліяніе среды, гдѣ пьянство, развратъ, равнодушіе къ пролитію крови составляютъ основныя, позитивныя нормы своеобразнаго кодекса. Тюрьма—ужасная школа. Здѣсь, въ едва освѣщенныхъ казематахъ, заклеименныхъ позоромъ и проклягемъ, съ рѣдкой добросовѣстностью и безъ особеннаго напряженія умственныхъ способностей проходитъ полный курсъ наукъ. Тутъ въ даровыхъ квартирахъ, гдѣ копошатся враги социальнаго міра, выдаются аттестаты зрѣлости на ловкихъ мошенниковъ, смѣлыхъ воровъ, отчаянныхъ убійцъ. „Привыкають ко всему, говорить Émile Laurent—къ убійству, такъ же какъ къ кражѣ. Юнецъ-плутъ, котораго просвѣтляютъ, что буржуа—врагъ, что его надо „укокошить“ („chouriner“), что агонію его приятно наблюдать, быстро усвоится съ видомъ крови, онъ нанесетъ ударъ не дрожа, нерѣдко надругаясь надъ своей умоляющей жертвой, смѣясь надъ ея послѣдними судорогами“ („L'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime“, Paris, 1893, p. 118). Таково кошмарное вліяніе тюрьмы, такова мучительная загадка, обоюдоострое лезвіе уголовной политики! Г.г. судьи совѣсти! Вы обязаны стоять на стражѣ социальныхъ интересовъ, защищать общество отъ вредныхъ и порочныхъ элементовъ; во имя блага и спокойствія Вы должны реагировать на преступное дѣяніе,—спору нѣтъ! Но будьте прежде всего, при Вашемъ глубокомъ и просвѣщенномъ знаніи жизни, снисходительны. Съ честью побѣждая всегда конкретныя затрудненія, минуя смѣло колебанія, не забывайте же дилеммы: тюрьма—символь безповоротнаго паденія, или общество съ его средствами профилактики.—„Развѣ тюрьма, спрашиваетъ Aubry, когда-нибудь соответствовала двойной цѣли, которую, видимо, намѣчаютъ себѣ всѣ законодательства—искупленіе содѣянной вины и исправленіе преступниковъ? Мы въ этомъ очень

сильно сомнѣваемся“ („La contagion du meurtre“, Paris, 1894, p. 52). На ряду съ этими соображеніями нельзя не указать на то обстоятельство, что пребываніе въ тюрьмѣ, сопряженное съ одинаковымъ для всѣхъ режимомъ, аналогичными занятіями, внѣшними возбужденіями, обусловливаемыми сѣрымъ, монотоннымъ существованіемъ, создаетъ специфическій типъ заключеннаго, лишній разъ указывая, какую огромную роль играетъ milieu ambiant въ жизни человѣка, отражаясь на его психикѣ, физиологической структурѣ. Тюремная жизнь, по вѣрному замѣчанію Émile Dortel-a, налагаетъ на узниковъ особый отпечатокъ. Отбывая наказаніе за аналогичныя дѣянія, осужденные какъ бы связаны узами родства; совместное пребываніе вызываетъ невольное копированье, бессознательное подражаніе. Однообразная дисциплина есть причина монотонной размѣренности въ ихъ внѣшней жизни, вызываетъ то же злопамятство, ту же скуку. Они мало-по-малу приноравливаютъ свои мозги къ мыслямъ, если не абсолютно одинаковымъ, то во всякомъ случаѣ подобнымъ, такъ что внѣшнія возбужденія какъ бы предопредѣлены для небольшого числа лицъ, всегда сходныхъ между собой („L'anthropologie criminelle et la responsabilité médico-légale“, Paris, 1891, p.p. 59—60). Засимъ, слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что самый фактъ привлеченія къ суду и слѣдствію, какъ грозный символъ лишенія драгоценнѣйшаго дара—свободы, самый фактъ отбыванія наказанія отражаются на здоровьѣ индивида невыгоднымъ образомъ. Потеря аппетита, головокруженіе, неправильное обращеніе крови въ сосудахъ, общій упадокъ силъ, блѣдность на лицѣ—вогь характеристическіе признаки невольнаго раба Темеиды. Талантливый французскій судебный слѣдователь Ad. Guillot въ своей прелестной книгѣ „Les prisons de Paris et les prisonniers“ (Paris qui souffre) замѣчаетъ: — „Если бы кто либо изучалъ человѣка до того момента какъ онъ сталъ преступникомъ, были бы поражены измѣненіями, запечатлѣваемыми преступленіемъ и его послѣдствіями даже на физической организаціи субъекта, который уже во время судебного слѣдствія дѣлается другимъ; онъ блѣднѣетъ, нервныя ткани вздуваются, питаніе не идетъ въ прокъ, кровь портится, черты лица принимаютъ другой оттѣнокъ и, види его позже, спустя нѣсколько мѣсяцевъ заточенія, гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ. Вы можете пройти мимо, не узнавая его; ничто на человѣка не кладетъ такого отпечатка преступнаго типа (понимая это выраженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), какъ пребываніе въ тюрьмахъ; среда, гдѣ онъ живетъ, принужденіе, которому онъ подчиняется, приводятъ къ упадку силъ все его существо; подъ давленіемъ постоянныхъ стѣсненій, онъ всецѣло уходитъ въ самого себя, онъ чахнетъ, какъ растеніе, припрятанное въ погребѣ, и въ скоромъ времени онъ становится тѣмъ новымъ существомъ, такъ прекрасно описаннымъ человѣкомъ, который, самъ отбывая тюремное заключеніе, имѣлъ возможность достаточно наблюдать его“... (Paris, 1890, p. 138). Gautier поэту тысячу разъ правъ, говоря о „type de détenu“ („Le monde des prisons“,

Archives d'anthropologie crim., t. III, 1888, p. 541). Да, такъ наз. „преступный типъ“ на три четверти формируется въ стѣнахъ мрачнаго зданія, гдѣ дерзкій цинизмъ причудливо сочетается съ безумнымъ отчаяніемъ...

Третьимъ по счету факторомъ, вызывающимъ психо-неврозы, будемъ считать потребление алкоголя. Надо ли доказывать влияние спиртныхъ напитковъ, этого, кстаи сказать, закадычнаго пріятеля преступниковъ, на нервные и мозговые центры человѣка?— „Алкоголь, гов. проф. Берлинскаго университета Mendel, занимаетъ въ этиологии душевныхъ болѣзней весьма выдающееся мѣсто. По крайней мѣрѣ въ 15⁰/о всѣхъ случаевъ душевныхъ заболѣваній алкоголизмъ—непосредственная причина безумія, или, по меньшей мѣрѣ, одна изъ самыхъ существенныхъ („Leitfaden der Psychiatrie“, Stuttgart, 1902, s. 186). Ребенокъ, очутившись на улицѣ въ обществѣ своихъ, давно испорченныхъ сверстниковъ, чувствуя себя прекрасно на троттуарѣ, не слыша грубой ругани матери, не получая хотя бы временно линковъ и колотушекъ отъ своего вѣчно ворчливаго отца, съ малыхъ лѣтъ привыкаетъ къ пороку, гдѣ вино играетъ почетную роль. Dr. Legrain („Hérédité et alcoolisme“, étude psychologique et clinique sur les dégénéres buveurs et les familles d'ivrognes“, Paris, 1889, p. 33) знаетъ „дѣтей, которыя, брошенные судьбой въ семьи пьяницъ и отверженцевъ, гдѣ начала нравственности либо неизвѣстны либо находятся въ пренебреженіи, съ нѣжнаго возраста предаются пьянству, дѣлаясь кандидатами въ ранніе алкоголики“. Пусть природа такихъ субъектовъ надѣляетъ замѣчательными дарованиями. Ядъ, которымъ они злоупотребляютъ, подтачиваетъ здоровье, ослабляетъ волю, размягчаетъ мозгъ. Въ 25—30 лѣтъ алкоголики производятъ впечатлѣніе живыхъ мертвецовъ съ нетвердой походкой, дрожащими руками, непослѣдовательностью въ мысленіи. Густая пелена заволакиваетъ прошедшее; сознание о завтрашнемъ днѣ атрофировано. Отягченная апатіей мыслительная способность отражаетъ свои блѣдныя лучи въ мутныхъ, безжизненныхъ, равнодушныхъ глазахъ. „Между физическими и интеллектуальными симптомами предрасположенныхъ больныхъ нѣтъ, по мнѣнію Magnan-a, того взаимнаго соотношенія, какое мы наблюдаемъ въ большинствѣ случаевъ. У этихъ алкоголиковъ нервная система какъ бы раздваивается; все, что касается интеллектуальной сферы, носить на себѣ отпечатокъ чрезмѣрной впечатлительности, физическая организациѣ функционируетъ нормально, замѣчается недостатокъ въ уравновѣшенности“... („De l'alcoolisme, des diverses formes du délire alcoolique et de leur traitement“, Paris, 1874, p. 69). Создается такимъ образомъ типъ человѣка, которому трудно понять цѣлесообразность общезитія, трудно подняться на уровень здороваго сознания, полнаго уваженія къ чужому благу. Это—тѣ дегенераты, о которыхъ Rémond и Lagriffe въ своей обширной статьѣ „De la valeur sociale des dégénérés“ говорили, что они „не могутъ приспособиться къ социальной средѣ, усвоить ея законы, ея требованія“ (Annales médico-psychologiques, 1901. 13 t., p. 35). До преступления отсюда—подать рукой. „Trunksucht, замѣчаетъ Sichert,

ist eine der ergiebigsten Quellen der Verbrechen“ (Zeitschrift für die ges. Strafr., 10 B., 1890, s. 41).—„Какъ острое, такъ и хроническое отравленіе алкоголемъ, говоритъ Dr. A. Baer, способно вызвать противозаконныя дѣйствія. Въ состояніи опьяненія самоопредѣленіе ослаблено, наклонности и побужденія выступаютъ сильнѣе, властнѣе, не умѣряясь сужденіемъ и размышленіемъ, имъ не покоряясь. Чрезмѣрное пьянство очень часто служитъ единственной и крайней причиной тяжкихъ и легкихъ преступленій противъ личности—убійства, смертельныхъ ударовъ, тѣлесныхъ поврежденій; въ состояніи опьяненія совершается множество нарушеній и проступковъ противъ нравственности, изнасилованіе. Посмотришь—иной человѣкъ въ состояніи опьяненія одержимъ жадной мыслью овладѣть той или другой вещью; въ то время какъ привычка къ строгому выполненію обязанностей, уваженіе передъ закономъ, совѣсть въ прочихъ случаяхъ удержали бы, подавили мысль подобнаго рода—тутъ по пятамъ появленія преступнаго возбужденія слѣдуетъ вскорѣ дѣяніе—кража, грабежъ“ („Die Trunksucht und ihre Abwehr“, Wien und Leipzig, 1890, s. 39). Émile Laurent утверждаетъ, что „изъ всѣхъ недостатковъ (tares) безспорно наиболѣе часто встрѣчающійся у злоумышленниковъ—это алкоголизмъ, одинъ или въ связи съ другими пороками“ („Les dégénérés dans les prisons“, Lyon-Paris, 1888, p. p. 3—4). Принимая въ соображеніе, что потребность въ забытіи, самоодурманеній часто вызывается нуждой, вѣчными заботами нескладной жизни, Вы отчетливо увидите передъ собой мостъ, соединяющій алкоголизмъ съ преступностью. Спиртные напитки—живой символъ общенациональнаго горя. Чѣмъ больше голодаютъ, тѣмъ больше пьютъ.—„Неувѣренность существованія, гов. Alfred Grotjahn, безработица, жилищная нужда, недостаточность скромныхъ удовольствій вызываютъ влеченіе къ опьяненію въ низшихъ народныхъ массахъ въ степени, до сихъ поръ не знакомой“ („Der Alcoholismus nach Wesen, Wirkung und Verbreitung“, 13 B., Biblioth. der Socialwiss. von Kurella, Lpz., 1898, s. 26). Въ этой же группѣ отмѣтимъ рахитизмъ и недостаточное общее питаніе организма. Правда, полная картина этиологіи рахита въ настоящее время еще не можетъ быть дана. Но ученые дружно работаютъ въ смыслѣ освѣщенія англійской болѣзни со всѣхъ ея сторонъ, какъ клинической, такъ и анатомо-патологической. Нѣтъ сомнѣнія, что рахитъ, поражая остеоидные ткани, размягчая затылокъ, искривляя позвоночникъ, — производя, словомъ, полное разрушеніе физической организаціи субъекта, не можетъ самымъ пагубнымъ образомъ не вліять и на нервно-психическую его систему. Въ pendant къ дѣтскимъ эклампсіямъ говоря о черепномъ рахитѣ, д-ръ Максъ Кассовичъ („Лекціи по болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста“, пер. Ильшиа и Раппопорта, С. П. Т., 1893, стр. 129) замѣчаетъ: „Такое пораженіе является источникомъ громаднхъ и изумительныхъ разстройствъ въ области нервной системы дѣтей. Всякій, кому случилось хоть разъ увидать подъ микроскопомъ препаратъ такихъ костей и убѣдиться, какой колоссальной гипереміи достигаетъ внутренняя

оболочка рахитичныхъ черепныхъ костей, ни минуты не усумнится, что эта гиперемія можетъ вызвать самыя страшныя явленія раздраженія нервной системы у рахитическихъ дѣтей, либо непосредственно, либо вызывая подобную гиперемію въ остальныхъ оболочкахъ мозга и въ поверхностныхъ слояхъ мозговой коры“. Намъ могутъ возразить: рахитъ подлинно производить патологическое состояніе и черепа и мозга и позвоночника, но лишь въ первые, младенческіе, годы субъекта, который въ послѣдствіи выздоравливаетъ, такъ что нѣтъ основаній связывать преступность съ аномаліями, рождаемыми англійской болѣзнію. Къ сожалѣнію, такое замѣчаніе должно быть признано неосновательнымъ, ибо и взрослый человѣкъ можетъ носить на себѣ слѣды рахитизма. Привать - доцентъ Жуковскій въ своей прекрасной книгѣ („Рахитъ—англійская болѣзнь“, С. П. Т., 1897, 112—113) говоритъ: — „Продолжительность рахита весьма различна: то онъ появляется лишь въ видѣ начальныхъ симптомовъ, вскорѣ исчезающихъ, то переходитъ въ длительныя формы и тянется мѣсяцами и годами, даже десятками лѣтъ“. Неудовлетворительное питанье организма, какъ это на первый взглядъ ни странно, можетъ быть причиной нервныхъ и церебральныхъ дефектовъ. Г. Толочиновъ въ своей диссертации „О патолого-анатомическихкихъ измѣненіяхъ ядеръ черепныхъ нервовъ и относящихся къ нимъ нервныхъ волоконъ мозгового ствола при нарастающемъ параличомъ слабоумія“ (С.П.Т., 1900, 194) замѣчаетъ, что „атрофически-дегенеративныя измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ бывають всегда стараго происхожденія и служатъ отчасти выраженіемъ преждевременной старости, отчасти указываютъ на давнишнее хроническое разстройство питанія всего организма, ибо подобныя измѣненія наблюдались при различныхъ истощающихъ хроническихъ болѣзняхъ“. Жакуу („Руководство къ внутренней патологій“ перев. Манассеиной) говоритъ объ анеміи у дѣтей, „которыя подвергаются ей не только въ періодѣ отнятія отъ груди, но вплоть до юношескаго возраста и при томъ тѣмъ больше, чѣмъ слабѣе они бывають, чѣмъ хуже ихъ кормятъ и чѣмъ больше или чѣмъ чаще они подвергаются желудочно-кишечному катарру“. (С.П.Т. 1878, I т., 183). D-r Fraenkel въ своей статьѣ: „Ueber Degenerationszeichen bei Psychose“ (Allg. Zeitschr. für Psych., 42 B., 1883, s. 77) подчеркиваетъ пагубное вліяніе дурнаго питанія на мозгъ и психику. Надо ли доказывать, что низшіе кадры населенія, этотъ въ потенціи преступный классъ, по необходимости обременяють свой желудокъ тяжелой, неудобоваримой пищею, подвергаясь множеству заболѣваній и тѣмъ самымъ истощая тѣло, лишая его здоровыхъ соковъ? Ranke („Die Ernährung des Menschen“, München. 1876, s. 238) приводитъ таблицу Böhm'a, изъ которой видно, что рабочее семейство изъ трехъ лицъ ежедневно потребляетъ 175,5 gr. бѣлка, 1251. gr. уг. гидр., 41 gr. жира. Авторъ называетъ эту пищу „Kartoffelnahrung“. Въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о размягченіи мозга Vogt между прочимъ видитъ этиологію этой болѣзни въ скверныхъ жилищахъ и плохомъ питаніи („vor-

wiegend vegetabilische und zu wenig animalische Kost“), обращая внимание на появленіе и развитіе церебральныхъ аномалій среди низовъ населенія скученныхъ центровъ („Ueber die Erweichung des Gehirns und des Rückenmarks“. Heidelberg u. Leipzig, 1840, s.s. 88—89). Упомянемъ еще, что въ единичныхъ случаяхъ самыя неожиданныя причины разрушаютъ оболочки мозга, какъ головного, такъ и спинного. Meningitis cerebrospinalis epidemica вызывается атмосферными и теллурическими вліяніями—Д-ръ Нимайеръ: „Повальное воспаление оболочки головного и спинного мозга по наблюденіямъ въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ“, перев. Манассеина, С.П.Т., 1865, 17.—Какъ странно! Но мы уже говорили выше, что предначертанія природы невѣдомы. Она, всегда свѣжая и пестрая, способна на самыя причудливыя кунштюки, а медицина, громоздкая, какъ старинная мебель, прислушивается, регистрируетъ, силится дѣлать прогнозъ. На очереди менструальные психозы, о которыхъ создалась солидная литература. Freund замѣчаетъ, что нѣтъ у дѣвушки ни одной болѣзни, которая не имѣла бы причиной или связующимъ звеномъ „diminution des menstruës“ („Emmenologie ou traité de l'évacuation ordinaire aux femmes“, trad. française par M. Devaux, A Paris, 1738, p. 119). Авторъ называетъ неумѣренное истеченіе крови или слишкомъ большую задержку ея въ менструальный періодъ „iliade des maux qui arrive aux femmes“ (ibid, p. 118). Olshausen въ своемъ докладѣ: „Beitrag zur Lehre von den Neurosen der weiblichen Genitalorgane“ среди патологическихъ состояній, вызывающихъ специфически женскіе неврозы, упоминаетъ о hyperesthesia vaginae, влекущей за собой психическую гиперестезію и Ovarialneuralgia („Zeitschrift der Geburtshilfe und Gynäkologie“, 22 B., 1891, s.s. 439, 428). D^r Fr. Windscheid въ своемъ интересномъ изслѣдованіи, переведенномъ и на русскій языкъ—„Невропатология и гинекология, ихъ взаимныя фізіологическія и патологическія отношенія“, (пер. д-ра Бродскаго, С.П.Т. 1898)—утверждаетъ:—„Въ судебномедицинскомъ отношеніи важно знать, что иногда во время остраго менструальнаго возбужденія женщина можетъ совершить дѣтубійство или поджогъ, на что невозможно смотрѣть иначе, чѣмъ какъ на выраженіе менструальнаго психоза“ (стр. 10). Разительный примѣръ преступленія, совершеннаго въ періодъ менструальной маніи, помѣщенъ у Krafft-Ebing'a на страницахъ его „Psychosis menstrualis“: „Мать убила своего ребенка и бросила его въ воду. Никто не подозрѣвалъ состоянія невмѣненія въ моментъ совершенія преступленія. Несчастливая мать созналась и была приговорена къ смерти. Незадолго до казни она сосѣдкѣ по заключенію рассказала, что стыдъ удержалъ ее отъ признанья передъ судомъ, что какъ разъ наканунѣ убійства у нея наступилъ извѣстный періодъ, регулярно влекущій за собой пытки неизъяснимаго безпокойства и тревоги, страдающія отъ постылости жизни. Приведеніе приговора въ исполненіе было отложено, за осужденной въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ установленъ врачебный надзоръ, который выяснилъ, что она въ менструальный циклъ страдала головными болями, приливами крови къ головѣ, ускореніемъ

пульса до 130 ударовъ, безсонницей, страхомъ, томленіемъ жизнью и всѣми признаками глубокой меланхоліи. Несчастливая была оправдана“ („Psychosis menstrualis“, Stuttgart, 1902, s.s. 94—95). Prof. Mendel („Die Manie“, Berlin, 1881, s. 81) указываетъ, что „вліяніе менструаціи на психическое состояніе ряда душевно-здоровыхъ женщинъ и дѣвушекъ есть несомнѣнный, ежедневно наблюдаемый фактъ, и при такихъ обстоятельствахъ легко допустить, что, при наличности опредѣленнаго предрасположенія мозга, тревожное состояніе, отражаясь на всей сферѣ физиологической жизни, можетъ вылиться въ психозъ“.—См. также работу Мюнхенскаго д-ра Leopold-a Löwenfeld-a: „Die nervösen Störungen sexuellen Ursprungs, nebst einem Anhang über Prophylaxie und Behandlung der sexuellen Neurasthenie“ (особ. III главу).—Dr. Friedmann не безъ основанія думаетъ, что у психопатически предрасположенныхъ женщинъ и дѣвушекъ „Menstrualreiz“ является въ роли „agent provocateur“. подстрекателя, который будитъ предрасположеніе, находящееся въ дремотномъ состояніи. Авторъ рассказываетъ, что ему на практикѣ приходилось видѣть множество молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ раннее душевное разстройство посторонняго характера, періодическое или рецидивирующее, впоследствии проявлялось въ менструальный періодъ („Ueber die primordiale menstruelle Psychose: die menstruale Entwicklungspsychose“, Münchener med. Wochenschrift, 41 Jahrgang, 1894, s. 5). Сюда же слѣдуетъ отнести т.-наз. „гебефрению“, или болѣзнь, находящуюся въ связи съ наступленіемъ половой зрѣлости. Первые на нее указалъ Kahlbaum; въ качествѣ психоза съ самостоятельнымъ значеніемъ она подробно описана Ewald-омъ Hecker („Die Hebefrenie“, Virchow's Archiv für pathol. Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin“, 52 B., 1871). Этиология: часто физическія болѣзни, въ особенности головныя раненія, онанизмъ (s. 420) Существенные признаки—меланхолія; манія, запутанность въ представленіяхъ (s. 419); періодическія, особенно слуховыя, галлюцинаціи (s. 406). Гебефренисты одержимы страстью къ употребленію рѣзкихъ и неприличныхъ (krasser, obscöner), въ обыкновенной рѣчи недопустимыхъ, выраженій (s. 405); у нихъ также замѣчается влеченіе къ чужому жаргону; они избѣгаютъ писать и говорить естественно (s. 404). Послѣ Hecker-a въ литературѣ приобрѣтаетъ право гражданства особый видъ помѣшательства, приравливаемого къ эпохѣ наступленія половой зрѣлости. Такъ, Mairet („Folie de la puberté“, Annales médico-psychologiques, 8 t., 1888, p. 346) категорически заявляетъ, что „la puberté peut donner naissance à l'aliénation mentale; il existe une folie de nature pubérale“. Къ пятой группѣ отнесемъ травматическія поврежденія, способныя вызвать полное разстройство функций ума, а иногда проясненіе у душевно-больныхъ. Такъ, Al. Bain („Geist und Körper“, Lpz., 1881, s. 14) знаетъ „случай, когда путемъ удара въ голову поправлялись идіоты“. Dr. Henoch („Ueber Schädelücken im frühen Kindesalter“) обращая вниманіе, что нерѣдко нѣтъ возможности, въ виду пренебреженія вскрытіемъ, опредѣлить происхожденіе какъ

мозговыхъ аномалій, такъ особенно конвульсій, констатируемыхъ у маленькихъ дѣтей то сейчасъ послѣ рожденія, то спустя нѣсколько мѣсяцевъ и ведущихъ къ смерти, замѣчаетъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ частичныхъ случаяхъ на черепъ дѣйствовали неизвѣстные травматическія вліянія, что слѣдовательно симптомы мозговыхъ аномалій имѣютъ свое основаніе въ давленіяхъ или даже переломахъ, отражающихся на мозгъ“ („Berliner klinische Wochenschrift“, 25 Jahrgang, 1888, s.s. 581—82). Отсюда видно, какъ печально могутъ отзываться на жизни ребенка всякаго рода травматическія явленія, которые, вообще говоря, вызываютъ тупость и идиотизмъ. Rieger („Beschreibung der Intelligenzstörungen infolge einer Hirnverletzung“, Würzburg, 1889) на больномъ скульпторѣ Seybold-ѣ даетъ намъ яркую картину генезиса и развитія психоза благодаря увѣчью, полученному на желѣзной дорогѣ. См. также Buchholz: „Zur Beurteilung der Psychosen nach Unfall“, (Monatsschrift für Psychiatrie u. Neurologie, 27 B., 1910, s. 1 и сл.). Broussais, возражая Gall-у, утверждаетъ, что ему извѣстны случаи, когда безуміе вызвано было и питалось другой болѣзью, иначе сказать—случай, когда мозгъ въ своемъ функционированіи страдалъ аномаліями только лишь потому, что другой органъ былъ пораженъ до него; что нормальная мозговая дѣятельность возстановлялась сейчасъ же послѣ выздоровленія этого органа („De l'irritation et de la folie“, Paris, 1828, p. 262). Въ тѣ времена ожесточенно спорили о томъ, служить ли исключительно мозгъ мѣстопребываніемъ интеллектуальныхъ центровъ, и пораженъ ли онъ одинъ, когда на лицо имѣются всѣ признаки душевной болѣзни. Много воды утекло съ момента появленія книги Broussais. Было бы ошибкой полагать, что наши знанія о черепно-мозговыхъ аномаліяхъ и воспаленіяхъ нынѣ стали болѣе обширными. Ничуть не бывало. Мы все еще ощупываемъ потемки. „Откровенно говоря, писалъ Roux въ 1901 году, мы находимся въ совершенномъ невѣдѣніи („dans l'ignorance la plus complète“) относительно патогенія разстройствъ, какъ слѣдствія черепно-мозговыхъ воспаленій; отсюда—колебанія въ леченіи („Diagnostic et traitement des maladies nerveuses“, Paris, 1901, p. 414). Эти соображенія лишній разъ указываютъ на то, какъ трудно распознать истинный генезисъ, а равно сущность душевной болѣзни—страшного бича человѣчества и въ то же время запутаннаго феномена органической жизни. Не только нѣтъ въ настоящее время никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу вывода о существованіи типичнаго мозга у преступниковъ урожденныхъ, но наука, если она хочетъ быть честной, внушая къ себѣ уваженіе, не въ состояніи даже установить специфическій видъ мозга у различныхъ расъ. Въ своей работѣ „Drei Chinesen-Gehirne“ (Wien, 1887, s. 121) Moriz Benedikt, говоря о „vergleichende Gehirnlehre“, замѣчаетъ: „Наличный матеріалъ неувольно малъ и, несмотря на всѣ старанья, мнѣ лично не удалось найти сколько-нибудь существенный матеріалъ касательно экзотическихъ мозговъ расъ... Люди, критически просвѣщенные, долго удержатся отъ

вывода заключеній уже по тому простому основанію, что большинство экзотическихъ народовъ въ антропологическомъ смыслѣ уже не являются выраженіемъ одного простого фактора, но составляютъ продуктъ расъ, откуда первоначальныя формы могутъ быть добыты („herausgeschält“) лишь медленнымъ путемъ“. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что аномаліи мозговыхъ центровъ далеко не всегда проявляются наружу, находясь въ скрытомъ состояніи подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ объективнаго характера. — „Слѣдуетъ принять во вниманіе, говоритъ тотъ же Бенедиктъ, что тѣ патологическіе процессы и разстройства мозговой функціи, которые проявляются въ позднѣйшую эпоху жизни въ виду врожденнаго или ранняго предрасположенія, *не должны* съ абсолютной необходимостью выступить наружу, но могутъ оставаться въ *скрытомъ* состояніи подъ вліяніемъ, напр., благоприятныхъ социальныхъ условий. Съ другой стороны тѣ же аномаліи у нормально предрасположенныхъ лицъ могутъ быть вызваны интоксикаціей, болѣзнью и социальными отношеніями, не имѣя вліянія на морфологию черепа и мозга. Такимъ путемъ много анатомически-нормальныхъ череповъ отмѣчается въ графѣ лицъ съ неправильно функционирующимъ мозгомъ, и наоборотъ—много череповъ предрасположенныхъ лицъ, у которыхъ предрасположеніе находилось въ скрытомъ состояніи, въ виду ранней смерти или благоприятныхъ социальныхъ отношеній, попадаетъ въ рубрику нормальныхъ субъектовъ“ („Kraniometrie und Cephalometrie“, s. 114, Wien u. Leipzig, 1888). Если Вы на одну минуту вспомните, что лица, отбывая наказаніе въ тюрьмахъ, прекрасно понимаютъ, какимъ путемъ можно было бы облегчить свое положеніе; что при разспросахъ врача они въ огромномъ большинствѣ случаевъ симулируютъ болѣзненное состояніе,—нельзя не притти къ заключенію, что лишь смѣлость и самонадѣянность, недопустимыя въ научномъ изслѣдованіи, могли толкнуть Ломброзо въ объятія опрометчивыхъ, ни на чемъ не обоснованныхъ сужденій. Какъ иначе назвать попытку, направленную къ установленію специфически-церебральной атипии у т.-наз. урожденныхъ преступниковъ, когда ни функціи мозга, ни его отдѣльныя части нами не изучены, пребывая до сихъ поръ въ тѣни загадки и тайны? Можно, конечно, вести разсужденіе въ томъ или другомъ направленіи,—можно утверждать, что у людей, одаренныхъ выдающимися способностями, мозговое вещество отличается большимъ вѣсомъ, чѣмъ у субъектовъ посредственнаго ума; можно оспаривать такое предположеніе съ большимъ или меньшимъ жаромъ. Занятіе—никчемное, ибо типическихъ отношеній мы не увидимъ. И всякій, кому дорога наука въ такой же степени, какъ здоровье, жизнь и т. д., долженъ въ этомъ сознаться, не закрывая глаза на дѣйствительность. Въ книгѣ Leuret и Gratiolet (op. cit. II, p. 109) мы читаемъ: „Есть большіе мозги, принадлежавшіе гениямъ и такіе, которые носили идиоты; изъ маленькихъ—одни были слабы, другіе сильны. Я могъ бы указать на нѣкоторые—среди нихъ мозги великаго Декарта“. Isidore Bourdon, который на протяженіи

многихъ страницъ занимался вопросами физиогноміи и френологіи, повторяя при этомъ ошибки своихъ предшественниковъ, въ концѣ концовъ приходитъ къ отрицанію постояннаго соотношенія (*constante coincidence*) между формой черепа и интеллектуальными, равно какъ нравственными стремленіями („*La physiognomonie et la phrénologie, ou connaissance de l'homme d'après les traits du visage et les reliefs du crâne*“, Paris, 1842, p. 311). Forel et Mahaim („*Crime et anomalies mentales constitutionnelles*“, Genève-Paris, 1902, p. 126) утверждаютъ, что самыя разнообразныя мозговыя аномаліи могутъ уживаться съ высокой степенью интеллигентности, даже гениальностью, а Theodor Bischoff въ своей брошюрѣ „*Anatomische Beschreibung eines microcephalen 8-jährigen Mädchens*“ (München, 1873) на примѣрѣ Елены Беккеръ изображаетъ типъ идиотки, которая едва умѣла двигаться, стоять, питаться. Что сказать о несчастномъ гидроцефалѣ Германѣ Г. съ его неизмѣннымъ любимцемъ „Степка-растрепка“, его короткимъ, отрывочнымъ лексикономъ „*brod haben*“, „*Onkel Eduard*“ и т. д.? (см. М. С. Морозовъ, „*Материалы къ антропологии, этиологии и психологии идиотизма*“, С. П. Т., 1902, стр. 192). Разберитесь въ этой путаницѣ! Извольте дѣлать прогнозъ, когда материалъ, добытый опытнымъ наблюдениемъ, въ своихъ внѣшнихъ формахъ столь измѣнчивъ и обманчивъ, а по существу не разрѣшимъ. Много дней и ночей просидятъ еще ученые въ глубокомъ раздумьи о тайнахъ бытія, немало исписано будетъ фоліантовъ, немало будетъ произнесено мудрыхъ совѣтовъ и важныхъ словъ, сотни разъ въ молчаливомъ пространствѣ насторожившейся стихіи земля сдѣлаетъ свой вѣрный обходъ вокругъ солнца,—пока потусторонній лучъ желаннаго свѣта не прояснитъ дороги, ведущей къ истинѣ...

8.

На трехъ тощихъ страничкахъ Ломброзо („*L'homme criminel*“, op. cit., I, p. 193 и сл.) какъ бы нехотя говоритъ объ аномаліяхъ скелета, сердца, печени, желудка и пр., замѣченныхъ у преступниковъ. Не желая вовсе рваться въ открытыя двери, мы тѣмъ не менѣе, дабы не оставить безъ вниманія ни одного изъ крупныхъ *stigmata degenerationis* доктрины, а также въ видахъ болѣе полнаго освѣщенія послѣдней, считаемъ нужнымъ и въ этой части изложенія и критики ученія антропологической школы уголовного права указать на то, что экзогенныя причины самаго разнообразнаго свойства могутъ вызвать патологическое состояніе внутренностей, такъ что, изслѣдуя трупъ преступника, ни въ какомъ случаѣ нельзя быть точно освѣдомленнымъ объ истинномъ генезисѣ аномаліи, которая можетъ быть и прирожденной и благопріобрѣтенной. До обращенія къ общему описанію этихъ факторовъ, нельзя мимоходомъ не отмѣтить, что жалобы злоумышленниковъ, отбывающихъ непріятное заключеніе, на болѣзнь того или другого органа далеко не всегда совпадаютъ съ дѣйствительной наличностью страданья. Человѣкъ, находясь на свободѣ, имѣя возможность пользоваться всѣми

удобствами уютной семейной обстановки, ухаживанья родныхъ и преданныхъ лицъ, и тотъ очень часто, въ виду ли мнительности, или благодаря тысячъ постороннихъ причинъ, при сравнительно незначительномъ недомоганіи, не перестаетъ вздыхать и охать.—„Можно найти, гов. проф. Боткинъ, весьма значительныя анатомическія разстройства въ организмъ безъ особенно рѣзкихъ ощущеній со стороны больного, и наоборотъ—весьма незначительныя патолого-анатомическія измѣненія могутъ сопровождаться безконечнымъ рядомъ различнаго рода жалобъ“ („Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней“, т. I, С.П.Т., 1899, стр. 6). Мы только что говорили о множествѣ причинъ, имѣющихъ къ болѣзни отношеніе привходящихъ моментовъ. Этого мало, въ медицинской литературѣ издавна и—какъ намъ кажется—вполнѣ правильно указывали на тѣсную связь патологическаго состоянія съ физиологическими законами. Общая патологія придаетъ большое значеніе consensus-у, сочувствію.—„Сочувствія, утверждаетъ Іенскій профессоръ Зибертъ, могутъ распространяться морфологическимъ, гематологическимъ и неврологическимъ путями. Это именно распространеніе способствуетъ усиленію болѣзни, которая въ началѣ обнаруживается по большей части незначительнымъ измѣненіемъ, давая маловажнымъ началамъ возрасть до могущественнаго патологическаго состоянія“ („Диагностика болѣзней брюшныхъ органовъ“, пер. д-ра Норшина, С.П.Т., 1860, стр. 15).—„Органы и системы, между которыми замѣчаютъ неврологическую связь, могутъ также, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вступать во взаимный антагонизмъ. Катарръ, занимающій слизистую оболочку дыхательныхъ путей, можетъ въ то же время также поражать слизистую оболочку пищеварительныхъ органовъ, или съ катарромъ послѣднихъ исчезаетъ катарръ первыхъ“ (тамъ же, 21). Hermann Lebert („Klinik der Brustkrankheiten“, II B., 2 Hälfte, s.s. 503-04) говоритъ о пораженіяхъ сердца и печени при туберкулезѣ. Лишь невѣжды и слѣпые люди могутъ отрицать несомнѣнную сложность всякаго болѣзненнаго состоянія въ отношеніи его этиологіи и терапіи. Возьмемъ, къ примѣру, болѣзнь печени и почекъ. Цѣлая серія причинъ самаго разнообразнаго свойства вызываетъ почечныя заболѣванія, сопровождаемыя то гипертрофіей сердца, то водянками (См. Боткинъ, „Клиническія лекціи“, т. II, С. П. Т., 1899, стр. 117, 129).—„Функція печени, замѣчаетъ D-r von Leube, очень сложная и многообразная. Она не только отдѣляетъ специфическій секретъ, желчь, но играетъ весьма важную, лишь въ недавнее время лучше оцѣненную, роль въ обмѣнѣ веществъ...“ („Specielle Diagnose der inneren Krankheiten“, Leipzig, 1898, I B., s. 183). Послѣ этихъ формальныхъ замѣчаній переходя къ существу вопроса, на первомъ планѣ указываемъ, что въ этиологіи желудочно-кишечныхъ заболѣваній, одного изъ наиболѣе крупныхъ феноменовъ патологіи внутренностей, этотъ Stoffwechsel, обмѣнъ веществъ, занимаетъ выдающееся положеніе. Затрогивая вопросъ о катаррѣ кишекъ, Adolf Strümpel въ своемъ прекрасномъ учебникѣ „Lehrbuch der speciellen Pathologie und Therapie

der inneren Krankheiten“ замѣчаетъ: „Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ аномаліями (Schädlichkeiten) механическаго или химическаго свойства, находящимися въ зависимости *отъ количества и качества принятой пищи*. Вотъ почему также катарры желудка и кишекъ нерѣдко встрѣчаются въ связи другъ съ другомъ. Очень часто при появленіи кишечнаго катарра играютъ роль вредныя вещества, которыя проводятся въ кишечникъ путемъ употребленія испорченныхъ пищевыхъ продуктовъ (испорченное мясо, рыба, пиво и т. д. (I B., 2 Hälfte, Lpz., 1883, s. 561). Проф. Никитинъ, касаясь вопроса о расширеніи желудка, утверждаетъ, что оно можетъ произойти отъ частаго переполненія его тяжелой пищей, какъ наприм. картофелемъ, или большимъ количествомъ питья—чая, пива, вина и т. п. („Очерки частной терапіи болѣзней внутреннихъ органовъ“. С.П.Т., 1901, стр. 116). Nuchard, въ этиологіи артеріо-склероза ставя на первый планъ „régime alimentaire“, говоритъ:—„Богачъ и горожанинъ, потребляющіе много мяса и особенно дичи, вылежавшейся и мало вываренной, такъ же какъ бѣднякъ и крестьянинъ, которые меньше ѣдятъ мяса, употребляя таковое въ пищу, но низшаго качества отъ животныхъ, давно заколотыхъ,—ежедневно подвергають себя отравленію почти въ одинаковыхъ дозахъ, ибо такой режимъ питанія приводитъ къ поглощенію очень большого числа токсина, который не способенъ къ полному выдѣленію. Такъ что и богатыи, въ свою очередь, имѣютъ свою физиологическую misère“ („Traité clinique des maladies du coeur et de l'aorte“, Paris, 1899, I, p. 182). При этомъ нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ поистинѣ чудовищныхъ разстройствъ, которыя являются слѣдствіемъ приобрѣтеннаго сифилиса. Преступникъ, хотя бы онъ былъ простымъ ворюшкой, въ большинствѣ случаевъ очень неряшливъ въ половомъ отношеніи. Отсутствіе моральной поддержки въ бездѣтной, монотонной, одинокой жизни, полной опасности и тревогъ, отсутствіе какого либо положительнаго идеала неудержимо толкають человѣка въ объятія сильныхъ ощущеній—экссесовъ in Baccho et in Venere. Прошлое не привлекательно, печально; будущее туманно, безрадостно. Сегодняшній день, минутное наслажденіе—вотъ чѣмъ живеть закоренѣлый, испорченный эгоистъ. Это вся философія его міросозерцанія. Такимъ путемъ человѣкъ мало-по-малу доходитъ до состоянія подлиннаго нравственнаго паденія, тупого безразличія. Создается типъ субъекта, безшабашность и разнузданность страстей котораго глубоко отвратительны со стороны. Вращаясь въ обществѣ женщинъ циничныхъ и безстыдныхъ, преступникъ легко заражается страшной болѣзью. „Сифилисъ, гов. E. Finger, въ тѣсномъ смыслѣ представляетъ общее, конституціональное заболѣваніе, при которомъ происходитъ зараженіе всего организма, крови и соковъ, и одинъ за другимъ могутъ поражаться всѣ органы тѣла“ („Сифилисъ и венерическія болѣзни“, перев. Блюменау, С.П.Т., 1901, 1). Alfred Fournier, опредѣляя сущность сифилиса, замѣчаетъ, что симптомы и поврежденія „peuvent intéresser tous les systèmes de l'écono-

mie“ („Traité de la syphilis“, Paris, 1899, p. 1). Весь организм пораженъ специфическимъ ядомъ; который смѣло производить свое разрушительное дѣйствіе. Нѣтъ, кажется, ни одного органа, ни одного кровяного шарика, которые не были бы заражены. D-r Lesser описываетъ поражение волосъ и ногтей (alopecia syphilitica, paronychia sicca: „Lehrbuch der Haut-und Geschlechtskrankheiten“, 2 Theil, Lpz., 1886, s. 138). По мнѣнію Alb. Reder'a изъ внутреннихъ органовъ прежде всего поражается печень. Авторъ склоненъ допустить предположеніе о тѣсной связи тощаго вида сифилитиковъ съ болѣзью печени („Pathologie u. Therapie der venerischen Krankheiten“, Wien, 1833, s. 233). Jullien въ своей настольной книгѣ („Traité pratique des maladies vénériennes“, Paris, 1899, p. 647) удостовѣряетъ, что при вскрытіяхъ, которыя могли быть осуществлены, нашли печень въ уменьшенномъ объемѣ, мѣстами окрашенной въ желтыя, оранжевыя и красныя пятна, которыя напоминали цвѣтъ колбасы... Слѣдуетъ упомянуть и о сифилисѣ мозга, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію ученыхъ, половое влеченіе есть функція мозговой коры („Leistung der Gehirnrinde“, какъ выражается Isidor Neumann: „Lehrbuch der venerischen Krankheiten u. der Syphilis“, 1 T., s. 404). Ад. Фурнье полагаетъ, что „сифилисъ не производитъ въ мозгу ничего такого, чего бы онъ не обусловливалъ въ другомъ мѣстѣ. Разстройство, вызываемая сифилисомъ въ мозгу, совершенно тождественны съ производимыми имъ и въ другихъ органахъ въ третичномъ періодѣ. Другими словами, поражения сифилитическаго происхожденія, встрѣчаемыя нами въ мозгу, вполне тождественны съ сифилитич. поражениями прочихъ внутреннихъ органовъ... каковы: сифилитическія поражения печени, яичекъ, легкихъ и т. д.“ („Сифилисъ мозга“, пер. Хлопицкаго, С.П.Т., 1881, 13). Нѣкоторые писатели приравниваютъ разстройство внутреннихъ органовъ не только къ такъ назыв. гуммозной формѣ воспаления, но и къ раннему періоду теченія патологическаго процесса. (См. Erhard Rieseke: „Учебникъ кожныхъ и половыхъ болѣзней“ рус. пер., С.П.Т., 1910, 550). При этомъ нельзя забывать, что полная приключеній жизнь преступника, искренняго и мнимаго страданаго котораго заливаются грязной волной всякаго рода излишествъ, лишь отягчаетъ болѣзненное состояніе. Всякое волненіе крови, малѣйшее психическое раздраженіе невыгоднымъ образомъ отражаются на пораженный организмъ. Таковъ ужъ физиологическій законъ. Если цѣлый рядъ кожныхъ заболѣваній находится въ тѣсной зависимости отъ нервной системы (D-r Max Joseph: „Lehrbuch der Haut-und Geschlechtskrankheiten“, Lpz., 1902, s. 31), понятно, какое дѣйствіе производятъ на сифилитика алкоголь, половые эксцессы. Jullien (op. cit., p. 1005) упоминаетъ о нравственныхъ потрясеніяхъ (печаль, страхъ), о холод...

Засимъ спиртные напитки и всѣ формы отравленія подобнаго рода безжалостно разрушаютъ внутреннія ткани, вторгаясь губительнымъ диссонансомъ въ правильный и нормальный процессъ кровообращенія. По мнѣнію D-r A. Вагера, алкоголь, потребляемый въ средней дозѣ, укрѣпляетъ дѣятельность сердечнаго мускула, учащаетъ бѣненіе пульса, умень-

шая зато напряженіе артерій и давленіе крови; при большихъ дозахъ— онъ понижаетъ число ударовъ пульса, ослабляя энергію сердечнаго мускула“ („Der Alkoholismus, seine Verbreitung und seine Wirkung auf den individuellen und socialen Organismus, sowie die Mittel, ihn zu bekämpfen“, Berlin, 1878, s. 27). Жакку („Руководство къ внутренней патологій“, перев. Манассеиной, 4 томъ) при остромъ алкоголизмѣ знаетъ слѣдующія формы матеріальныхъ разстройствъ: измѣненіе железистыхъ органовъ, раздражительное вліяніе яда на соединительно-тканные элементы и вліяніе, вызывающее жировое перерожденіе паренхиматозныхъ элементовъ. Такимъ образомъ создается болѣзненное состояніе, болѣе или менѣе медленно развивающееся, хроническій катарръ котораго можетъ быть по временамъ нарушаемъ острымъ припадкомъ, это-то и есть хроническій алкоголизмъ“ (С.П.Т., 1879, с. 602). Въ отдѣлѣ о токсическомъ воспаленіи желудка авторъ утверждаетъ: „Минеральныя кислоты, ѣдкія щелочи далеко не столько обусловливаютъ воспаленіе, сколько разрушеніе той ткани, съ которой онѣ приходятъ въ соприкосновеніе; подобное разрушеніе есть слѣдствіе химическаго соединенія, которое связываетъ ядъ съ органическими элементами и уничтожаетъ жизнѣнность послѣднихъ. При другихъ условіяхъ ядовитое, введенное въ желудокъ, вещество обусловливаетъ, вслѣдствіе прямого раздраженія, крайне острое воспаленіе желудка, но оно не разрушаетъ ткани; если эта послѣдняя и подвергается въ заключеніе всего омертвѣнію, то это не вслѣдствіе непосредственнаго химическаго соединенія, а вслѣдствіе сильнаго воспалительнаго процесса“ (3 томъ, С.П.Т., 1878, стр. 139). Наряду съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о патологическихъ сердечныхъ явленіяхъ. Какъ извѣстно, сердце расширяется и сокращается соотвѣтственно количеству притекающей крови. „Когда сердце не въ состояніи справляться съ предъявляемыми къ нему требованіями, то появляются признаки начинающейся несостоятельности. Всякое сердце становится несостоятельнымъ, разъ предъявляемая къ нему требованія переходятъ извѣстный предѣлъ, но у различныхъ лицъ предѣлъ этотъ неодинаковъ. Онъ зависитъ отъ прирожденныхъ свойствъ субъекта, отъ упражненія, отъ общаго питанія и душевнаго состоянія. Предшествовавшія заразныя болѣзни и различнаго рода отравленія, въ особенности алкоголизмъ, въ высокой степени понижаютъ этотъ предѣлъ. Если одного изъ этихъ моментовъ еще недостаточно, чтобы отразиться вредно на сердце, то оно нерѣдко не выдерживаетъ совмѣстнаго вліянія ихъ. Именно въ патологій сердца совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ вредныхъ условій играетъ большую роль въ развитіи болѣзненныхъ явленій“ (Mehring, „Учебникъ внутреннихъ болѣзней“, С.П.Т., перев. Блюменау, 1903, стр. 281). Далѣе, тюрьма съ ея спертымъ воздухомъ, скудной пищей, милліонами кишащихъ бактерій—одинъ изъ благодарнѣйшихъ разсадниковъ всякаго рода внутреннихъ инфекціонныхъ болѣзней. Каждому криминалисту извѣстно, какой огромный процентъ чахоточныхъ замѣчается среди арестантовъ, отбывающихъ заключеніе въ тѣсныхъ

помѣщеніяхъ. Alois Kustermann говорить о бактеріяхъ „an Wänden und Böden“ („Ueber das Vorkommen der Tuberkelbacillen ausserhalb des Körpers in Gefängnissen“, Münchener medicinische Abhandlungen, 20 Heft, München, 1891). „Все антигигіеническое, замѣчаетъ Hermann Lebert, можетъ способствовать успѣшному развитію туберкулеза. Чѣмъ болѣе стѣсняется антигигіеническихъ моментовъ, тѣмъ интенсивнѣе растетъ это отношеніе. Сидячій образъ жизни, плохой воздухъ, работа множества лицъ въ тѣсныхъ фабричныхъ зданіяхъ, высокая температура въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приведено въ дѣйствіе много машинъ, отсюда частая простуда при выходѣ на свѣжій воздухъ, вообще значительная разница между черезъ чуръ нагрѣтымъ рабочимъ помѣщеніемъ, какъ у булочниковъ и пивоваровъ, и нормальной температурой, вдыханіе различныхъ отбросовъ,—все эти вліянія, къ сожалѣнію, очень реальны, выдвигая настоятельность большихъ реформъ въ отношеніи и рабочихъ и труда“ („Klinik der Brustkr., op. cit., II B., s. 463. Казалось бы, какое значеніе въ разсужденіи здоровья имѣетъ воздухъ въ крытомъ помѣщеніи? Стоитъ ли объ этомъ говорить? Между тѣмъ душная, непродвѣтренная атмосфера комнатъ губительно отражается на взрослыхъ и дѣтяхъ. Вспомните, какъ закупориваетъ себя на зиму миллионный буржуазный классъ. Не оттого ли дѣти состоятельныхъ лицъ такъ часто похожи на манекеновъ, безжизненныхъ, блѣдныхъ, немощныхъ? Вамъ не покажется банальнымъ, что въ литературѣ много и очень много говорятъ о чистомъ воздухѣ, какъ основной потребности человѣка. — „Воздухъ, утверждаетъ Ranke, свѣжій, чистый воздухъ—потребность жизни и здоровья на первомъ планѣ. Его не замѣстишь никакимъ выкуриваніемъ или дезинфекціей“ („Grundzüge der Physiologie des Menschen mit Rücksicht auf die Gesundheitspflege“, Lpz., 1872, s. 480). Все это говорить лишь за то, что сотня причинъ обуславливаетъ заболѣваніе внутреннихъ органовъ. Такъ, Dr. Niemeyer (Herz, Blut, Lymphgefäße, Leipzig, 1874, s. 177) очень хорошо дѣлаетъ, включая въ этиологию болѣзни сердца и легкихъ также „Körperanstrengung“ въ широкомъ смыслѣ слова. Не правда ли, легко представить себѣ портоваго рабочаго, который, пресытившись однообразнымъ каторжнымъ трудомъ, скудно оплачиваемымъ, бросаетъ въ 25 лѣтъ унылое мѣсто своей службы и, въ видахъ легкой наживы, совершаетъ кражу съ убійствомъ? Субъектъ съ давно пораженными отъ подниманія тяжестей и алкоголя внутренностями попадаетъ на каторгу. Онъ слыветъ знаменитымъ разбойникомъ, умирая въ постыдномъ изгнаніи—скажемъ, отъ простуды. Для психіатра трупъ каторжника—большая цѣнность. Съ сосредоточеннымъ благоговѣніемъ ученый ищетъ аномалій своей скампелію. Лиръ мечталъ лишь о сердцѣ Гонерилли, тутъ докторъ имѣетъ все тѣло въ своемъ полномъ распоряженіи. Зіяетъ окровавленное сердце, внутренности выворочены. Мысль объ урожденномъ преступникѣ у почтеннаго жреца науки явится незамедлительно. Пусть будетъ это грубой ошибкой, слѣдствіемъ недоразумѣнія: оригинальное сужденіе зато имѣетъ особую прелесть, кото-

рая обвораживаетъ и завлекаетъ въ предѣлы заблужденія, какъ наяды заманиваютъ рыбаковъ въ туманную глубь водной стихіи... Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что раздраженіе нервной системы можетъ вызвать всѣ симптомы серьезной болѣзни внутренняго характера. Ad. Strümpel („Lehrbuch...“, op. cit., I B., s. s. 557—58) говоритъ о нервныхъ пораженіяхъ желудка („nervöse Magenaffectionen“):—„Что функціи желудка зависятъ въ высокой степени отъ нервныхъ вліяній, извѣстно уже изъ многократнаго опыта повседневной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, на желудокъ несомнѣнно имѣютъ воздѣйствіе слишкомъ рѣзкія *психическія возбужденія*. Каждый знаетъ, что сильное раздраженіе, живое безпокойство или надежда, печальное или радостное возбужденіе, появляясь внезапно, могутъ тотчасъ испортить намъ аппетитъ. У легко возбудимыхъ лицъ такое состояніе простирается до серьезныхъ желудочныхъ симптомовъ. Тошнота, рвота, болѣзненные ощущенія въ области живота, которыя могутъ дойти до сильной невралгической боли (кардіалгія), далеко нерѣдко наступаютъ при такихъ обстоятельствахъ. Когда подобные случаи часто повторяются, или когда послѣ однократнаго сильнаго побужденія (Veranlassung) появившіеся со стороны желудка симптомы не исчезаютъ тотчасъ, мало-по-малу создается болѣзненное состояніе, которое съ полнымъ правомъ называютъ „нервно-желудочнымъ заболѣваніемъ, нервной диспепсіей“. См. также о вліяніи „*abnormer psychischer Zustände*“ на генезисъ кишечныхъ заболѣваній у Wilhelm-a Fleiner-a („Lehrbuch der Krankheiten der Verdauungsorgane“, I Hälfte, Stuttgart, 1893, s. 429). Что сердечные припадки, какъ отраженіе патологическаго состоянія, обусловлены тяжелыми переживаниями, причинами психическаго принужденія, не надо доказывать. Сплошь и рядомъ въ медицинскихъ учебникахъ, въ лекціяхъ по внутреннимъ болѣзнямъ врачи рекомендуютъ щадить этотъ нѣжный органъ путемъ возможно меньшаго обремененія его излишнимъ волненіемъ. „Обращаясь къ изысканію средствъ, которыя пощадили бы сердце, замѣчаетъ D-r Fr. Albin Hoffmann, мы разумно могли бы этого достигнуть лишь путемъ возможнаго сбереженія его, необходимой для живого организма, дѣятельности. Въ сомнѣнныя, сердечная дѣятельность есть функція обмѣна веществъ, или—говоря другими словами—интенсивность обмѣна веществъ находится въ постоянномъ соотношеніи съ сердечной дѣятельностью. Извѣстно о наличности нервныхъ центровъ, непрестанно регулирующихъ сердечную дѣятельность; лишь только предъявляется слишкомъ большое притязаніе къ нашему обмѣну веществъ, мгновенно дѣятельность сердца соответственно возрастаетъ“ („Vorlesungen über allgemeine Therapie mit besonderer Berücksichtigung der inneren Krankheiten“, Leipzig, 1885, s. 49). (Ср. „Ergebnisse der allg. Pathologie u. pathologischen Anatomie des Menschen und der Tiere“, 14 Jahrgang, Wiesbaden, 1911, s. 137 и сл.). Г. Голубовъ („О бронхіальной астмѣ и ея лѣченіи“, М., 1898, 26) въ этиологіи описываемой имъ болѣзни говоритъ помимо наслѣдственности о разнаго рода неврозахъ. Ясно,

что генезисъ внутреннихъ болѣзней очень пестръ и многообразенъ. Изслѣдуя трупы преступниковъ на анатомическомъ столѣ, мы, несомнѣнно, можемъ найти у нихъ явно выраженный во внутренностяхъ аномаліи, которыхъ однако нельзя огульно относить насчетъ наслѣдственнаго атавизма. Цѣлая серія причинъ, глубоко коренящихся въ реальномъ milieu субъекта, могла вызвать $\frac{3}{4}$, а то и всѣ $\frac{4}{4}$ болѣзненныхъ уклоненій и уродливыхъ формъ. Ничего опредѣленнаго врачъ по этому поводу сказать не долженъ, уважая свое достоинство просвѣщеннаго и искренняго человѣка. Нѣтъ, стало бытъ, никакой возможности, оставаясь въ предѣлахъ точнаго знанія, подвести патолого-анатомическія явленія подъ рубрику типическихъ отношеній. Тѣло—цѣлый лабиринтъ клѣтокъ, изъ которыхъ одна, подчиняясь другой, тутъ же одновременно господствуетъ надъ третьей, и никакіе ихъ-лучи не дадутъ намъ возможности изучить ни назначенія отдѣльныхъ комнатъ обширнѣшаго зданія, ни ихъ отношенія другъ къ другу.

—„Какъ, можемъ мы, спрашиваетъ Wilhelm Roux, познать въ развивающемся организмѣ причинныя соотношенія, когда каждый микроскопически-малый кирпичъ въ одно и то же время есть работникъ, и въ предѣлахъ опредѣленной власти, вѣроятно, играетъ роль также и хозяина (Bauleiter)? („Die Entwicklungsmechanik der Organismen“, Wien, 1890, s. 7). Въ медицинѣ, по крайней мѣрѣ со времени Вирхова, смотрятъ на живой организмъ, какъ на сложную (соціальную) структуру. Этотъ знаменитый германскій профессоръ писалъ: „Во главѣ ученія медицинской школы, имѣющей дѣло исключительно съ человѣкомъ, мы можемъ поставить такое предложеніе: Организмъ не есть единое установленіе, но соціальное (общественное). При болѣе точномъ анализѣ этого установленія мы всегда наталкиваемся въ концѣ концовъ на клѣтки: онѣ—крайнія составныя части всѣхъ тканей, одинаково служа ихъ началомъ. Оттого называемъ мы ихъ *жизненными элементами*, разсматриваемъ ихъ въ качествѣ анатомическаго базиса для всякаго биологическаго анализа, будетъ ли этотъ послѣдній касаться физиологическаго или патологическаго объекта“ (Rudolf Virchow, „Die neueren Fortschritte in der Wissenschaft und ihr Einfluss auf Medicin und Chirurgie“, Berlin, 1898, s. 11). Коллективъ можно дѣлить на части, изучать, сравнивать (такъ, напр., поступаетъ съ своимъ предметомъ государственное право, какъ юридическая дисциплина); попробуйте только перейти къ причинному анализу отдѣльныхъ частей, и Вы натолкнетесь на неожиданныя, непреодолимыя трудности. То же наблюдается въ медицинѣ.

—„Каждая часть живого организма имѣетъ свою особенную жизнь, свою *vita propria*“ (Virchow, *ibidem*, s. 9). Прибавьте къ этому, что духъ и тѣло самымъ причудливымъ образомъ сплетаются вмѣстѣ, и какъ нѣтъ душевнаго феномена, который не отразился бы въ той или другой формѣ на тѣло, такъ равно не существуетъ тѣлесныхъ явленій внѣ отраженія на душу.—„Что касается вліянія тѣла на душу, говорить г. Яновскій, то на этомъ останавливаться долго не приходится. Всякое

соматическое поражение (сердца, легких, мозга), останавливающее растительную жизнь организма, одновременно прекращает и все психическія функціи... Вспомните бредъ и вообще потемнѣніе сознания подъ вліяніемъ различныхъ заболѣваній (тифа, воспаления мозговыхъ оболочекъ), или какъ результатъ дѣйствія ядовъ (алкогольное опьяненіе, гашишъ, морфій). Но насъ въ данное время занимаетъ другая сторона дѣла—вліяніе духа на тѣло. Въ этомъ отношеніи обыденный опытъ даетъ массу примѣровъ воздѣйствія духа почти на все органы и функціи организма. Примѣрами могутъ служить: 1) сосудистая система... 2) кишечникъ... 3) дыхательный аппаратъ... 4) половая система... 5) железистая система... 6) чувствительная система... 7) двигательная система... 8) кровоточеніе и общее питаніе... („Курсъ общей терапіи внутреннихъ болѣзней“. Лекціи, читанныя студ. Императорской Военно-Медиц. академіи, С.П.Т., 1902, 15—16). Такова страничка изъ области патологіи внутренностей. Не желая тревожить тѣней, имѣемъ честь обратиться къ Вамъ, нынѣ здравствующимъ представителямъ и поборникамъ идеи уголовно-антропологической школы. Въ виду высказанныхъ соображеній, можете ли Вы, положи руку на сердце, говорить о типическихъ отношеніяхъ въ разсужденіи патолого-анатомическихъ явленій, констатируемыхъ у злоумышленниковъ, какъ вліяніе наслѣдственныхъ тенденцій? При этомъ просимъ Васъ отвѣтить на вопросъ прямо, не завлекая нашего вниманія въ глухія дебри высокаго мудрствованія. Вы молчите?—Проблема стоитъ того, чтобы надъ ней призадуматься, и особенно не спѣшить въ объятія легкомысленныхъ сужденій.

Въ 4-ой главѣ Ломброзо занимается антропометріей и фізіологіей 5907 преступниковъ. Считаая излишнимъ шагъ за шагомъ слѣдовать по пятамъ автора, укажемъ лишь заключенія, къ которымъ пришелъ знаменитый Туринскій профессоръ. У представителей преступнаго міра найдены: чрезмѣрное развитіе челюсти, рѣдкая растительность на лицѣ, ассиметрія черепа, суровый взглядъ, обиліе волосъ на головѣ, торчащія уши, скошенный лобъ, страбизмъ и неправильныя очертанія носа („L'homme criminel“, op. cit., I, pp. 252, 263). Эти аномаліи то приближаютъ европейскаго преступника къ австралійскому или монгольскому типу, то наводятъ на мысль о врожденныхъ морфологическихъ и гистологическихъ уклоненіяхъ, вызываемыхъ болѣзнью различныхъ органовъ, въ особенности нервныхъ центровъ, какъ у душевно-больныхъ. Такимъ образомъ представляется ясной аналогія между душевно-больнымъ, дикаремъ и преступникомъ. Вполнѣ понимая относительное значеніе для антропологической школы всехъ этихъ наружныхъ *stigmata*, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что нормальные и даже выдающіеся на томъ или другомъ поприщѣ своими способностями субъекты нерѣдко запечатлѣны цѣлымъ рядомъ вышше-безобразныхъ очертаній, чего, впрочемъ, не отрицаетъ и самъ Ломброзо. Кто не знаетъ людей преклоннаго возраста, пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ,

съ наружностью крайне непривлекательной, бросающейся въ глаза уродливостью формъ? Носъ, глаза, уши, руки какъ бы вырублены небрежно природой изъ грубаго матеріала безъ всякой шлифовки. Съ другой стороны Вы можете встрѣтить у самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ и глубоко испорченныхъ субъектовъ — педерастовъ, мошенниковъ, убійць — прелестныя и благородныя очертанія лица, чарующій блескъ глазъ, мягкое выраженіе которыхъ способно подкупить самыя черствыя сердца. Посмотрите, какой лаской вѣетъ отъ портретовъ знаменитыхъ убійць: Gamahut, Ducret, Gille, Pranzini (См. „приложение“ въ книгѣ Laurent-a „Les habitués des prisons de Paris“). Foville въ своей обширной статьѣ „Le criminel au point de vue anatomique et physiologique“ (Annales d'hygiène publique et de médecine légale, t. 4, 1880, p. 411) обращаетъ вниманіе, что даже среди извѣстныхъ преступниковъ имѣются лица, которые своей физической организаціей вовсе не выдають предрасположенія, направленнаго противъ соц. интересовъ, а также законовъ, нормирующихъ общество. Въ видѣ примѣра авторъ упоминаетъ о знаменитой отравительницѣ Brinwilliers „qui avait la physionomie la plus douce et la plus intéressante“... Ломброзо, въ видѣ исключенія, также знаетъ злоумышленниковъ, тѣхъ что составляютъ „аристократію преступленія“, съ тонкими, гармоническими чертами лица („L'homme criminel“, op. cit., I, p. 219). Но гдѣ, гдѣ именно начинается исключеніе изъ общаго правила? Впрочемъ, мы не утверждаемъ, что Ломброзо энергично ратуетъ за потѣшныя тенденціи добраго дѣдушки Lavater-a. Указываемъ лишь, что ученіе школы полно явно негоднаго, съ точки зрѣнія объективной критики, матеріала. Ну, скажите—развѣ это не шутка, когда маэстро уголовной антропологии съ многозначительнымъ видомъ ученаго пишетъ: „Высокій ростъ очень замѣтенъ у воровъ большихъ дорогъ и убійць, а равно у обыкновенныхъ воровъ, между тѣмъ какъ малый ростъ рѣже встрѣчается у первыхъ. Все это станетъ болѣе очевиднымъ при изученіи роста поддѣльвателей бумагъ, насильниковъ и поджигателей. Эти послѣднія категоріи преступниковъ, которыхъ, впрочемъ, слишкомъ мало, чтобы мы ими занялись, дали бы большое число субъектовъ высокаго роста, среди нихъ также бываютъ и малорослые“ („L'homme crim.“, I, p. 201) Dr. Thompson, предшественникъ Ломброзо, утверждалъ, что вора такъ же легко отличить среди честныхъ людей, какъ овецъ съ черной головой отъ другой породы овецъ („The psychology of criminals“, Journal of mental science, 1870, X, 328). Ломброзо идетъ еще дальше, дѣля субъектовъ преступленія на брUNETовъ и шатеновъ: „Максимумъ брUNETовъ замѣтенъ среди поджигателей и воровъ, минимумъ—среди насильниковъ; максимумъ шатеновъ даютъ праздные люди, наносители ранъ и воры большой дороги. Блондины, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются въ дѣлахъ объ изнасилованіи и мошенничествѣ. Рыжіе (вопреки поговоркамъ) весьма не многочисленны“ (op. cit., I, p. 226—27). Не правда ли, очень остроумно? Или такой перлъ:—„У женщинъ убійць и проститутокъ нашли очень большое число скошенныхъ лбовъ

и средних затылочных ямок, у первых—ворміевы кости; у дѣтубійцы я чаще всего видѣлъ выдающіяся лобныя дуги, затылочныхъ ямокъ и скошенныхъ лбовъ меньше“ (ib., p. 163). Какъ будто порокъ имѣетъ свои отличительные признаки на лицѣ! Проститутки—ихъ узнають по цвѣту волосъ, формѣ ушей, носа, губъ? Что хочетъ сказать Ломброзо, процѣживающій воду въ ситѣ? Генезисъ разврата и преступленія гнѣздится также въ milieu: оставьте дѣвушку безъ присмотра и нравственнаго воздѣйствія, и она погибла. Parent-Duchatelet въ своемъ прекрасномъ, классическомъ изслѣдованіи „De la prostitution dans la ville de Paris“ между прочимъ замѣчаетъ: —„Безпутство родителей и дурныя примѣры всякаго рода, которые они даютъ своимъ дѣтямъ, въ отношеніи многихъ дѣвушекъ и особенно парижанокъ, должны быть разсматриваемы въ качествѣ одной изъ главныхъ причинъ, толкающихъ на фатальный шагъ. Dossiers каждой дѣвицы и опросные листы непрестанно говорятъ о семейныхъ неурядицахъ, о вдовцахъ, находящихся въ сожителствѣ съ наложницами, о любовникахъ матерей, вдовъ или замужнихъ, о разлученныхъ родителяхъ и пр. Какой присмотръ эти люди могутъ имѣть надъ своими дѣтьми? и если они находятъ нужнымъ сдѣлать выговоръ, или дать добрый совѣтъ, какой вѣсъ, какой авторитетъ будутъ имѣть въ ихъ устахъ подобныя замѣчанія?“ (I, Paris, 1836, p.p. 94—95). Зналъ объ этомъ Ломброзо, онъ закрывалъ лишь глаза на дѣйствительность. Ничего ровно нельзя знать о достоинствахъ или недостаткахъ челоуѣка по формѣ его лба или ушей.—„Если маленькій черепъ, спрашиваетъ Henle, и до опредѣленныхъ размѣровъ плоскій лобъ означаютъ духовное безсиліе, то высокій и округленный лобъ даетъ вѣрную гарантію, что подъ нимъ покоится духъ необыкновенныхъ способностей? Съ теоретической точки зрѣнія на вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Мозгъ никогда не заполняетъ цѣликомъ черепного отверстія; онъ окруженъ мягкой, сѣткоюобразной тканью, связки которой содержатъ жидкость, похожую на водянистую кровь. Очевидно, сила этого водянистаго слоя индивидуально различна... Опытъ въ свою очередь не высказывается такъ рѣшительно въ пользу связи между геніальностью и высокимъ лбомъ, какъ думаютъ обыкновенно и какъ народное выраженіе „Denkesstirn“ предполагаетъ. Возможно, что Вы всѣ встрѣчали круглыя лбы, подъ которыми мысль вертится не болѣе не менѣе какъ около марокъ и пфенниговъ“ („Anthropologische Vorträge“, Braunschweig, 1880, s. 102). И, право же, забавно читать, какъ Karl Langer, жалѣя о томъ, что на ухо до сихъ поръ мало обращали вниманья, особенно художники, настаиваетъ на разновидностяхъ очертаній и образцовъ ушной раковины, утверждая, что онѣ въ дѣйствительности служатъ для полицейскихъ чиновниковъ отличительнымъ признакомъ опредѣленныхъ субъектовъ („Anatomie der äusseren Formen des menschlichen Körpers“, Wien, 1884, s.s. 157, 156). Если бѣ Вѣнская полиція тащала всѣхъ лицъ, у которыхъ Ohrmuschel представляетъ нѣкоторую

аномалию, въ участокъ, сосѣднія державы не могли бы не вмѣшаться во внутреннюю политику Австріи. Ferri, не только въ качествѣ популяризатора идей Ломброзо, но и какъ добросовѣстный его адвокатъ, вполне раздѣляя справедливость вѣскаго вояженія, что и у непреступныхъ людей очень легко констатировать наружныя *stigmata degenerationis*, ссылается въ оправданіе школы на то обстоятельство, что криминальная антропология—наука-де молодая, не то что экспериментальная физиология, или психология („Das Verbrechen als sociale Erscheinung“, *op. cit.*, s. 47). Однако, криминальная антропология не можетъ быть ни молодой, ни старой наукой, такъ какъ она вовсе не есть наука, а счастливая тенденція, весьма полезная въ практическомъ отношеніи для задачъ уголовной политики, нѣкоторый намекъ на загадку, никѣмъ еще не разрѣшенную. Мы понимаемъ еще, когда естественвѣды указываютъ на тѣ или другія анатомо-морфологическія особенности расъ, не выводя, впрочемъ, отсюда никакихъ широкихъ обобщеній. Такъ, Karl Vogt копошится у формы ушей негра, татарина, калмыка, находя нѣкоторое сродство между ушами этихъ послѣднихъ и ушами шимпанзе („Vorlesungen über den Menschen, seine Stellung in der Schöpfung und in der Geschichte der Erde“, Giessen, 1863, I, s. 164). И то Theodor Waitz выяснилъ, что всѣ эти признаки страдаютъ крайнимъ непостоянствомъ, находясь подъ влияніемъ массы экзогенныхъ причинъ. Но связь преступности съ стигматами мнимаго атавистическаго значенія не можетъ быть допущена, ибо намъ совершенно неизвѣстно, гдѣ кончается простая задержка въ развитіи, и гдѣ начинается влияніе наслѣдственности. Näcke, напр., склоненъ думать, что всѣ такъ называемыя *stigmata degeneracionis* уголовно-антропологической школы являютъ изъ себя однѣ лишь „Hemmungsbildungen“ („Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe mit Ausblicken auf die Criminal-Anthropologie überhaupt“, Wien und Leipzig, 1894, s. 135). Ломброзо, умѣя защищать себя и безъ адвоката, въ видахъ облегченія своей совѣсти, началъ ссылаться на то, что дескать его теорія никогда не претендовала на полученіе санкціи какого-то незыблемо-объективнаго закона; что на основныя положенія криминальной антропологии должно смотрѣть сквозь призму статистическаго релятивизма.—„Нѣтъ сомнѣнныя, говорилъ онъ, что если допущеніе идеи типа связано съ предположеніемъ его универсальнаго значенія, ее принять нельзя. Но, какъ я уже указывалъ въ своихъ прежнихъ работахъ, надо усваивать эту идею съ такой же оговоркой, какъ это дѣлается въ отношеніи оцѣнки среднихъ статистическихъ чиселъ. Когда говорятъ, что средняя жизнь человѣка продолжается 32 года, и что самый фатальный мѣсяцъ жизни—декабрь, никто не сдѣлаетъ отсюда вывода, что всѣ, или почти всѣ, люди должны умереть въ 32 года и въ декабрѣ мѣсяцъ“ (С. Lombroso, „L'anthropologie criminelle et ses récents progrès“, Paris, 1891, p. 2). Конечно, если мы на основаніи цѣлой таблицы краснорѣчивыхъ конкретныхъ данныхъ утверждаемъ, что женщина не способна къ абстрактному мы-

шленію, это не значить, что всѣ женщины, въ томъ числѣ А и Б, не способны къ абстрактному мышленію. Статистикѣ въ высшей степени свойственъ релятивизмъ въ отношеніи нормативно-объективнаго утверждения, но до извѣстныхъ предѣловъ. Всегда констатируется опредѣленный законъ, на большую или меньшую точность котораго мы вполне полагаемся, въ тайникахъ сознания радуясь возможности освѣщать область явленій абстрактныхъ, долго не поддающихся посредственному наблюденію, съ желательной достовѣрностью. Однимъ словомъ, какъ бы Ломброзо ни отрицивался отъ абсолютной точности своихъ выводовъ, кивая на статистику, нельзя не признать, что послѣдняя совершенно не мыслима внѣ допущенія постоянныхъ величинъ, какъ регуляторовъ соціальной жизни, Quetlet въ своей классической книгѣ „Physique sociale ou essai sur le développement des facultés de l'homme“ (Bruxelles-Paris, 1869, I t., p., 93) впервые поднялъ свой авторитетный голосъ въ пользу подчиненія и явленій моральныхъ дѣйствию опредѣленныхъ соціальныхъ нормъ, вполне сознавая, впрочемъ, въ трудности анализа этой формы общественнаго бытія. Съ тѣхъ поръ всякому студенту перваго курса извѣстно, что статистика есть наука; что она имѣетъ свой методъ изслѣдованія, добивался своихъ идеаловъ и задачъ; что она занимается изысканіемъ тѣхъ абстрактныхъ нормъ, которымъ съ замѣчательной правильностью подчиняются сложнѣйшіе феномены жизни. Можно ли, стало быть, говорить о средне-статистической величинѣ, не имѣя въ то же время въ виду того отвлеченнаго правила, которому подчиняется конкретное явленіе? Можно ли говорить о мыслящемъ человѣкѣ, которому отрубили голову? Конечно нѣтъ. Что же такое законъ, этотъ властный повелитель не только статистики, но и всякой науки?—„Когда идетъ рѣчь о законѣ, нельзя не подумать: 1) о постоянной, обоснованной на всеобщемъ причинномъ соотношеніи, послѣдовательности вещей; 2) объ элементарной направляющей величинѣ, или силѣ, которая, благодаря закону, получаетъ свое нормативное выраженіе“ (Al. von Oettingen, „Moralstatistik“, I, Erlangen, 1868, s. 291). „Jede Veränderung. училъ Шопенгауэръ, kann nur eintreten dadurch, dass eine andere, nach einer Regel bestimmte, ihr vorgegangen ist, durch welche sie aber dann als notwendig herbeigeführt eintritt: diese Notwendigkeit ist der Kausalnexus“ („Ueber die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde“, Werke, I B., Leipzig, 1877, s. 36). Louis Weber въ своей статьѣ „Diverses acceptions du mot „loi“ замѣчаетъ:—„Чтобъ имѣть право допустить предположеніе объ отношеніи каузальности, причина и дѣйствіе должны повторяться безъ измѣненія“ (Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1894, mai et juin, p. 518).—„За каждымъ констатируемымъ отношеніемъ скрывается (лаурет) законъ. Стало быть, законы, это—ничто иное какъ формулы для замѣченнаго ритма, будетъ ли рѣчь итти о явленіяхъ природы, или духа“ (Lud. Stein, „Das Princip der Entwicklung in der Geistesgeschichte“, Deutsche Rundschau, 1895, Juni, s. 405). А какой законъ регулируетъ мнимыя типическія отношенія си-

стемы уголовно-антропологической школы, когда, по словам самого Ломброзо, урожденных преступниковъ на сто замѣчается всего нѣсколько выше сорока („L'homme criminel“, op. cit., II, p. 151). Въ число этихъ сорока включаются, стало быть, всѣ феномены, относительно наслѣдственныхъ тенденцій которыхъ не только ошибался Ломброзо, но ошибся бы и всякій другой профессоръ при всей своей учености, при всемъ желаніи объективно анализировать конкретный матеріалъ, принимая во вниманіе совершенную ничемность втискиванія въ прокрустово ложе постоянныхъ нормъ такихъ явленій, которыхъ охватить нѣтъ никакой возможности. Итакъ, имѣя въ виду оправданіе, на которое ссылается Ломброзо, переваливающая всю тяжесть ответственности на статистику, можно ли говорить о преступномъ типѣ, какъ явленіи, поддающемся научному констатированію? Говоримъ—нѣтъ и нѣтъ. Ученіе Ломброзо никогда не поддерживалось солидными научными доказательствами и аргументами; оно жило почти исключительно необыкновенно дѣятельнымъ духомъ своего создателя, котораго безспорно можно назвать геніальнымъ энтузіастомъ, ради идеи не щадившимъ здраваго объективнаго смысла. Можетъ быть когда-нибудь зерно, брошенное Туринскимъ психіатромъ, взойдетъ пестрой и обильной жатвой. Гадать не беремся. Утверждаемъ лишь, что доктрина такъ называемой уголовной антропологии не управляется опредѣленнымъ соотношеніемъ неизмѣнныхъ нормъ, а Его Величествомъ Случаемъ. Но случай—наукъ чужеродецъ. Она питается сокомъ однихъ типическихъ явленій, опытомъ пробѣренныхъ, ея санкціей закрѣпленныхъ. Да позволено будетъ намъ изъ своей практики въ видѣ иллюстраціи привести нѣсколько примѣровъ, которые выясняютъ, что кой-какія *stigmata degenerationis* встрѣчались лишь у *случайныхъ* преступниковъ, исключая развѣ № 2 (О—къ).

1) Л—въ, 24 лѣтъ, парикмахеръ, обвинялся въ покушеніи на кражу днемъ на центральной улицѣ города. Скошенный, низкій лобъ, немовѣрно большія, торчащія уши, выдающіяся скулы, голова къ верху заострена, рѣчь съ заиканіемъ, страдаетъ туберкулезомъ, производитъ впечатлѣніе жалкаго дегенерата. Во 2-й инстанціи обвиненіе не подтвердилось, Л—въ былъ оправданъ. 2) Елизавета О—къ, 51 года, лишенная правъ, обвинялась въ кражѣ (пятой по ариметическому счету) коляски, носить небольшіе усы, мужеподобна, тупоумна, неграмотна, злоупотребляетъ спиртными напитками. Отецъ, алкоголикъ, въ свое время судился за покушеніе на изнасилованіе. Въ общей сложности сидѣла въ тюрьмѣ 4 года. Всю жизнь почти занимается кражами. Закоренѣлая рецидивистка. Присяжными оправдана. 3) В—овъ, 23 лѣтъ, обвинялся въ нанесеніи N тяжелой раны (прорваніе дѣвственной плевы пальцами). Малограмотенъ, „любитъ выпить“, *oreilles à anse*, ассиметрія лица, въ дѣтствѣ занимался мастурбаціей, характера вспылчиваго. Никогда не судился. Резолюціей присяжныхъ засѣдателей признанъ невиновнымъ. 4) Павелъ П—укъ, 27 лѣтъ, въ качествѣ члена партіи анархистовъ-террористовъ предсталъ передъ Военно-Окружнымъ Су-

домъ по обвин. въ изготовленіи мандатовъ съ угрожающимъ требова-
ніемъ денегъ. Скошенный, низкій, плоскій лобъ, длинныя конечности,
ассиметрія лица, оттопыренныя уши, въ дѣтствѣ страдалъ эпилептиче-
скими припадками, въ разговорѣ часто упоминаетъ о Богѣ и наукѣ.
Осужденъ по 1545 ст. Ул. о нак. на четыре года каторжныхъ работъ.
Долго скитаясь по всеямъ Россіи, П—ъ рѣшилъ, наконецъ, добровольно
сдаться властямъ. Вотъ нѣкоторое извлеченіе изъ бумаги, посланной
имъ Начальнику Охраннаго отдѣленія и хранящейся у насъ въ видѣ
собственноручно написанной П—омъ копіи (сохраняемъ ореографію):

„Живя съ малыхъ лѣтъ какъ-бы подъ тяжелымъ молотомъ жизни испы-
тывая на себѣ безчисленное множество несправедливостей, какъ родныхъ,
такъ и окружающихъ и не имѣя выхода съ такого положенія, (а я его
искалъ всю жизнь) я рѣшилъ (по совѣту добрыхъ людей) заняться образо-
ваніемъ. И прежде всего сталъ читать біографіи Великихъ людей, кото-
рыхъ я собралъ цѣлую серію, и оттуда извлекъ огромную пользу и то
указаніе, что именно только ученіе и можетъ дать мнѣ новый и хороший
путь жизни. Съ того времени я сталъ интересоваться знаніемъ, покупать
книги и различныя руководства и у меня получилась маленькая бібліотека
(стоющая болѣе ста рублей), т. е. результатъ четырехъ годичнаго недо-
ѣданія. Заинтересовавшись знаніемъ, я старался получить его всесторон-
нимъ, такъ-какъ человѣкъ получивши знаніе или направленіе односторон-
не, всегда будетъ врагомъ своего ближняго. Я же всеми силами старался
избѣжать односторонняго направленія, т. е. другими словами—ложнаго
знанія. Я стремился къ идеалу знанія, а не къ грабежамъ и насиліямъ,
которыми весьма сомнительно достигъ чего-либо хорошаго и прочнаго. И
получилъ то, чего искалъ, хотя въ малой дозѣ. Что я искалъ знанія, а не
грабежа и насилія, опять показываетъ то, что я посѣщалъ множество ве-
чернихъ курсовъ города Кіева, а также послѣднее время Харькова, хотя
мнѣ школьное знаніе давалось тяжело... Для корыстныхъ цѣлей я не жилъ—
а жертвовать собой, яко-бы для народнаго блага, я ненамѣренъ. Такъ-какъ
по выраженію философа Герберта Спенсера, „жертвовать всемъ тѣмъ, что
есть, въ пользу того чего не будетъ“—безсмысленно. Да и въ самомъ дѣлѣ:
вѣдь жизнь въ рамки не укладывается“. Во время свиданія обвиняемый
просилъ насъ передать этотъ документъ въ распоряженіе мѣстной прес-
сы... Бѣдняга П—укъ! Гдѣ-то онъ теперь?... Только что описанные че-
тыре случая (у насъ отмѣчены номера этихъ дѣлъ) мы извлекаемъ изъ
числа 81 обвиняемаго; среди нихъ 29-ти угрожало лишеніе правъ,
52-мъ—одно тюремное заключеніе. Изложенное подкрѣпляетъ мысль
о томъ, что внѣшніе признаки съ характеромъ дегенераціи среди дру-
гихъ неблагоприятныхъ стигматовъ—родное дитя фатума; что они от-
нюдь не могутъ служить базисомъ для какихъ бы то ни было обобще-
ній; что злоумышленники, несмотря на явныя аномаліи, далеки отъ
такъ наз. врожденныхъ преступниковъ. Повѣствованіемъ барона Hau-
ssonville-a, заимствуемымъ изъ его прекрасной статьи „Le combat contre
le vice“, закончимъ восьмую главу:—„Я зналъ одного молодого адво-

ката, который вскорѣ послѣ вступленія въ свое сословіе долженъ былъ по назначенію защищать профессиональнаго вора передъ Сэнскимъ судомъ присяжныхъ. Клиентъ былъ однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ продуктовъ воспитанія парижскихъ улицъ. Дитя природы, бродяга съ самаго ранняго возраста, онъ карьеру началъ съ мелкихъ похищеній, перейдя засимъ къ простой кражѣ, оттуда къ кражѣ квалифицированной, черезъ перелѣзаніе и со взломомъ. Если онъ не совершилъ убійства, то потому можетъ быть, что не представлялось случая. Онъ уже отбылъ нѣсколько наказаній, а то, которое ему угрожало, влекло за собой ссылку въ Новую Каледонію, что сильно пугало его, такъ какъ онъ любилъ Парижъ. Нашъ адвокатъ, выступавшій впервые, говорилъ не безъ жара и всѣ свои старанья направилъ къ исходатайствованію у присяжныхъ снисхожденія, въ которомъ, быть можетъ къ счастью, было отказано. Послѣ постановленія судомъ приговора защитникъ навѣстилъ въ послѣдній разъ несчастнаго малаго, судьбой котораго онъ невольно заинтересовался. Прощаясь съ осужденнымъ, онъ подалъ ему руку. Тотъ, натура грубая, былъ тронутъ. Слезы показались у него на глазахъ, и онъ вскрикнулъ: „monsieur, Вы подаете мнѣ руку, какъ если бѣ я былъ честнымъ человѣкомъ!“ Такимъ образомъ достаточно было обхожденія, къ которому этотъ закаленный злоумышленникъ раньше не привыкъ, чтобы вызвать въ немъ два наилучшихъ чувства человѣческаго сердца: смиреніе и признательность. Что случилось съ нимъ, я не знаю. Могу лишь прибавить, что послѣ цѣлаго ряда лѣтъ изъ далекаго мѣста, гдѣ отбывалось наказаніе, онъ писалъ еще тому, одинъ жестъ котораго, до извѣстной степени машинальный, тронулъ его сердце. Однако Ломброзо не поколебался бы помѣстить этого субъекта въ категорію урожденныхъ преступниковъ, такъ какъ, сколько могу припомнить, онъ отличался тяжелымъ взглядомъ, широкимъ черепомъ, узкимъ лбомъ и оттопыренными ушами. Опытный тюремный директоръ въ свою очередь съ перваго взгляда призналъ бы въ немъ неисправимаго рецидивиста“... (Revue de deux mondes, 80 t., 1887, p.p. 597—98).

9.

Ломброзо („L'homme criminel“, op. cit., I, p. 438) замѣчаетъ, что въ дикомъ состояніи человѣкъ не знаетъ раскаянія; онъ рисуется своими преступными дѣяніями, справедливость для него—синонимъ жестокости и силы.—„Въ отношеніи чувствительности и страстей преступникъ значительно болѣе приближается къ дикарю, чѣмъ къ душевно-больному. Нравственная чувствительность атрофирована (amortie) и заглушена (éteinte) у дикихъ (ib., p. 402). Ferri рукоплещетъ тенденціямъ маэстро, направленнымъ къ проведенію аналогіи между урожденнымъ преступникомъ и дикаремъ.—„Ломброзо принадлежитъ заслуга оплодотворенія криминальной антропологии мыслью, что современный преступникъ, въ виду регресса, вырожденія и задержки въ развитіи, воспроизводитъ

первоначальные, примитивные признаки человечества“ („Das Verbrechen als sociale Erscheinung“, op. cit., s. 27). Нетрудно видѣть, что притязанія уголовной антропологии и въ этомъ направленіи основаны на недоразумѣніи. Достойна удивленія легкомысленная поспѣшность, въ сопро-
 вожденіи которой создатель школы, анализируя преступный типъ, броса-
 ется въ объятія перваго, болѣе или менѣе привлекательнаго, сравненія. Такъ, наивный юноша, не знающій жизни, идеализируетъ всѣхъ дѣву-
 шекъ, серьезно воображая, что онѣ сотканы изъ золотыхъ нитей доб-
 роты, ласки и великодушія... Итакъ, по мнѣнію Ломброзо, урожденный
 преступникъ является символомъ живого анахронизма, воспроизводящаго
 черты отдаленныхъ предковъ съ ихъ традиціями, нравственнымъ міро-
 воззрѣніемъ и пр. На это можно возражать тройко: 1) совершенно не
 выяснено, гдѣ въ человѣкѣ кончается дикарь, и гдѣ начинается не-ди-
 карь. Понятно, за послѣобѣденной чашкой кофе, когда всѣ собрались
 въ гостиной, можно, толкуя о большомъ процессѣ, еще свѣжемъ въ
 памяти, называть дерзкихъ убійцъ дикарями. Но въ научномъ изслѣ-
 дованіи авторъ ко всякаго рода категорическимъ утвержденіямъ долженъ
 относиться съ чрезвычайной осторожностью, съ неоспоримыми данными
 въ рукахъ доказывая, почему выставляется одно положеніе, а не другое.
 2) Наиболѣе испорченные преступники, отличаясь жестокостью, въ то
 же время весьма нерѣдко обладаютъ выдающимися творческими спо-
 собностями, чѣмъ ужъ, конечно, не можетъ погордиться дикарь, который
 своей примитивной обстановкой поставленъ въ очень узкія рамки суще-
 ствованія, однообразнаго и отупляющаго. 3) Мораль вовсе не есть кате-
 горія съ абсолютнымъ значеніемъ; нравственныя нормы имѣютъ то
 или другое содержаніе въ зависимости отъ общаго уровня данной социаль-
 ной среды. Среди дикарей возможно встрѣтить честнѣйшихъ и благо-
 родныхъ людей, а среди европейцевъ, не запятанныхъ приговоромъ
 уголовного суда, отъявленныхъ мошенниковъ и безжалостныхъ крово-
 вийцъ.—„Нравственность людей, замѣчаетъ Letourneau, находится въ
 тѣсномъ соотношеніи (en étroite corrélation) съ социальной средой.
 Теперь европейецъ благороднаго происхожденія и хорошаго воспи-
 танія предпочитаетъ смерть каннибализму, который кажется жителю
 Новой Каледоніи самой простой вещью въ мірѣ. Это значитъ,
 что оба общества глубоко различны („L'évolution de la morale“, Paris, 1887,
 p. 457). D-r Achelis въ своей статьѣ „Ethnologie und Ethik“ правильно
 удостовѣряетъ, что нѣтъ нравственнаго закона, какъ такового, годнаго
 а priori для всѣхъ временъ и народовъ; что нѣтъ категорическаго
 императива, который предписывалъ бы одни и тѣ же правила на всемъ
 земномъ шарѣ во всѣ періоды человѣческой исторіи съ одинаковой
 неумолимой строгостью; что нѣтъ основныхъ положеній, которымъ съ
 математической очевидностью были бы чужды сомнѣнья и ошибки; что
 подобныя притязанія—лишь абстракціи односторонняго спекулятивнаго
 направленія, которое, менѣе всего заботясь объ ихъ происхожденіи,
 смущенно держится на собственномъ сознаніи“ („Zeitschrift für Ethno-

logie“, 23 Jahrgang, 1891, s. 71). Въ своей капитальной работѣ („Moderne Völkerkunde“, Stuttgart, 1896, s.s. 125—26) Achelis, признавая незамѣнимыя заслуги, оказанныя социологіей этнологіи, мастерски приводитъ въ связь Völkerpsychologie, за которую энергично ратовали Lazarus и Steinthal, съ социологическими тенденціями извѣстныхъ мыслителей Европы (Comte и др). Знаменитый Taine, который съ рѣдкимъ талантомъ пытался сдѣлать изъ исторіи какъ бы филиальное отдѣленіе анатоміи и физиологіи, въ своей работѣ „Les philosophes classiques du XIX siècle“ (Paris, 1868, p. 330) утверждаетъ: „La destinée d'un peuple n'est rien que l'effet combiné des circonstances, de ses facultés et de ses penchans“. Въ другомъ изслѣдованіи авторъ называетъ теорію milieu „великимъ закономъ, которымъ объясняются въ наши дни происхожденіе и структура разнообразныхъ живыхъ формъ; онъ относится въ одинаковой степени къ міру нравственному и физическому, къ исторіи, какъ къ ботаникѣ и зоологіи; къ дарованіямъ и характерамъ, какъ къ растеніямъ и животнымъ“ („La philosophie de l'art“, 8 édition, I, p. 60). Правда, William Ellis („Reise durch Hawaii oder Owhyhee, eine der Sandwichs-Inseln“, Hamburg, 1827, s.s. 73—74) рассказываетъ, что передъ началомъ войны, когда угрожала большая опасность, Poï-Kiro (пророки и священники) приносили человѣческія жертвы, а William Marsden („Histoire de Sumatra“, traduite de l'Anglois par Parraud, Paris, 1788, II) говорить о mengeering (рабствѣ) за долгъ (p. 29), о bangoon (денежномъ штрафѣ) за убійство (p. 17). Все это „дико“ съ нашей точки зрѣнія, ибо, живя въ предѣлахъ правового государства, мы воспитаны на другой манеръ. Опредѣленные традиціи всосались въ наше сознаніе, не покидая его. Но поставьте дикаря въ тѣ же условія болѣе или менѣе развитого уклада социальныхъ отношеній, и онъ пойметъ, что за умерщвленіе человѣка нельзя наказывать денежнымъ штрафомъ, что картина умиловивленія боговъ человѣческими жертвами—отвратительна. Нѣкоторые авторы не только придаютъ цивилизаціи большое значеніе въ смыслѣ смягченія дикихъ нравовъ, но усматриваютъ въ ней путь къ атрофированію яко бы непреложно-фатальнаго (инстинктивнаго) влеченія къ преступленію. Конечно, примитивный человѣкъ, слѣпо повинувшійся страсти, грубо и жестоко реагируетъ на обиду, не сознавая даже своего достоинства. Просвѣщеніе, хотя бы въ зачаточномъ видѣ, кореннымъ образомъ измѣняетъ форму и самый смыслъ этой реакціи (См. Henri Sauvard: „Le délit d'imprudence“, essai de théorie pénale. Paris, 1899, p. 89). Такимъ образомъ идеологическій факторъ, какъ объективный феноменъ, способенъ на самыя курьезныя превращенія такихъ явленій, которыя съ перваго взгляда кажутся урожденными, предопределенными свыше... Oskar Peschel въ своей „Völkerkunde“ (6 Aufl., Lpz, 1885, s. 346) отмѣчаетъ, что современные австралійцы въ Квинслэндѣ, Ново-Южномъ-Валлисѣ служатъ живымъ примѣромъ возможности поднятія дикарей на болѣе высокую ступень развитія. Туземцы бѣгло и правильно говорятъ по-англійски, они научились писать, стали способ-

ными и смѣлыми наѣздниками. Если, присовокупляеть авторъ, они еще недостаточно облагородили свои традиціи, то вина отчасти лежитъ въ отдаленности ихъ территоріи, что затрудняетъ соприкосновеніе съ другими народностями.—„Чтобы ни одно изъ извѣстныхъ дикихъ племенъ не могло быть усовершенствовано правильной цивилизаціей, говоритъ Тэйлоръ, этого не рѣшился бы сказать ни одинъ моралистъ“ („Первобытная культура“, изд. Поповой, С.П.Т., 1896, I т., 28).—„Если кто-нибудь поддерживаетъ мнѣніе, что человѣческая мысль и дѣйствія совершались въ первобытныя времена по законамъ, существенно отличнымъ отъ законовъ современнаго міра, онъ долженъ подтвердить такое аномальное положеніе вещей вѣскимъ доказательствомъ... Теорія, утверждающая, что стремленія культуры были одинаковы во всѣ времена существованія человѣческаго общества, и что по ея исторически извѣстному ходу мы смѣло можемъ судить и о ея доисторическомъ ходѣ, теорія эта, очевидно, имѣетъ право на преобладаніе, какъ основной принципъ этнографическаго изслѣдованія“ (ib. 29). Лѣббокъ, который въ своей классической работѣ „Доисторическія времена“ придерживается весьма и весьма пессимистическаго взгляда на нравственность и благородство дикарей, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на истинный генизисъ этого интеллектуальнаго идеологическаго феномена.—„У настоящаго дикаря нѣтъ ни благородства, ни свободы, онъ—рабъ своихъ нуждъ и страстей. Плохо защищенный отъ непогоды, онъ страдаетъ—ночью отъ холода, днемъ отъ жары. Не зная земледѣлія, онъ живетъ добычей охоты и, не дѣлая запасовъ въ благоприятную пору, всегда имѣетъ передъ глазами перспективу голода, часто заставляющую его дѣлать ужасный выборъ между людоедствомъ и голодной смертью. Страхъ вѣчно преслѣдуетъ его; онъ постоянно въ опасности, постоянно насторожѣ. Онъ никому не можетъ довѣрять, и никто не довѣряетъ ему. Онъ не можетъ положиться на своего сосѣда и поступать съ другими такъ же, какъ, думаетъ, и они поступаютъ съ нимъ. Такимъ образомъ его жизнь есть одна продолжительная цѣпь эгоизма и страха“ („Доисторическія времена, или первобытная эпоха человѣчества“, пер. подъ ред. Анучина, Москва, 1876, 474).—„Ужасный страхъ передъ неизвѣстнымъ зломъ виситъ, подобно тучѣ, надъ головой дикаря, отравляя каждую его радость и удовольствіе. Душевные страданья, перетерпѣваемые имъ вслѣдствіе этого, ужасныя мученья, налагаемыя ими по временамъ на себя и преступленія, которыми они отягощаютъ свою совѣсть—производятъ въ высшей степени печальное впечатлѣніе“ (ibid., 463). F. Foureau описываетъ бытъ небольшого племени touareg, живущаго въ Сѣверной Африкѣ, въ сухой бѣдной мѣстности. Что удивительнаго, если дикари, не имѣя централизованной власти, привыкаютъ къ кражѣ, къ грабежу, какъ въполнѣ закономѣрнымъ дѣяніямъ, когда физиологическій инстинктъ не засыпаетъ ни одну минуту, властно поработая вялое, мутное сознанье. „La misère, le pillage, les entreprises de guerre de tribu à tribu, les vols de troupeaux et de caravanes, le fractionnement infini par petits

groupes des habitants, naturellement expliqué par le besoin de pâturages pour les troupeaux; l'absence totale de gouvernement, de direction ou même d'impulsion déterminée, voilà le lot dévolu aux Touareg du nord“ („Documents scientifiques de la mission Saharienne“, mission Foureau-Lamy, II, Paris, 1905, p. 840). Вообразите типъ т. наз. „урожденнаго преступника“, силой сложившихся обстоятельствъ съ малыхъ лѣтъ выброшеннаго на улицу, вѣчно безпокойнаго за свою жизнь, свободу, желудокъ. Чувство самосохраненія, этотъ колоссальной силы рычагъ, толкаетъ его и на звѣрское преступленіе. Прячася отъ людей, онъ гдѣ-нибудь въ одинокой тавернѣ за стаканомъ дешеваго вина съ свирѣпымъ взоромъ и стиснутыми кулаками обдумываетъ сложный планъ, который ускори́лъ бы приведеніе страшнаго намѣренія въ исполненіе. Ему чудится хрипъ несчастной жертвы, вотъ простираются къ нему умоляющія руки—скрежеща зубами и впервые свой дикій взглядъ въ одну точку, онъ безъ колебаній и сомнѣній продолжаетъ самъ съ собой детально обсуждать всѣ ньюансы отвратительнаго замысла. У него нѣтъ опредѣленнаго врага, который причинилъ бы ему зло. Его врагъ, смертельный врагъ,—блестящій, богатый, сытый человѣкъ. Море ему по колѣна. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится на пути къ удовлетворенію естественнаго голода, или влеченія къ безпутству и мотовству, которыя сдѣлались его второй природой. Что могло облагораживающе дѣйствовать на умъ и воображеніе такого животнаго? Вся школа его—улица съ ея раздражающими низшіе инстинкты атрибутами. Далеко ли до грѣха? Еще и еще разъ вспоминаешь слова Шопенгауэра, который, вплетая въ свою систему тенденціи Канта, справедливо видѣлъ въ волевыхъ изъявленіяхъ, не контролируемыхъ сознаниемъ, примитивнаго звѣря.—„Das wirklich Ursprüngliche im menschlichen Bewusstsein, das Wollen, geht eben auch allemal vollkommen von Statten: jedes Wesen will unablässig, tüchtig und entschieden. Das Unmoralische im Willen, als eine Unvollkommenheit desselben anzusehen, wäre ein grundfalscher Gesichtspunct; vielmehr hat die Moralität eine Quelle, welche eigentlich schon über die Natur hinaus liegt, daher sie mit den Aussagen derselben in Widerspruch steht. Darum eben tritt sie dem natürlichen Willen, als welcher an sich schlechthin egoistisch ist, geradezu entgegen, ja, die Fortsetzung ihres Weges führt zur Aufhebung desselben“ („Die Welt als Wille und Vorstellung“, Werke, III B., Leipzig, 1877, s.s. 240—41). Будете ли Вы считать нравственность категоріей трансцендентной или имманентной, но Вы должны признать, что отъявленные злоумышленники лишены развитого моральнаго сознанія силою вещей: безпріютность, отсутствіе ласки въ дѣтствѣ, невѣжество, нужда и т. п.—вотъ грозные факторы, которые, изъ еле замѣтныхъ зѣренъ разрастаются въ пышное дерево, своими гнилыми и колючими сучками приносятъ немало хлопотъ властямъ. Эти-то факторы рождаютъ животный эгоизмъ, холодное озлобленіе, поддерживая глубокую ненависть къ добрымъ социальнымъ традиціямъ и отношеніямъ. Но тутъ дикарь и нашъ закоренѣлый злоумышленникъ-рецидивистъ—два

различныхъ полюса. D-r Steinmetz вѣрно говорилъ на 5 антрополог. конгрессѣ въ Амстердамѣ:—„Совершенно невѣроятно, чтобы нашъ подлинно-урожденный преступникъ походилъ на нормальнаго дикаря. Первый особенно характеренъ своимъ свирѣпымъ (férocé) эгоизмомъ, второй—преданный членъ своей группы, нравы и интересы которой онъ уважаетъ и защищаетъ. Дикарь очень нѣжно относится къ дѣтямъ, которыхъ преступникъ оставляетъ на произволъ судьбы; дикарь жестокъ только съ врагомъ, преступникъ жестокъ со всѣми“ („L'ethnologie et l'anthropologie criminelle“,—Compte rendu des travaux de la cinquième session tenue à Amsterdam, Amsterdam, 1901, p. 100—101). Обратитесь къ тюрмѣ. Кто ея обитатели? Em. Laurent, знатокъ вопроса, удостовѣряетъ, что умственное развитіе („intelligence“) преступниковъ въ большинствѣ случаевъ стоитъ на уровнѣ ниже средняго („au-dessous de la moyenne“). D-r Hurel (Annales médico-psychologiques, 13 t., 1875, p. 168) говорить:—„Вообще воспитаніе тюремныхъ завсегдатаевъ—нуль. Очень мало умѣютъ читать и писать. Нѣкоторые умѣютъ лишь читать, огромное большинство ничему никогда не училось. Тѣмъ не менѣе извѣстное число не лишено умственныхъ способностей. Педерастія и онанизмъ—обычные пороки въ нашихъ тюрьмахъ, на зло активному надзору, которому заключенные подвергаются и день и ночь. Трудно представить себѣ, до чего нравственное раслабленіе и развратъ доводятъ нѣкоторыхъ арестантовъ. Отсюда эти отвратительныя связи, которыя ведутъ за собой сцены ревности, кончающіяся часто насиліемъ“. Называя такихъ субъектовъ дикарями и нравственно-помѣшанными, Ломброзо не столько обосновывался на какихъ либо научныхъ доказательствахъ, сколько выражалъ ходячее общественное мнѣніе. Отчаяннаго вора, безстыднаго насильника, отвратительнаго убійцу толпа зоветъ и дикаремъ и идиотомъ, лишеннымъ чувства нравственной отвѣтственности. Отсюда далеко до объективнаго правомочія, проводя аналогію между урожденнымъ преступникомъ и дикаремъ, видѣть въ первомъ несомнѣнныя черты атавизма. Аналогія эта не состоятельна между прочимъ по тому соображенію, что при допущеніи существованія дикаря въ нашемъ обществѣ и—на ряду съ этимъ—дикаря въ первобытномъ, слѣдовало бы, пожалуй, притти къ выводу о различныхъ примитивно-органическихъ наклонностяхъ того и другого. —„Что касается сходства урожденного преступника съ дикаремъ, замѣчаетъ Краерейн въ своей статьѣ „Lombroso's Uomo delinquente“, то оно во многихъ отношеніяхъ должно считаться лишь внѣшнимъ. Какъ разъ то обстоятельство, что первый въ обществѣ, далеко ушедшемъ впередъ по пути культуры и прогресса, одинаково развивается, какъ и послѣдній въ пустынѣ, указываетъ вѣдь больше на то, что первоначальныя наклонности обоихъ различныхъ“ („Zeitschrift für die ges. Strafrechtswissenschaft, V, 1885, s. 679). Но доказать, что люди рождаются съ опредѣленнымъ запасомъ хорошихъ или дурныхъ стремленій, никому еще не удалось. Напротивъ, въ наукѣ прочно установлено *нѣкоторое*, хотя точно неизвѣстное, вліяніе среды. Если ужъ итти по направленію Лом-

брозо, ошибочно видѣтъ атавистическія черты исключительно у законренѣлыхъ злодѣевъ европейской цивилизаціи. Какъ бы не такъ! Почему бы ихъ не найти, примѣрно, у нашихъ прелестныхъ дамъ и очаровательныхъ дѣвицъ? Зайдите въ театръ, концертный залъ, посмотрите на эти головные уборы, въ которыхъ съ перваго взгляда не такъ-то легко разобраться. Присмотритесь къ нимъ поближе, внимательнѣе. Изучайте причудливую тайну красоты, вѣрнѣе сказать—безобразія, безвкусіи. Какая уродливость! Отказываясь отъ рѣшенія труднаго вопроса, кто дѣлаетъ изъ представительницъ прекраснаго пола пустыхъ и замѣчательно глухихъ маріонетокъ, онѣ сами, мужчины, или социальныя отношенія,—не можемъ не обратить вниманія, что у современной европейской женщины, въ виду ея сравнительно низкаго культурнаго уровня, легко констатировать тѣ же тенденціи къ украшенію, которыя свойственны первобытнымъ народамъ и дикарямъ. Мы только что говорили о головныхъ уборахъ. Lubbock („Les origines de la civilisation“, Paris, 1873, p. 64) удостовѣряетъ, что „жители острова Viti отдаютъ много времени и вниманія своему головному убору... Большинство начальниковъ имѣетъ спеціального парикмахера, которому они обыкновенно посвящаютъ нѣсколько часовъ ежедневно. Ихъ прически часто достигаютъ болѣе трехъ футовъ въ окружности“... Ad. Bastian („Die Völker des östlichen Asiens“, I Band—Die Geschichte der Indochinesen, Lpz., 1836, s. 127) рассказываетъ, что бирманцы придають большое значеніе длиннымъ волосамъ, которые они завязываютъ на головѣ въ одинъ узелъ, насмѣшливо глядя на коротко, какъ щетка, стриженные волосы сіамца, что означаетъ у нихъ преступника“. Вспомните, какъ смотритъ дѣвица „общества“, одѣтая по послѣдней модѣ, на курейску съ ея стриженными волосами и незатѣйливымъ платьемъ... Какая ненависть, какое злорадство! А ушные и ручныя украшенія?! Всѣ знаютъ, какъ дикари любятъ пестрыя погремушки. За дешевый камень, за блестящую ничтожную цѣны они пойдутъ на все. Мужъ отдастъ свою жену, отецъ свою дочь. Женщины и дѣвушки устраиваютъ безстыдныя оргіи съ офицеромъ или матросомъ иностраннаго корабля за какой-нибудь brimborion. И это нисколько не мѣшаетъ неприкосновенности и святости семейныхъ узъ среди туземцевъ (См. Max Radiguet: „Les derniers sauvages“, Paris, 1882, p. 188). Вамъ развѣ не извѣстны случаи, когда европейская женщина хорошаго круга изъ-за шелковаго платья, брилліантовой бездѣлушки, экипажа нерѣдко жертвуетъ своей честью? А всѣ эти декольтэ и подобныя возмутительныя средства, которыя вдобавокъ къ естественнымъ чарамъ направлены къ вящему плѣненію мужчины? Ferrero въ своей статьѣ „L'atavisme de la prostitution“ (Revue scientifique, 50 t., 1892, p. 137) утверждаетъ, что „дикимъ расамъ чувство стыдливости очень часто совершенно не знакомо. Это особенно усматривается изъ того факта, что онѣ голы“. Намъ знакомо это чувство? Скажите, въ какой мѣрѣ? Попробуйте объявить типичной посѣтительницѣ симфоническихъ, литературныхъ и под. вечеровъ, что, удлинняя голову безобразной прической,

похожей на добрый возъ сѣна, блистая драгоценными камнями, въ которыхъ застывшія слезы переливаются цвѣтами радуги, оставляя обнаженной половину груди, путемъ мудреныхъ махинацій безжалостно стягивая тѣло, она напоминаетъ безобидную обитательницу одного изъ Сандвичевыхъ острововъ, ничтожную по своему умственному развитію!... Желаніе правиться мужчинамъ настолько властно, такъ глубоко, видимо, коренится въ натурѣ, что неизбѣжнымъ физическимъ страданьемъ совершенно пренебрегаютъ. Lubbock („Les origines de la civil., op. cit., p. 63) замѣчаетъ: „Понятно, что должны вытерпѣть китайскія женщины, дѣлая себѣ маленькія ноги; сдавленіе талии корсетомъ у европейекъ еще куда вреднѣе“... Маленькая нога китаянки—причта во языцѣхъ. Въ ней лежитъ весь секретъ красоты и изящества. Matignon въ статьѣ „A propos d'un pied d'une chinoise“ говоритъ: „Для мужа нога интереснѣе фигуры. Одинъ только мужъ можетъ видѣть голую ногу своей жены. Китайская женщина не легче покажетъ мужчинамъ свои ноги, чѣмъ европейка—грудь“ (Archives d'anthrop. crim., 13 t., 1898, p. 415). И если, скажемъ, парижанка всю силу находящихся въ ея распоряженіи средствъ направляетъ въ сторону возможнаго суженія талии, развѣ вопросъ о существѣ мѣняется? И тутъ и тамъ мы имѣемъ въ наличности одни и тѣ же извращенныя, „дикія“ соображенія. „Das ewig Weibliche“—принципъ этотъ достигаетъ своего реальнаго воплощенія такимъ уродливымъ, искусственнымъ путемъ? Что сказать о нашихъ нарядахъ съ ихъ кричащимъ блескомъ?... Уже изъ сравнительнаго землеописанія всякому извѣстно, насколько падки дикари къ пестрымъ, рѣзко бросающимся въ глаза, атрибутамъ внѣшняго платья (перья и проч.). Заснмъ, Вы, конечно, знаете, что признакомъ особаго тона въ нашемъ миломъ обществѣ между прочимъ считается заращиваніе ногтей на пальцахъ рукъ, особенно на мизинцѣ. Намъ по крайней мѣрѣ приходилось наблюдать это безобразное, бессмысленное украшеніе на немаломъ числѣ выхолощенныхъ, дорогихъ рукъ съ ихъ нѣжными жилками. Эти длинныя ногти составляютъ объектъ самаго тщательнаго, изысканнаго ухаживания. Они старательно по нѣсколько разъ въ день чистятся; ими гордятся, какъ если бы рѣчь шла о вполне заслуженномъ трофее. Насъ только удивляетъ, что никто еще не додумался до окрашиванія ногтей въ какой либо излюбленный цвѣтъ. Бѣдные европейцы! Иногда они бываютъ такъ несообразительны! William Marsden въ своемъ изслѣдованіи о Суматрѣ (op. cit., I, p. 81) удостовѣряетъ, что „лица, занимающія высокое положеніе, чрезмѣрно заращиваютъ свои ногти, особенно на указательномъ пальцѣ и мизинцѣ; часто они красятъ ихъ краснымъ сокомъ, добываемымъ изъ дерева по названію Ceni“... Ну, скажите—допустимо ли, чтобы на островѣ Суматрѣ по части внѣшнихъ украшеній перегнали насъ, интеллигентныхъ и просвѣщенныхъ европейцевъ? Интеллигентный, просвѣщенный европейецъ!... Звучатъ эти слова гордо! Зачѣмъ однако обманывать себя? Приподнимите немного внѣшнюю завѣсу, присмотритесь къ жизни милліоновъ людей буржуаз-

наго класса, прислушайтесь къ біенію сердца, спрятаннаго подъ изящной жилеткой, попытайтесь проникнуть въ помыслы, идеалы Durchschnittsmensch-a, и Вы съ ужасомъ отвернетесь отъ отвратительной картины, начертанной кистью нашей гніющей цивилизаціи. Нельзя быть сколько-нибудь искреннимъ человѣкомъ и не считать наши нравы, традиціи и обычаи бессмысленными, ничтожными и жестокими. У кого изъ образованныхъ людей не являлось желаніе, порвавъ всё связи съ галантными манекенами нашей жизни, убѣжать за тридевять земель, лишь бы не видѣть подлости и лицемерія, того пестраго зоологическаго сада, гдѣ хищные звѣри, самодовольно скаля зубы, разгуливаютъ гордо, съ сознаніемъ собственного достоинства? Убѣжать хотя бы къ незатѣйливымъ дикарямъ, которыхъ омываетъ далекій, широкогрудый, вольный океанъ! Вы помните у Heine: „Seidne Strümpfe, höfliche Manschetten... ach, wenn sie nur Herzen hätten“... (Цитируя наизусть, извиняемся за могущую вкрасться неточность). Бельгіецъ M. Maris въ своей увлекательной книгѣ (Souvenirs d'Amérique. „Relations d'un voyage au Texas et en Haïti“, Bruxelles, 1863) рассказываетъ, что во время пребыванія въ Америкѣ, желая изъ любопытства навѣстить одно изъ дикихъ индѣйскихъ племенъ, онъ на каждомъ шагѣ слышалъ добрые совѣты, которые приводились къ энергичному предостереженію отъ столкновенія съ индѣйцами, страдающими инстинктомъ къ воровству и убійству. Авторъ, преодолѣвъ страхъ и опасенія, рѣшилъ сблизиться съ дикарями. Они оказались милыми, гостепріимными людьми съ прекрасными традиціями. Пробывъ нѣкоторое время въ чуждомъ обществѣ, присмотрѣвшись къ жизни примитивныхъ людей, Maris въ слѣд. словахъ излагаетъ свое, нѣсколько романтическое, настроеніе: — „Искренне сознаю — живя у этихъ индѣйцевъ, я неоднократно сожалѣлъ о принадлежности къ болѣе просвѣщенному классу человѣческой расы, о невозможности снизойти до уровня дикарей. Я ревновалъ, я завидовалъ ихъ счастью, имъ — всегда беззаботнымъ, веселымъ, здоровымъ, лишеннымъ физическихъ уродствъ, живущимъ безъ всякой задней мысли, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, безъ хлопотъ о будущемъ: въ частности смерть много ихъ не пугаетъ. Имъ совершенно не знакомо безсмертіе души. Напротивъ, образованный человѣкъ, съ колыбели стиснутый клещами жизненныхъ потребностей, подъ вліяніемъ воспитанія, всегда извращеннаго съ его смѣшными предразсудками, влачитъ существованіе, порой несчастное до самаго гроба, развѣ лишь отчаяніе, или избытокъ страданій толкнуть его, придавленнаго тяжестью невзгодъ, на самоубійство“ (р. 75). Не думайте, что мы идеализируемъ дикарей; Вы ошибетесь, допуская мысль, будто авторъ этой скромной работы желаетъ, чтобы европейцы, которымъ душно у себя дома, поселились въ шалашахъ на берегахъ Миссури... Мы указываемъ лишь, что наша жизнь въ сравненіи съ обычаями примитивныхъ народовъ, жестоко осмѣиваемыхъ, кишитъ микробами псевдо-идеологическихъ цѣнностей. Распущенность, пошлость, лицемеріе, развратъ — вотъ вѣрные спутники нашей блестящей куль-

туры съ ея опереттой и кинематографомъ, автомобилемъ и беспроволочнымъ телеграфомъ, скачками и футболомъ. Приглядитесь къ физиономіи большого центра съ ея золотой молодежью, кокетками, ресторанами, домами свиданья. Чуть только западная часть неба покрывается пурпуромъ, и зажигаются огни въ ту минуту, когда таинственный шопотъ въ воздухъ, прощаясь съ днемъ, тая встрѣчаетъ блѣдныя сумерки, пелена учтивости и благообразности спадаетъ, и звѣрь, мясистый, сытый звѣрь, съ блестящими глазами выходитъ на добычу... Кто не слышалъ о противоестественныхъ формахъ утонченнаго разврата, какъ благосклоннаго дара, щедро поднесеннаго намъ капиталистической цивилизаціей? А на Суматрѣ, по свидѣтельству William-a Marsden, совершенно неизвѣстны виды тѣхъ страшныхъ, отвратительныхъ преступленій, которыя направлены противъ природы. „Il n'y a pas même de mot dans leurs langues pour exprimer de pareilles horreurs“ (op. cit., II, p. 45). У кого, стало быть, образованнымъ, выхоленнымъ и умнымъ джентльменамъ надо учиться? Запасишь нашатырнымъ спиртомъ, взгляните на одну минуту за кулисы нашихъ обществъ, сословія съ ихъ внѣшнимъ товариществомъ, съ ихъ наружной солидарностью. Вы въ ужасъ придете отъ тѣхъ хитроумныхъ сплетеній, которыя, питаясь завистью и ненавистью, съ безмысленной жестокостью направлены въ сторону униженія, опозоренія почему либо нежелательнаго члена. Съ дерзкой откровенностью, подчасъ низкой трусливостью изъ-за угла, пускаются въ ходъ всѣ средства. Безстыдная подлость не составляетъ исключенья. Развѣ это не примитивный каннибализмъ, приправленный сладкимъ европейскимъ соусомъ? Какъ защищаться человѣку, на котораго сразу нападаетъ полдюжина кровожадныхъ тигровъ съ ихъ отвратительной, вонючей пастью? О борьбѣ на матеріальной почвѣ и говорить нечего: разнузданный эгоизмъ, засучивъ рукава и молодецки подбоченившись, съ поразительнымъ безсердечіемъ, нахально и цинично изрыгаетъ хулу на т. наз. мораль и прочія высокія матеріи... Замѣчательно, что дикарь извращаетъ свою прямую, честную натуру постольку, поскольку онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ европейцемъ,—весьма похвальная аттестация для этого послѣдняго! На стр. 218 второй части своего большого изслѣдованія „Die Anthropologie der Naturvölker“ („Die Negervölker und ihre Verwandten“, Leipzig, 1860) Theodor Waitz, говоря о неграхъ, утверждаетъ, что мѣра ихъ честности находится почти повсюду въ зависимости отъ степени общенія съ европейцами; что честность и искренность царятъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя менѣе доступны были бѣлымъ. D-r Felix Maynard въ своей книгѣ („Voyages et aventures au Chili“, Paris, 1858, p. 274) описываетъ безрадостную картину разложенія, которое внесли съ собой въ страну испанцы. Что можетъ возразить на это Европа? Въ отвѣтъ она поблеститъ нарядомъ изъ „Bois de Boulogne“ или „Unter den Linden“ и, надувъ губы, отвернется молча спиной, какъ капризная и грубо испорченная дѣвушка, которая не желаетъ выслушивать спра-

ведливыхъ упрековъ. Paul Barth въ ст. „Die Geschichte der Erziehung in sociologischer Beleuchtung“ замѣчаетъ, что культурное чело-вѣчество все болѣе сростається въ единое, цѣльное тѣло (Vierteljahr-schrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie, 35 Jahrgang, 1911, s. 57). Нѣтъ сомнѣнья, что капитализмъ твердо, увѣренно и быстро шагаетъ по картѣ земного шара, норовя заглянуть во всѣ его углы. Надо ли радоваться такому явленію? Ктó останется въ выигрышѣ? Дикари, или бѣлые? Теперь мы положительно знаемъ одно: не одни негры, но бушмены, готтенты и др. могли бы многому научить европейца. О бушменахъ: „Путешественники увѣряютъ, что они въ своемъ кругу ве-селе, безобидные люди, безусловно привѣтливы и добродушны, щедры, общительны съ своими друзьями и дѣтьми, вѣрны своему обѣщанію и полны благодарности за оказанное добро“ (Waltz, II, 345). О готтенто-тахъ:—„Ихъ надежность, любовь къ правдѣ, мирное добродушіе, вза-имная щедрость часто восхвалялись. Они также во многихъ случаяхъ выказывали себя благодарными и преданными“ (ibid. p. 341). Лѣббокъ („Доисторич. времена“..., op. cit., 387) о таитянахъ: „По своему характеру, говоря словами Кука, таитяне были великодушный, мужественный, пря-мой и честный народъ, и имъ отнюдь нельзя было сдѣлать упрека въ вѣроломствѣ, жестокости или мстительности. Они были очень заботливы въ дѣлѣ воспитанія. Женщины ихъ были привязчивы, нѣжны, послушны; мужчины отличались тихимъ и великодушнымъ характеромъ. Разсер-дить ихъ было трудно, а успокоить весьма легко“. Mathew Flinders говоритъ о жителяхъ острова Маврикія: „Ни въ одномъ мѣстѣ, ни у одного народа я не встрѣчалъ такого гостепрѣимства, больше вниманія въ отношеніи чужестранцевъ, такого сочувствія къ страданіямъ ближ-няго, въ независимости отъ происхожденія этого послѣдняго,—какъ я самъ на себѣ испыталъ на Маврикіи“ („Reise nach dem Austral-Lande“, Neue Bibliothek der wichtigsten Reisebeschreibungen, aus dem englischen von Götze, VI B., Weimar, 1816, s. 726). „Юлофы, замѣчаетъ Waltz (ib. II, s. 213), у которыхъ продажѣ подлежатъ лишь преступники, быють своихъ ра-бовъ рѣдко, никогда не обременяють ихъ чрезмѣрной работой, ѣдятъ съ ними изъ одного блюда, заботятся объ ихъ дѣтяхъ, какъ о своихъ собственныхъ. Когда свободный челоувѣкъ соблазнить рабу, онъ долженъ возмѣстить покупную сумму, а раба получаетъ свободу“.—„Почтеніе дѣ-тей къ родителямъ часто восхвалялось. Приказаніямъ отца дѣти пови-нуются точно и добросовѣстно, хула на родителей оскорбляетъ ихъ больше побоевъ, а именно: наиболѣе чувствительной обидой считается неуваженіе, оказываемое на словахъ ихъ матери; это они называютъ „проклятемъ по адресу матери“ (Waltz, II, s. 122).—„Не имѣть дѣтей у негра почитается однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій, которое только можетъ его постигнуть. Бесплодіе для женщины есть символъ позора, а въ нѣкоторыхъ странахъ доказательство грубаго распутства въ прежней жизни. Въ Анголѣ бесплодіе подвергается всеобщимъ на-смѣшкамъ, и женщина иногда это такъ глубоко воспринимаетъ, что

кончаетъ самоубійствомъ“ (Waitz, II, s. 121). Посмотрите, что дѣлается у насъ: не имѣть дѣтей—большое счастье. Такимъ путемъ сохраняются и свѣжесть и красота тѣла, которое можно обнажать не только безнаказанно, но и при торжествующемъ самолюбіи. Сколько гнилыхъ нечистотъ накопилось въ нашемъ обществѣ на почвѣ выкидыша, Вы знаете изъ соціального романа Zola о материнствѣ (Fécondité). Вы наблюдали отношенія хозяйки дома къ такъ наз. прислугѣ? Есть ли въ нашемъ правовомъ государствѣ существо беззащитнѣ дѣвушки, находящейся въ услуженіи у господъ? Пятнадцатичасовой каторжный трудъ, ничтожное жалованье, плюсъ ругань, насмѣшки и обиды, которыя отягчаются назойливымъ приставаніемъ и со стороны почтеннаго главы семейства и со стороны милыхъ сыновей, тѣхъ самыхъ, что, помимо гнилыхъ зубовъ, носятъ пестрые галстуки и безукоризненные котелки. Бѣдняжка одиноко плачется надъ своей судьбой, въ тайникахъ души рѣшая покориться колоссальной силѣ буржуазнаго устоя, этого свалочнаго мѣста культуры. Отрѣшились ли мы вполне отъ вассальныхъ привычекъ? Рабство у насъ—лишь историческій анахронизмъ? А уваженіе дѣтей къ родителямъ? Европейецъ утонченно возвращень. Онъ умѣетъ погашать упрекъ искусно. Въ ходъ пускаются теоретическія выкладки. Пулеметь надо умѣть лишь навести. Въ запасѣ держится десятокъ-другой измовъ, которые играютъ роль разговорной шрапнели. Какой ужасъ, когда родители вынуждены, руководствуясь 194 ст. Зак. Гр., а то еще 143-й Уст. о нак., обращаться къ содѣйствию суда! Какое разложеніе въ нравахъ, какая гниль въ чувствахъ, которыя должны быть священны! Что сказать о брачныхъ и семейныхъ отношеніяхъ? О всей этой длинной серіи номинально нѣжныхъ, но въ сущности чуждыхъ другъ другу, супруговъ? William Marsden (op. cit., II, p. 63) рассказываетъ, что жители Суматры, несмотря на разрѣшеніе закона, чрезвычайно рѣдко имѣютъ болѣе одной жены. „Правило воздержанія у нихъ сильнѣе соблазна беспорядочнаго вождельнія“. Скажите, развѣ европеецъ можетъ не краснѣть, читая эти строки? Много ли Вы найдете среди насъ добродѣтельныхъ мужей? Что такое въ нашемъ обществѣ бракъ, который по смыслу церкви есть таинство, въ мірѣ находящее свое выраженіе въ неразлучномъ сожителствѣ двухъ половинокъ, восполняющихъ другъ друга?—*Separatio bonorum, animarum corporumque!* Намъ, адвокатамъ, соприкасающимся съ различными классами населенія, извѣстно хорошо, какой миръ, какое благоволеніе царятъ въ отношеніяхъ семейныхъ; намъ извѣстно, что супружеская жизнь въ предѣлахъ пяти комнатъ нерѣдко превращается въ филиальное отдѣленіе Дантовскаго ада, гдѣ обморочные и истеричные призраки, нелѣпо смѣшавшись съ нахальными зачинщицами—обидой и угрозой, беспорядочно толкутся вмѣстѣ, а при гостяхъ и постороннихъ ловко прячутся за картины и портреты. Этотъ разладъ, доходящій до взаимной ненависти, иногда распутства одной или обѣихъ сторонъ, вызывается въ большинствѣ случаевъ духовнымъ ничтожествомъ мужчины, который, возводя принципъ борьбы за суще-

ствование въ культѣ, цѣликомъ уходитъ въ самую глубь житейской шахты: отъ безконечныхъ расчетовъ голова хочетъ отдохнуть, а тѣло, въ возмѣщеніе невзгодъ, получить наслажденіе. А потомъ все больше и больше острыхъ ощущеній. Жена тѣмъ временемъ скучаетъ. Но скука, гов. Proal, опасна. Скучающая женщина пытается найти возбужденіе или приключеніе, которыя могли бы ее развлечь, изъ страсти сдѣлать забаву. Она начинаетъ сожалѣть о своей добродѣтельной жизни, любовь мужа кажется ей безвкусницей (fade), преступная любовь предстаетъ въ поэтическомъ ореолѣ... („L'adultère de la femme“, Archives d'anthrop. crim., 15 t., 1900, p. 297). D-r Lauptz („Perversion et perversité sexuelles“, Paris, 1896, p. 362) правильно считаетъ причиной нашей безалаберной неуравновѣшенности отсутствіе вѣры, высшей цѣли („l'absence d'une foi, d'une croyance à un but supérieur“). А если мы лишены даже благороднаго идеала, во имя котораго только и стоитъ жить—не даромъ вѣдь кичимся мы своей культурой—то дикари безконечно выше стоятъ насъ со всей своей мнимой жестокостью, нравственной и физической уродливостью! Когда нерѣдко вопросъ о сохраненіи супружеской вѣрности со стороны жены исключительно зависитъ отъ плаомѣрнаго и содержательнаго занятія—чисто формальнаго признака—у насъ не только нѣтъ серьезнаго основанія приписывать европейской женщинѣ особыя (прирожденные?) нравственные качества въ отличіе отъ полового dévergondage-а дикихъ, но мы имѣемъ право сказать, что чѣмъ бдительнѣй окажется надзоръ за женщиной, тѣмъ поневолѣ будетъ она добродѣтельнѣй. Но при такомъ условіи европейка въ моральномъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ женщинъ первобытныхъ племенъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ:—„Цѣломудріе якутскихъ женщинъ находится въ прямой зависимости отъ строгости надзора за ними, и нужно отдать справедливость—надзоръ, когда онъ признается необходимымъ, очень строгъ, хотя для замужнихъ и не всегда достигаетъ цѣли, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ пользуются большей свободой“ (Троцанскій „Любовь и бракъ у якутовъ“—къ матеріаламъ по якутскому брачному праву, С.П.Т., 1909, стр. 3). На недоразумѣніи обосновано также мнѣніе о жестокости дикихъ. „Исцѣлился самъ“—такъ надо отвѣтить европейцу, который въ хорошемъ обществѣ съ пѣной у рта громить дикарей за ихъ безчеловѣчность и звѣрство. Мы очень мягки и снисходительны? Вспомните, какая часть бюджета тратится на военныя приготовленія! Вспомните, какія только стратегическія махинаціи не нашли своего осуществленія въ видахъ умерщвленія возможно большаго числа враговъ (мины и подводныя лодки, ядовитыя пули и пр.)! Авиатика, событіе высокой важности и историческаго значенія, на первомъ планѣ не приспособляется къ цѣлямъ и соображеніямъ враждебнаго свойства? Мы вполне солидарны съ Henri Joly, который въ первой работѣ своей „трилогіи“ („Le crime“, étude sociale, Paris, 6. об. г., p. 6) требуетъ въ доказательство атавизма преступленія подтвержденія слѣдующихъ двухъ положеній: 1) чтобы въ наши дни преступленіе находилось въ

полномъ противорѣчїи по крайней мѣрѣ со всѣми наличными наклонностями нашей природы; 2) чтобы у нашихъ отдаленныхъ предковъ преступныя дѣйствїя были обычными, нормальными явленїями, подобно потребностямъ ихъ физической или умственной организаціи. Однако, преступленіе культурной эпохѣ человѣчества далеко не чуждо. Мало того—оно нерѣдко и надолго свиваетъ себѣ уютное гнѣздо бокомъ о бокъ съ формальной честностью и незапятнанной репутаціей, не только не оскорбляя эстетическаго чувства, но уживаясь прекрасно со всѣми естественными привычками субъекта. Равнымъ образомъ, никто, кромѣ людей, влюбленныхъ въ партїйную тенденціозность, не станетъ говорить о преступленїи, какъ нормальномъ, обычномъ явленїи у первобытныхъ и дикихъ народовъ, которые весьма нерѣдко по благородству и чистости натуры куда выше стоятъ европейцевъ. Въ своемъ изслѣдованїи „Прогрессъ, какъ эволюція жестокости“ (С.П.Т., 1899) М. Энгельгардтъ говоритъ: „Прогрессируя умственно, человѣчество регрессировало нравственно. Нравственный регрессъ до недавняго времени былъ синонимомъ цивилизаціи. Говорятъ иногда, указывая на пытки, свирѣпыя войны и т. п.—это явленіе атавизма, переживанїя, побужденїя звѣрскихъ инстинктовъ, присущихъ нашему доисторическому предку и сказывавшихся, несмотря на общее движеніе къ смягченїю нравовъ. На самомъ же дѣлѣ явленїемъ атавизма были единицы,—проповѣдники и учителя, въ которыхъ возрождалось первобытное благодушїе, несмотря на общее движеніе человѣчества къ озвѣренїю, несмотря на прїобрѣтенную въ теченіе исторїи свирѣпость“ (30).—„До сихъ поръ—гдѣ раздаются клики во славу справедливости, гдѣ развивается знамя съ девизомъ „Братство“—тамъ кого-нибудь душатъ, кого-нибудь травятъ, истязаютъ какую-нибудь невинную, случайно подвернувшуюся, жертву! Безъ этого не обходится“ (15). Посмотрите, что дѣлаютъ европейцы—англичане и испанцы—съ туземцами порабащаемыхъ странъ! Нѣтъ тѣхъ мученїй, которымъ не подвергались бы „дикие“ подъ эгидой бѣлой гидры. Неизвѣстный авторъ интереснаго, хотя и неглубокаго, двухтомнаго труда (М... „Souvenir des Antilles“, Paris, 1818, I—II) рассказываетъ, что въ Гваделуппѣ (Pointe-à-Pitre) имѣлись солдаты, набранные изъ черныхъ племенъ для служенїя Англїи.—„Ces noirs sont menés plus durement que les esclaves des habitations. Il faut peu de chose pour qu'ils soient mis à nud jusqu'à la ceinture et frappés de verges, le médecin touchant le pouls, afin d'arrêter les bourreaux aux limites de la vie“ (II, p. 77). Какая милая картинка! И палачи и розги и докторъ! И Англїя гордится Кэмбриджъ и Оксфордъ! Своей magna charta! Heinrich Koster удостоверяетъ, что въ Бразилїи рабамъ было лучше, чѣмъ въ британскихъ колонїяхъ („Reisen in Brasilien“—Neue Bibliothek der wichtigsten Reisebeschreibungen, XI B., Weimar, 1817, ss. 566—67). Г. Юнїнъ („По Южной Америкѣ“, С.П.Т., 1896) откровенно излагаетъ факты: „Въ Сѣверной Америкѣ европейскїе переселенцы прежде всего хотѣли колонизовать страну, усвоить ее окончательно и навсегда, а потому, желая обезпе-

читать себя спокойную работу, своими собственными руками должны были избавиться от мѣстных дикарей и хищниковъ, работа которыхъ имъ не была нужна. Оттуда жестокое истребленіе людей (I, стр. 68). Извольте послѣ этого конструировать понятіе права, какъ нѣкую жеманную куклу съ розовыми бѣлками на лицѣ! Что касается первобытныхъ народовъ, то на самомъ дѣлѣ никакой жестокости *an und für sich* у нихъ нѣтъ. Если дикари совершаютъ преступленія, на это побуждаютъ ихъ извѣстные социальныя мотивы, общественныя традиции, которыя всосались съ молокомъ матери.—„Утвержденіе, будто у дикарей преступность составляетъ правило, а не исключеніе, замѣчаетъ въ своей образцовой работѣ D-r Havelock Ellis, ведетъ лишь къ запутыванію нашихъ понятій. Среди множества народностей низшей культуры дѣто-и отцеубійство, кража и пр. не являются вовсе безусловно антисоциальными поступками, они скорѣе служатъ социальнымъ цѣлямъ и оттого не могутъ оскорблять социальнаго чувства“... („*Verbrecher und Verbrechen*“, Leipzig, 1895, s. 223; *Bibliothek der Socialwiss. mit besond. Rücksicht auf soc. Anthropologie und Pathologie von Hans Kurella, 4 Band*). Waitz (op. cit., II, s. 157), касаясь уголовного процесса негровъ, указываетъ на широко распространенное у нихъ примѣненіе ордалій (яды, рвотныя и очистительныя средства, соприкасаніе съ раскаленнымъ желѣзомъ и проч.). Развѣ у насъ средніе вѣка не изобиловали пытками и мученіями, которыя рожало и вскармливало грубое невѣжество? И если мы нынѣ гордимся гуманнымъ кодексомъ, слѣдуетъ за каждой отдѣльной нормой видѣть морщинистое лицо, какъ символъ тяжелой борьбы и сложныхъ переживаній, историческихъ и социальныхъ. Намъ при этомъ приходится на мысль слова Тaine-а, который съ свойственнымъ ему блестящимъ дарованіемъ въ своей извѣстной работѣ „*La Fontaine et ses fables*“ (Paris, 1892, p. 168) въ слѣдующихъ выраженіяхъ передалъ сущность культурной исторіи: — „Наглядисься вдоволь на человѣка, и у тебя нѣтъ желанія больше смотрѣть на него. Устаешь, онъ наводитъ грусть. Слишкомъ много на челѣ его морщинъ. Онъ слишкомъ уменъ, онъ переутомился. Сотни вѣковъ, тысячи революцій, миллионы накопленныхъ, преобразованныхъ, скрещивающихся думъ изборождали, отполировали его душу. Самъ онъ ничего не далъ, все приобрѣтено. Каждый жестъ, очертаніе лица, каждая складка платья говоритъ о колоссальной работѣ: мы подавлены тяжестью собственнаго опыта и влачимъ за собой, словно цѣпь, цѣну усилій и печалей восьмидесяти поколѣній“. Основываясь на соображеніи, въ какихъ трудныхъ мукахъ рождаются, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергаются наши идеологическіе факторы, слѣдуетъ съ сугубой осторожностью подходить къ критикѣ нравственной фізіономіи первобытныхъ народовъ, кто бы Вы ни были—этнографъ или историкъ, психологъ или криминалистъ. Традиція дикарей страны; онѣ могутъ своей наивностью, подчасъ излишней жестокостью, вызвать въ насъ недоумѣніе, но отношудъ не порицаніе и ненависть. Вотъ примѣръ: наряду съ обезцѣненіемъ чело-

вѣческой жизни посмотрите, какимъ благоговѣніемъ окружается память объ умершихъ. Philippe Hettinger въ своемъ изслѣдованіи „L'univers et l'évolution du monde“ говоритъ объ австралійцахъ:—„Удивительное дѣло—у этого народа, лишеннаго религіознаго чувства, однако господствуетъ замѣчательное уваженіе въ отношеніи мертвыхъ. Нерѣдко можно видѣть австралійца, который влечитъ за собой кости усопшаго родственника, или мать, несущую останки грудного младенца, для нея погибшаго. Эта любовь дѣлаетъ священнымъ мѣсто отдохновенія покойниковъ“ (Paris, 1907, p. 621). Посмотрите, съ какой кротостью, въ какомъ лучезарномъ спокойствіи умираетъ дикарь, который, не зная ужасовъ потусторонняго міра, смотритъ на смерть—употребляемъ выраженіе Radiguet: „Les derniers sauvages“, op. cit., p. 244—какъ на „поцѣлуй боговъ“. А намъ европейцамъ уже съ тридцати лѣтъ, эпохи зрѣлаго мышленія, философы упорно (и, какъ кажется, тщетно) стараются вдолбить идею смиренія передъ фатальнымъ концомъ (Помните у Guyau—„ne pas être lâche“,—„L'irréligion de l'avenir“, p. 475). Сколько у насъ предрасудковъ — видимо-невидимо! Взять хотя бы известное сочетаніе цифръ 1 и 3. Тутъ тоже сказывается атавизмъ?... Смѣшно подумать — взрослые люди способны бѣжать отъ тринадцати и понедельника! Что сказать о нашихъ знахаряхъ-шестунахъ, оборотняхъ, лѣшихъ и т. д.? Между великоросомъ съ его „кикиморой“, „шестуномъ“, „плотникъ-печникомъ“ и любымъ дикаремъ, поработаннымъ узами фетишизма, нѣтъ, какъ намъ кажется, никакой разницы. Рѣчь идетъ въ такихъ случаяхъ не объ атавизмъ, а невѣжество,—явленію, которое поддается измѣненію. (Ср. работу Максимова:—„Нечистая, невѣдомая и крестная сила“—этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева—С.П.Т., 1903, 1 гл. съ изслѣдованіемъ Ad. Bastian-a: „Reisen in Siam“—Die Völker des oestlichen Asien, III B., Iena, 1867, s.s. 247 и сл.). Мы мало понимаемъ дикарей, считая ихъ выродками челоѣчества. А дикарь боится насъ, относясь враждебно ко всякаго рода новшествамъ и преобразованіямъ. Быть, усвоенный вѣками, ему дорогъ. Hübner рассказываетъ, что въ Америкѣ, между Чикаго и С.-Франциско, можно было видѣть краснокожихъ, которые въ мчавшійся поѣздъ метали взгляды ненависти, а подчасъ стрѣлы, какъ символъ смерти (Léo Quesnel: „Contrées mystérieuses et peuples inconnus“, Revue politique et littéraire, 7 t., 1884, p. 497). Инстинктивно сознавая нецѣлесообразность реформъ, которыя перевернули бы вверхъ дномъ его міровоззрѣніе, дикарь отворачивается спиной къ нововведеніямъ. Онъ прекрасно чувствуетъ себя въ предѣлахъ своей религіи, своей поэзіи. Могучій океанъ, знойное небо—его враги и друзья. Онъ счастливъ по-своему. Существованіе его течетъ монотонно, но спокойно и беззаботно. Не знакомы ему волненія, ему чужды специфически европейскія болѣзни. Если Вы помните, выше указано было, что по мысли уголовной антропологии урожденный преступникъ, дикарь, душевно-больной и эпилептикъ въ сущности одно и то же. Двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собой.

Но какъ доказать, что дикарь—эпилептикъ, или душевно-больной? Намъ кажется, что никто этого не удостовѣритъ. Совершенно напротивъ—ди-кари, къ счастью, лишены тѣхъ факторовъ, которые непосредственно вызываютъ безуміе. И на это уже указывалъ Кантъ, мотивируя свои выводы ссылкой на крайне незатѣливую обстановку первобытнаго че-ловѣка, который, при примитивномъ веденіи хозяйства находясь по-стоянно въ движеніи, пользуется прекраснымъ здоровьемъ: „Welcher Wahnsinn kann ihn wohl anwandeln, da er niemals Ursache hat, sich in seinem Urtheile weit zu versteigen?“ (Е. Kant, „Kleine anthropologisch praktische Schriften“, Leipzig, 1838, s.s. 27—28, Werke, VII B., 1 Abtheilung). Гербертъ Спенсеръ пишетъ: „Пока опыты не многочисленны и лишь слегка разнообразны, конкретность соответствующихъ имъ идей измѣ-няется лишь въ очень малой степени существованіемъ отвлеченныхъ идей“ („Основанія социологіи“, op. cit, стр. 85). Положеніе это всецѣло гар-монизируетъ съ основными началами біологическаго ученія знаменитаго мыслителя, который „external stimuli“, „external objects“ придавалъ выдающееся значеніе (См. его „The principles of Biology“, Williams and Norgate, 1898, Vol. I, 506). Натянутость и искусственность аналогіи между профессиональнымъ преступникомъ и дикаремъ прекрасно понимали ученики Ломброзо. Разсужденіемъ г. Дриля мы и закончимъ 9 главу: —„Будь дикари вообще и монголы въ частности поголовными преступ-никами, тогда бы теорія атавизма въ сферѣ преступленія имѣла боль-шое значеніе и объясняла бы многое. Но дѣйствительность предста-вляетъ намъ противное, и многія дикія народности... могутъ быть поста-влены въ примѣръ европейцамъ со стороны напряженности преступ-ности въ ихъ средѣ; кромѣ того надо думать, что между явленіями физическаго и сопутствующаго ему психическаго вырожденія, конста-тированными у привычныхъ преступниковъ проф. Ломброзо и органи-ческими особенностями низшихъ расъ, несмотря на кажущееся сходство, существуетъ и глубокое различіе. Последнія суть результатъ низшаго органическаго развитія, результатъ стоянія на низшихъ ступеняхъ жи-вотной лѣстницы, тогда какъ первыя суть результатъ вліянія такихъ вредоносныхъ факторовъ, какъ алкоголь, рафинированный половой раз-вратъ, крайняя скученность въ зловонныхъ и гнилостныхъ жилищахъ, постоянное значительное перераздраженіе и пр. и пр.... Миѣ думается, что на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ мы можемъ сказать лишь одно, что многіе преступники также не культивированы, какъ и дикари, и что первыя, отчасти вслѣдствіе унаслѣдованія дурныхъ особенностей организаціи, а отчасти вслѣдствіе дурнаго воспитанія и неблагоприятныхъ условій предшествующей жизни, являются столь же не приспособленными къ условіямъ общественной жизни своего времени, какъ неприспособлен-ными къ ней оказались бы и вторые, перенесенные съ своей низшей организаціи въ условія современной общественной жизни съ ея усилен-ной борьбой за существованіе“ („Юрид. Вѣстн.“, XV т. 1884, стр. 592—93).

10.

Третью (последнюю) часть I тома (op. cit., 263) Ломброзо посвящает изучению биологии и психологии врожденного преступника. Нѣтъ надобности ходить за авторомъ по всемъ закоулкамъ его изслѣдованія. Остановимся лишь на татуировкѣ и аналгезіи (или притупленной чувствительности). Разсужденія о письмахъ, жаргонѣ, литературѣ профессиональных злоумышленниковъ мы обходимъ. Вѣдь, судя по стихамъ или коллекціи отборныхъ выраженій, какъ бы даже красочны въ вулгарномъ отношеніи и тѣ и другія ни были, нельзя говорить о специфической литературѣ, свойственной опредѣленному классу людей. Не слѣдуетъ забывать, что преступникъ, въ большинствѣ случаевъ невѣжественный, свое „твореніе“ создаетъ не для себя, а главнымъ образомъ для другихъ, и вридь ли бахвальство и рисовка не составляютъ важнѣйшаго стимула подобныхъ писаній: какъ пріятно похвастать передъ коллегами по заключенію, передъ докторомъ, директоромъ своимъ собственнымъ произведеніемъ! Самъ Ломброзо настаиваетъ на признаньи за привычными преступниками чуть ли не мани величія. Ferriani, который тщательно поработалъ надъ вопросомъ, признастъ, что письма подѣланныхъ, адресованныя на имя родныхъ или защитника, могутъ вовлечь психолога въ заблужденіе: узникъ, зная, что письмо предварительно просматривается специальнымъ чиновникомъ или судебнымъ слѣдователемъ, въ большинствѣ случаевъ изображаетъ въ нихъ лицемѣрныя чувства, жетъ, возводитъ обвиненіе на другихъ, надѣясь на собственную реабилитацию („Schreibende Verbrecher“, deutsch von Ruhemann, Berlin, 1900, s. 16). Засимъ, если бъ литература профессионаловъ порока укладывалась въ рамки строго типическихъ образцовъ, мы у всехъ авторовъ, занимающихся криминальной психологіей, находили бы подтвержденіе этого обстоятельства. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Jaeger („Beiträge zur Lösung des Verbrecherproblems“, op. cit.) приводитъ массу писемъ и стиховъ, принадлежащихъ перу заключенныхъ. Эти послѣдніе у Jaeger-a—прекрасные люди съ возвышеннымъ сознаніемъ долга, глубокимъ религіознымъ чувствомъ, съ нѣжной привязанностью къ роднымъ и близкимъ. Ничего поэтому нѣтъ страннаго въ томъ, если Jaeger на стр. 183 (op. cit.) удостовѣряетъ, что преступнику, какъ таковому, совершенно чужды (fehlen völlig) характеристическія черты съ значеніемъ психологическимъ, специфически своеобразнымъ. Дѣло Вашего личнаго разумѣнія, кому больше вѣрить—Ломброзо, или его противникамъ. Что касается въ частности преступнаго жаргона, то онъ, конечно, составляетъ извѣстный интересъ для психіатра, психолога и криминалиста. Но отсюда далеко до предположенія, которое, видимо, разделяетъ Hans Gross (Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik, II В., 1899, s. 83), будто незнакомство съ такой рѣчью связано съ пробѣломъ въ изученіи психологіи преступника... Обратимся однако къ татуировкѣ. Уголовная антропологія по соображенію съ обычаемъ

дикарей, направленнымъ къ вырѣзыванію на тѣлѣ полосъ и фигуръ, принимая во вниманіе наличность у нѣкоторыхъ преступниковъ несомнѣнныхъ слѣдовъ татуированья, получаетъ на руки лишній козырь въ пользу допущенія атавизма преступленія. Такого рода притязанье безусловно не основательно, не имѣя за собой сколько-нибудь объективнаго оправданья. Не говоря уже о томъ, что татуировка въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ арміи и во флотѣ, чего не отрицаетъ и самъ Ломброзо, нельзя не видѣть объясненія этой, довольно мучительной, операціи прежде всего въ домоганьи хотя бы какимъ либо развлеченіемъ отогнать гнетущую скуку, подавляющее однообразіе тюремной жизни. Арестантъ вырѣзываетъ на рукѣ якорь или крестъ по тѣмъ же основаніямъ, которыя вынуждаютъ его регулярно, по нѣсколько разъ въ сутки, заниматься мастурбаціей. Вамъ знакома нравственная фizioномія огромнаго числа обитателей мѣстъ заключенія? У нихъ нѣтъ сознанья о возвышенномъ идеалѣ. Благородный духъ вѣры и надежды имъ чужды. Правда, мысль не хочетъ закопаться въ стѣнахъ рѣшетки и ограды; она витаетъ далеко отъ тюремныхъ засововъ, но крылья у нея—грязныя, напоминая о преступномъ набѣгѣ, о постыдномъ хищничествѣ. Съ другой стороны—субъектъ можетъ быть испорченъ до мозга костей, онъ можетъ быть лишенъ элементарнаго сознанья нравственной отвѣтственности, но психологическія и фizioлогическія нормы управляютъ имъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ другими людьми. А человѣкъ, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, долженъ что-нибудь дѣлать, иначе онъ зачахнетъ, сойдетъ съ ума. Такъ преступникъ, движимый властнымъ закономъ природы, коротаетъ свой досугъ за татуировкой, которая, при несомнѣнной боли, своей оригинальностью все же привлекательна. Couzer въ своей статьѣ „Tatoueurs et tatoués maritimes“ вполне правильно замѣчаетъ, что человѣкъ, лишенный нгръ, чуждый искусству или наукѣ, не имѣя охоты къ чтенію, не питая влеченія къ самообразованію, все же долженъ чѣмъ-нибудь заняться, иначе нѣтъ той глупости, на которую онъ не былъ бы способенъ (*Archives d'anthrop. crim.*, t. 9, 1894, pp. 63—64). Далѣе, въ объясненіи зарожденія первой мысли объ обезображеніи тѣла указанной операціей играютъ существенную роль подражаніе и тщеславіе. Эти два фактора—огромной силы рычаги во всякой соціальной средѣ, хотя бы и незначительной по своему количественному составу. Соревнованіе школьниковъ всякому знакомо. Въ тюрьмѣ заключенный норовитъ не отставать ни въ чемъ отъ болѣе смѣлаго, болѣе циничнаго товарища. На этой почвѣ создается настоящій конкурсъ похабства и безчинства. Gédard въ ст. „Le détenu dans ses relations intra et extra muros“ говоритъ: „Въ одиночествѣ потребность изложить на письмѣ, запечатлѣть свою мысль настолько властна, что узникъ не можетъ побѣдить ни желанія обмануть скуку, ни внушенія примѣра.“ Авторъ удостоверяетъ, что нѣтъ того предмета, который былъ бы пощаженъ отъ надписей заключеннаго: вся мебель—столъ, стулъ, кровать, засимъ—стѣны, асфальтъ на полу, двери, окна, посуда, стаканъ, миска, даже ночной горшокъ испещрены

письменами самого разнообразнаго содержания (Archives d'anthrop. crim., 14 t., 1899, p. 517). Perrier („Du tatouage chez les criminels“) среди причинъ татуировки называетъ между прочимъ желаніе доставить удовольствіе другимъ (Arch. d'anthrop. criminelle, 12 t. 1897, p. 495). Louis Batu въ своей статьѣ „Du tatouage exotique et du tatouage en Europe“ рассказываетъ о молодыхъ солдатахъ, которые вскорѣ послѣ осужденія, не имѣя никакого представленія о сущности татуировки, отъ скуки, или благодаря подражанію и хвастливости, быстро проникаются особой симпатіей къ развлеченію, неизгладимаго характера котораго они не всегда понимаютъ (Archives d'anthrop. crim., 8 t., 1893, p. 87). Засимъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что татуировка иногда вызывается не только добрымъ чувствомъ, но благородствомъ мысли и желанія, мистицизмомъ, религіознаго экстаза. Замурованный въ четырехъ стѣнахъ постылой кѣлѣтки, узникъ, какъ бы онъ жестокъ ни былъ, сколько бы ни таилось въ немъ черствости и звѣрства, не можетъ не вспомнить о своей возлюбленной, которая когда-то дарила несчастнаго и ласками и поцѣлуями въ изобиліи. Нормальное любовное наслажденіе—приятная мечта въ предѣлахъ тюрьмы. Дѣйствительность мрачна и тиготна. Сентиментальное воздыханіе о сладкихъ часахъ былого свиданья побуждаетъ къ неизгладимому сохраненію имени предмета страсти на рукѣ, груди подъ ореоломъ цвѣтка съ соответствующей надписью. (О религіозномъ характерѣ татуировки см. статью Pigorini-Beri: Archives d'anthropologie criminelle, 6 t., 1891, p. 5—16). Эмиль Лоранъ („Les habitués des prisons de Paris“, op. cit., p. 518) видѣлъ на груди у одного субъекта алтарь, на которомъ водруженъ былъ крестъ. Внизу находилась надпись: „Моей матери“. „Я часто, замѣчаетъ этотъ французскій врачъ, встрѣчалъ у нѣкоторыхъ лицъ такой колоритъ татуировки, которому я не могъ найти объясненія. По крайней мѣрѣ у двухъ десятковъ заключенныхъ я видѣлъ на груди или рукахъ печальный образъ пригвожденнаго къ кресту Спасителя,—образъ, найденный между прочимъ на правой рукѣ у одного молодого скотопромышленника, грубаго животнаго, отбывавшаго нѣсколько разъ наказаніе за пьянство и сопротивленіе властямъ. Въ послѣднее время я видѣлъ у одного вора на груди изображеніе Христа по меньшей мѣрѣ въ 30 сантиметровъ высоты. Я спрашивалъ всѣхъ этихъ людей. Каждый изъ нихъ былъ очень далекъ отъ религіи и мыслями и чувствомъ. Тогда, зачѣмъ эта картина Назаретской казни? Безъ сомнѣнія—чистый капризъ“ (ibidem. p. 520—21). Почтенный авторъ забываетъ, что операцію татуировки иногда производятъ надъ малыми дѣтьми противъ ихъ воли—гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, харчевнѣ, трактирѣ въ угоду любопытству собравшихся ротозѣевъ. Какой-нибудь самодуръ охотно за такое удовольствіе уплачиваетъ извѣстное вознагражденіе. Мало ли какаѣ фантазіи могутъ притти въ голову сытому человѣку! Къ шуткѣ и забавѣ нерѣдко присоединяется мотивъ болѣе серьезный—патріотизмъ (иниціалы Монарха съ изображеніемъ короны съ крестомъ). Наконецъ, бываютъ случаи, когда дѣти, не имѣя, вѣроятно, никакого

понятія о татуировкѣ, съ большимъ терпѣньемъ выносятъ въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени острую боль, неизбѣжную при операци. Такъ, Ваер въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung“ (op. cit., s. 237) удостовѣряетъ, что „множество лицъ даетъ себя татуировать въ раннемъ возрастѣ, не имѣя представленія о значеніи такой традиціи. На первомъ планѣ здѣсь играетъ роль подражаніе, засимъ праздность и соблазнъ. Эта непристойность, какъ мнѣ лично извѣстно, замѣтна уже въ школѣ между мальчиками низшихъ народныхъ классовъ, находя здѣсь невѣроятное распространеніе, пока учительскій персоналъ энергично не положитъ предѣлъ такому безсмысленному занятію“. Изложенное достаточно выясняетъ подлинную подоплеку чудовищной и безсмысленной операци, называемой татуировкой. Всего характернѣе это то, что буржуазные и аристократическіе слои населенія не только не брезгаютъ этимъ дикимъ обычаемъ, но охотно и, видимо, настойчиво проводятъ его въ жизнь. Christian Geill („Identification par le tatouage“) говоритъ, что „влеченіе къ татуировкѣ принимаетъ иногда характеръ настоящей эпидеміи, поражающей высшіе классы. Въ видѣ примѣра можно упомянуть объ обычаяхъ, распространенномъ въ Америкѣ и состоящемъ въ томъ, что невѣсты вырѣзываютъ на рукахъ инициалы своихъ возлюбленныхъ, каковое обстоятельство, имѣя въ виду трудность уничтоженія хорошо сдѣланной татуировки, является до извѣстной степени стѣснительнымъ“ (Archives d'anthrop. crim., 17 t., 1902, p. 267). Въ томъ же журналѣ за 1895 годъ (t. 10, p. 760 и сл.). Вы можете прочесть о татуированіи фешенебельныхъ лондонскихъ миссъ. Что касается характера татуировки, то онъ въ большинствѣ случаевъ отличается сентиментальностью, нося слѣды личнаго воспоминанія о какомъ либо пріятномъ переживаніи. Вотъ, къ примѣру, проститутка, у которой на рукѣ выгравированы инициалы ея возлюбленнаго съ неизмѣнными P. L. V. (pour la vie). Предоставляемъ Вамъ судить, сколько хлопотъ и сожалѣній доставляютъ начальные буквы имени милаго сердцу, когда связь роторгается, и навязывается новая любовь, если ласки нѣкогда дорогаго самца опостыли, не удовлетворяя больше, и животная похоть рыщетъ за поисками свѣжихъ, болѣе сильныхъ, ощущений (См. Le Blond et A. Lucas: „Du tatouage chez les prostitués“, Paris, 1899). Иногда надпись сохраняетъ выраженіе тайной мысли, которая не разъ вращалась въ мозгу преступника; иногда она имѣетъ значеніе угрозы. У Lacassagne-а изъ его прекрасной монографіи „Les tatouages“, étude anthropologique et médico-légal (Paris, 1881, p. 69) занимаемъ слѣдующіе символы: на груди — „Клянусь отомстить“ („Je jure de me venger“); на груди — „Горе мнѣ, что-то со мной будетъ?“ („Malheur à moi, comment finirai-je?“); на правой рукѣ — „Не везетъ“ („Pas de chance“); на лбу — „Смерть буржуямъ“ („Mort aux bourgeois“). Уголовная антропология обращаетъ вниманіе на грязный, циничный колоритъ надписей. Правда, нѣкоторые преступники въ этомъ отношеніи доходятъ до откровенности нецен-

зурной. Но развѣ можно связывать безпутство и распущенность исключительно съ наследственными тенденціями, съ урожденной испорченностью? Какъ доказать, что авторъ порнографической литературы, находящей свое мѣсто на дѣтородныхъ членахъ, на спинѣ и т. д., не есть попросту развращенный своими товарищами до корня волосъ грубіанъ и невѣжда, средой лишенный элементарныхъ зачатковъ чувства мѣры, морали и эстетики? *Em. Laurent* („*Les habitués des prisons de Paris*“, р. 515) рассказываетъ о преступникѣ, въ нижней части живота котораго находилась слѣдующая надпись, не безукоризненная въ орфографическомъ отношеніи: „Здѣсь происходитъ свиданье красивыхъ дѣвушекъ. Пожалуйста къ крану любви“. Что сказать о такомъ субъектѣ? Зналъ ли онъ чистую любовь? Была ли ему знакома сладостная минута робкаго, невиннаго свиданья? Гдѣ учился, гдѣ воспитывался онъ, какъ не въ грязномъ кварталѣ городского подворья, въ обществѣ хриплыхъ алкоголиковъ и пораженныхъ венерическими болѣзнями мужчинъ и женщинъ? Это въ подлинномъ смыслѣ слова — социальный отбросъ, какъ и тотъ коллега, который трудился надъ постыдной эмблемой. Однако, во всемъ нужно знать мѣру. Нельзя непремѣнно связывать этой отвратительной литературы, отдающей гнилымъ запахомъ утонченнаго разврата, съ фатальной преступностью. Не соответствуя дѣйствительности, такое предположеніе было бы слишкомъ преувеличено, особенно принимая въ соображеніе, что у преступниковъ надписи циничнаго свойства встрѣчаются сравнительно рѣдко. Дѣловое все не въ тщательномъ вырѣзываніи всякаго рода выраженій и рисунковъ именно на тѣлѣ. Центръ тяжести лежитъ не въ процедурѣ, не въ формѣ. Съ точки зрѣнія социальной профилактики (терапии преступления) гораздо интереснѣе вопросъ о степени испорченности даннаго лица, и тутъ-то волей-неволей приходится обращаться къ самому тщательному анализу среды, порабощающей субъекта. Скажите, кто изъ Васъ не видѣлъ подростковъ, еле совладающихъ съ способностью правильно выражать и комбинировать свои мысли, даже дѣтей, которые, запасшись мѣломъ или карандашемъ, смѣло заносить на заборы грязныя изображения или предосудительныя фразы? Къ сожалѣнію, и на почвѣ этой явной распущенности развивается обычное соревнованіе, доходящее до необузданнаго и упорнаго нахальства. Не всѣ, конечно, родители имѣютъ возможность слѣдить за воспитаніемъ своихъ сыновей: мать въ крошечной, грязноватой кухнѣ хлопочетъ цѣлый день по хозяйству; отецъ, сгорбленный и блѣдный, распечатываетъ конверты, или подшиваетъ дѣла въ одной изъ душныхъ канцелярій... Трудно сказать съ достовѣрностью, будетъ ли одинъ изъ такихъ малышей по переѣздѣ, въ поискахъ работы, черезъ нѣсколько лѣтъ въ крупный центръ сдѣться по 169 или 173 ст. Уст. о наказ. будетъ ли онъ когда либо развизно, съ грубоватыми манерами, въ своемъ послѣднемъ словѣ ходатайствовать передъ присяжными засѣдателями о вынесеніи ему оправдательнаго приговора? Гадать не беремъ. Одно можемъ сказать—

зерно порока брошено. Намъ пришлось какъ-то разъ видѣть здоровую дѣвушку съ очень скромными запросами къ жизни въ страшную минуту истерическаго рыданья. Въ тотъ моментъ она была неузнаваема, ужасна. Всегда застычивая, она изрыгала такія слова, цинизмъ и безстыдство которыхъ могли бы заставить покрасѣть взрослого мужчину, почтеннаго отца семейства. Гдѣ могла научиться эта идеально честная труженица наглой рѣчи?—Въ гроесь-бухѣ жизни, ея толстомъ лексиконѣ,—у подруги, продающей свое тѣло въ надеждѣ приобрести шляпу, кольцо. Когда у человѣка помимо отупляющаго, механическаго труда нѣтъ никакихъ занятій, которыя могли бы скрасить существованіе, облагораживать сознанье, вдохновляя вѣру и надежду; когда тяжелый день смѣняется ночью, за которой течетъ другой день съ тѣмъ же томительнымъ, сѣрымъ однообразіемъ, какъ осеннее облако,—въ голову откуда ни возмись лѣзутъ дурныя мысли, сердце безпокойно ностъ, и опасныя инстинкты лишь ждутъ момента, чтобы, на подобіе горящей лавы, съ поразительной силой вырваться на волю... Хорошо моралистамъ всякаго ранга бречать на струнахъ своихъ старыхъ арфъ, напѣвая до тошноты прожужжавшіи уши рефренъ о самодовлѣющей цѣнности человѣческой личности. — „Не фаталистическая необходимость, не виѣшнее принужденіе вызываютъ поступки человѣка; въ его собственномъ „я“ таится корень его дѣяній. Человѣческая воля—свободна; это не значить, что человѣкъ можетъ рѣшать и дѣйствовать безъ основанія; это значить: человѣкъ рѣшаетъ и дѣйствуетъ, сообразуясь съ своею сущностью“. Такъ говоритъ почтенный Fritz van Calker („Strafrecht und Ethik“, Leipzig, 1897, s. 11). Очень хорошо трактовать о прекрасныхъ вещахъ людямъ, которые уютно приспособляютъ свой кабинетъ для спокойнаго изученія философскихъ построеній!.. Жизнь, яркая и возмутительная своей голой откровенностью, мчитъ впередъ, желая быть замѣченной. Вы развѣ не видите, какъ она, свѣжая и румяная, манитъ насъ къ себѣ, въ свои богатыя владѣнья, глазами общаго полноту и счастье существованія? Вы развѣ не слышите ея властнаго голоса, передъ которымъ безпрекословно преклоняются и сильные и слабые?... Какъ счастливо человѣчество, имѣя противъ метафизической бациллы сыворотку, добываемую самой жизнью въ сотрудничествѣ съ наукой!..

„Особая симпатія, проявляемая преступниками къ такой мучительной операціи, продолжительной и полной опасностей, какъ татуировка, значительное число ранъ, испещренныхъ на ихъ тѣлѣ, заставили меня заподозрить въ нихъ бѣольшую степень физической нечувствительности, чѣмъ у обыкновенныхъ людей,—нечувствительности, констатируемой у нѣкоторыхъ душевно-больныхъ, въ особенности у буйно-помѣшанныхъ. Говоря откровенно, путемъ опроса тюремщиковъ и врачей я могъ собрать нѣсколько случаевъ настоящей аналгезіи“. Таковы слова Ломброзо (op. cit., I, p. 310), который съ свойственной ему привычкой, собравъ рядъ случайно вырванныхъ изъ жизни фактовъ,

строить на них кирпичъ за кирпичемъ пестрое палаццо своей гипотезы. Ферри также не прочь пробавляться анекдотами: „Un detenuto interrogato se la pena di morte gli facesse paura, risponde che „la vita è un giuoco al lotto; se si vince, bene; se si perde, ci si perde anche la messa“ (Enrico Ferri, „L'omicidio nell'antropologia criminale“, Omicida nato e omicida pazzo, Torino, 1895, 387). Надо ли говорить, что такая манера обоснованія научныхъ выводовъ не выдерживаетъ строгой критики; что на единичныхъ явленіяхъ, иногда характерныхъ, иногда яркихъ, рискованно воздвигать теорію, претендующую на объективное признаніе? По мысли уголовной антропологии, преступника можно кипятить въ котлѣ, рѣзать ножомъ, терзать раскаленнымъ желѣзомъ, и Вы не услышите отъ него криковъ или стоновъ, какъ выраженія естественнаго страданія, нормальной чувствительности. По мнѣнію Ém. Laurent'a, который не менѣе тщательно присматривался ко всякаго рода социальнымъ отбросамъ, нѣтъ субъектовъ болѣе трусливыхъ, чѣмъ всѣ эти воры, грабители, убійцы и пр. Авторъ въ своей книгѣ о завсегдатаяхъ парижскихъ тюремъ (op. cit., p.p. 347—48) рассказываетъ объ одномъ рецидивистѣ, который, поздней ночью встрѣтивъ на Белльвильскихъ высотахъ запоздалаго путника, нахально присталъ къ нему съ требованіемъ сказать, который часъ. Въмѣсто отвѣта „буржуа“ вынимаетъ изъ кармана револьверъ, спускаетъ курокъ и ранитъ въ бедро храбраго злоумышленника, при видѣ оружія обратившагося въ бѣгство. Потерпѣвшаго съ троттуара перенесли въ Santé. Пуля не могла быть вынута, образовался нарывъ, операція была неизбежна. „Вы предполагаете внѣ всякаго сомнѣнія, что это дикое животное, которое то и дѣло лишь имѣло на языкѣ такіа выраженія, какъ „скрутить глотку“, „прорвать шкуру“, выказало себя мужественнымъ, принявъ страданья съ улыбкой? Вначалѣ онъ энергично отказался отъ операціи, но подъ давленіемъ призрака смерти дрожа выразилъ свое согласіе. „Въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ со слезами, дѣлайте со мной что хотите, но умоляю васъ, не дайте мнѣ умереть“. Его усыпили, и операція шла хорошо. Но всякій разъ во время перевязки, въ общемъ немучительной, онъ наполнялъ больницу нечеловѣческимъ воемъ. То были крики закалываемаго животнаго. „Господинъ докторъ, выль онъ не переставая, я—нѣженька, ради Бога—пощадите“. Къ стыду своему сознаюсь—я испытывалъ огромную радость, глядя, какъ этотъ подлый трусъ страдаетъ“.—„Согласно италіанской школѣ, утверждаетъ тотъ же Laurent, преступникъ анагестиченъ. Если онъ свирѣпъ и разитъ безъ жалости, это оттого, что онъ самъ не чувствителенъ къ боли: его нравственная аналгезія вытекаетъ изъ физической нечувствительности. И Ломброзо излагаетъ факты: одни преступники страшно уродовали себя, другіе переносили самыя ужасныя операціи съ улыбкой на устахъ. Но всѣ эти факты не больше какъ исключенья, аналогичные случаи можно было бы найти на честныхъ людяхъ, которые никогда никому не дѣлали зла. Что преступникъ-невропатъ или душевно-больной аналге-

стиченъ—это единичный казусъ, свидѣтельствующій о томъ, что существуютъ невропаты и душевно-больные, нечувствительные къ боли, и только. По моему мнѣнію преступники не только не анагестичны, но они передъ лицомъ страданій выказываютъ себя трусливыми и малодушными. Въ теченіе двухъ лѣтъ я выполнялъ различныя обязанности въ хирургическомъ отдѣленіи больницы и видѣлъ страшныя операціи: бѣльшая часть всѣхъ этихъ симпатичныхъ людей, честныхъ труженниковъ, часто переживали страданія съ удивительнымъ мужествомъ. Я видѣлъ женщинъ, которыя съ зубовнымъ скрежетомъ, но не испускали ни одного крика, переносили весьма мучительныя операціи, какъ напр. прорѣзъ нарыва на груди. Засимъ, въ качествѣ интерна я находился два года въ центральной тюремной лѣчебницѣ въ *Santé*. Всѣ самыя серьезныя болѣзни сконцентрированы въ этомъ учрежденіи и, исключая развѣ незначительной операціи, практикуемой иногда *M-r Deibler* на площади *Roquette*, всѣ хирургическія операціи, которымъ должны подвергнуться преступники, производятся въ этой центральной лѣчебницѣ. Я видѣлъ, какъ недурно оперируютъ тамъ злоумышленниковъ; нѣкоторые изъ нихъ были знаменитыми убійцами. Контрастъ изумительный въ сравненіи съ больницей! Нѣтъ возможности представить себѣ тотъ страхъ, который овладѣваетъ этими трусливыми и молчаливыми животными передъ самой операціей. Лишь только увидятъ они *bistouri* или красное желѣзо, ихъ лобъ покрывается потомъ, тѣло охватываетъ необходимая дрожь“ („*Les habitués des prisons de Paris*“, р. 346). Итакъ, кому больше вѣрить,—Ломброзо, или Лорану? И тому и другому. Все зависитъ отъ случая, темперамента, большей или меньшей степени выдержки, закаленности; бахвальство также играетъ существенную роль, не говоримъ уже о прекрасномъ состояніи здоровья, предполагающемъ выносливость и рѣдкой силы терпѣнье. Въ годы студенчества намъ приходилось наблюдать одного чрезвычайно сильнаго товарища, атлета, обладавшаго не только замѣчательнымъ физическимъ здоровьемъ, но способностью переносить самыя жестокіе удары и раненія съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Въ жизни это былъ фатъ и хвастунъ. Дамы, если вѣрить ему, сходили по немъ съ ума. Нашъ молодецъ, походившій на богатыря примитивной культуры, въ наукѣ былъ плохъ. Сколько намъ извѣстно, дѣтина этотъ до сихъ поръ не кончилъ курса, несмотря на то, что немало брюнетовъ и блондиновъ, его сверстниковъ, уже успѣло записаться желаннымъ дипломомъ. Святогоръ, онъ такъ и не поднялъ сумочки переметной и увязъ въ аудиторіи съ своими широкими плечами. Наружность имѣлъ онъ грубую, аляповатую; въ его фигурѣ было много отъ медвѣдя. Когда, бывало, въ его обществѣ заведешь разговоръ о какомъ либо предметѣ, имѣющемъ отношеніе къ литературѣ или искусству, онъ блеснетъ на Васъ своими маленькими глазами и, махнувъ отчаянно рукой, уходитъ бормоча съ досадою: *J'en ai soupiré...* (Его любимое выраженіе). *Wilhelm Marr* („*Reise nach Central-America*“, Hamburg, 1863, 1 Theil, s. 275) рассказываетъ, что индѣйцы, способные во-

пить за всякую мелочь, съ замѣчательной стойкостью переносятъ болѣзненные операціи, въ виду того что ихъ чувствительные нервы далеко не отличаются такой тонкой организаціей, какъ у болѣе высоко стоящихъ расъ. „Чѣмъ чище кровь, прибавляетъ авторъ, чѣмъ свѣтлѣе кожа, тѣмъ чувствительнѣе къ внѣшнимъ и внутреннимъ впечатлѣніямъ люди здѣсь и—повсюду“. Мы убѣждены, что такъ наз. притупленность чувствительности ни въ коемъ случаѣ не является характеристической чертой закоренѣлыхъ злоумышленниковъ. Она свойственна субъектамъ грубымъ, физически выносливымъ, хвастунишкамъ. Медицинскій терминъ „аналгезія“ долженъ быть изгнанъ изъ области уголовного права, какъ чуждый этому послѣднему. Вспомните, сколько здоровыхъ русскихъ людей, въ день Крещенья на берегу рѣки раздѣваясь донага, среди снѣга и льда окунаются въ воду, при общемъ удивленіи толпы и серебряной улыбкѣ Мороза...

11.

Чезаре Ломброзо принадлежитъ исторіи, но человѣчество никогда не проститъ ему того безразсуднаго поклета, который возведенъ имъ на дѣтей, составляющихъ для взрослого человѣка такое огромное утѣшеніе въ жизни своимъ шумомъ, непрестанными вопросами, игривостью и наивностью, символизирующихъ сладостную симфонію длиннаго, такъ часто никому не нужнаго, пути... Страницы, посвященные описанію врожденныхъ недостатковъ дѣтей, съ огромнымъ успѣхомъ могли бы быть выброшены изъ труда Туринскаго клеветника на малолѣтнихъ. Если онѣ все же помѣщены въ I томѣ „Преступнаго человѣка“ (op. cit., p. 92 и сл.), мы сошлемся на нихъ, какъ на краснорѣчивое доказательство натянутости и тенденціозности гипотезы уголовной антропологіи, во что бы то ни стало, хотя бы путемъ насильственного привода чужихъ мыслей за волосы, рѣшившей доказать реальное существованіе и глубокую жизненность такого мнимаго соціального феномена, какъ уроденный преступникъ. Съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ и нервистскою, столь свойственной южанамъ, корифеи италіанской школы, перелистывая кое-что изъ литературы, посвященной изученію сложныхъ чертъ, констатируемыхъ въ дѣтскомъ характерѣ, вырываютъ изъ рукъ автора единичный эпизодъ, отдѣльную мысль, случайно брошенную фразу и строятъ легендарную, прочную какъ дымъ, фабулу о врожденной дѣтской испорченности. Слагая съ себя отвѣтственность за полное ручательство въ достовѣрности конечныхъ положеній, къ которымъ пришелъ Ломброзо въ своемъ сочиненіи „Геній и безуміе“, приравнивая великихъ людей къ неврастеникамъ, эпилептикамъ, субъектамъ, нервѣдко лишеннымъ ординарнаго благоразумія, мы не можемъ не отмѣтить, что весь 3 отдѣлъ I тома „Преступнаго человѣка“, озаглавленный „Нравственное помѣшательство и преступленіе у дѣтей“, не только является плодомъ крайне досаднаго недоразумѣнія, но есть въ своемъ родѣ классическій образецъ *piaiserie d'un grand esprit*. Чтò въ самомъ дѣлѣ ска-

зять объ ученѣ профессорѣ, который не постѣснялся, имѣя на рукахъ горсточку фактовъ, говорящихъ о жестокости, упрямствѣ, тщеславіи, лживости дѣтей, однимъ росчеркомъ пера безъ колебаній и сомнѣній постановить: нравственное помѣшательство уже зарождается въ дѣтскомъ возрастѣ, ergo—дѣти во всемъ, что касается ихъ интеллектуальнаго склада, приближаются къ преступному типу. „Въ первые годы жизни человѣка зачатки нравственнаго помѣшательства и преступления сталкиваются вмѣстѣ не въ видѣ исключенія, но какъ общее правило („d'une facon normale“), все равно какъ въ зародышѣ неизмѣнно встрѣчаются извѣстныя формы, выливаясь у взрослого человѣка въ уродливость; такъ что ребенокъ представляетъ какъ бы человѣка, который лишень нравственнаго чувства, что психіатры называютъ нравственнымъ помѣшательствомъ, а мы урожденнымъ преступникомъ“ (Lombroso, I, p. 92). Хотите примѣровъ?—Извольте, Ломброзо приводитъ ихъ въ большинствѣ случаевъ съ чужихъ наблюдений. *Гнѣвъ* (Perez): Въ первые 2 мѣсяца ребенокъ обнаруживаетъ движеніемъ бровей и ручекъ настоящій гнѣвъ, когда хотяя его мыть или лишаютъ какого-нибудь предмета. Когда ребенокъ достигаетъ года, гнѣвъ его доходитъ до нанесенія ударовъ, битья блюдь, швырянья ихъ въ сторону лицъ, не пользующихся его симпатіями... Я видѣлъ, продолжаетъ Perez, дѣвочку одиннадцати мѣсяцевъ, которая пришла въ ярость, когда убѣдилась въ невозможности схватить своего дѣдушку за носъ... Мальчикъ 15 мѣсяцевъ кусалъ свою мать, когда та его мыла. Другой, трехъ лѣтъ, выгнанный изъ столовой, легъ поперекъ дверей, испуская бѣшенныя крики... *Мстительность* (Ломброзо): Нерѣдко можно видѣть 7—8 мѣсяцевъ ребенка, который царапаетъ свою кормилицу, когда та пытается отнять свою грудь, и возвращаетъ удары, полученные имъ отъ нея. *Ревность*: Perez видѣлъ ребенка. не только ревновавшаго тѣхъ людей, которые приближались къ его кормилицѣ, но и тѣхъ, что подходили къ его соскѣ. Ломброзо наблюдалъ чувство ревности, развитое у маленькой дѣвочки съ первыхъ же дней ея рожденія: „она отказывалась сосать грудь, лишь только замѣтитъ свою сестричку-двойню у другой груди; приходилось ихъ разобщать. Въ четыре года она переставала ѣсть, завидѣвъ черезъ окно ребенка, одѣтаго, какъ она сама. Въ промежутокъ отъ 14 до 15 лѣтъ она, подъ влияніемъ серьезной болѣзни, видимо исправилась къ лучшему; однако, позже, въ 25 лѣтъ, она не столько блстала добротой, сколько лицемѣріемъ. Впрочемъ, она отличалась гидроцефаліей и была поражена истерической гиперѣстезіей. Это была дочь нравственно-помѣшаннаго.“ *Ложь*—Bourdin рассказываетъ слѣдующій фактъ: въ одной гимназій мальчикъ, желая быть отпущенъ домой, выдумалъ, что у него въ ухѣ засѣла горошина; онъ такъ сильно кричалъ, что многіе были въ томъ убѣждены. Ломброзо говоритъ о себѣ, что подъ видомъ болѣзни ему удалось улизнуть отъ скучнаго урока по ариѣметикѣ. Почтенному ученому было тогда пять или шесть лѣтъ. „Я обманывалъ всѣхъ, въ томъ числѣ и докторовъ“. Довольно

однако анекдотовъ изъ области смѣхотворной юмористики, для которой отведено специальное мѣсто на галлерей („Strekozsa“, „Fliegende Blätter“...). Нѣсколько неловко даже приводить всѣ эти примѣры изъ научной работы, настолько они односторонни, наивны и бездоказательны. Кто долго жилъ среди дѣтей, наблюдалъ ихъ за игрой и развлеченіемъ, кто знаетъ ихъ вкусы и капризы, достоинства и недостатки, — главное, кто человѣчно и снисходительно относится къ нимъ, — тотъ не можетъ съ спокойной совѣстью удостоверить, что дѣти упорны, ревнивы, лживы, преступны. Протестуя противъ „страшной“ формы Ломброзовской теоріи; признавалъ, что самъ Ломброзо, движимый „благороднымъ, отеческимъ чувствомъ“, былъ вынужденъ допустить рядъ исключеній изъ общаго суроваго правила, Ferriani не безъ основанія утверждаетъ, что звать ребенка — значитъ никогда не выпускать его изъ глазъ, играть ли онъ, работаетъ, остается ли одинъ или съ своими сверстниками... („Minderjährige Verbrecher“, deutsch von Ruhemann, Berlin, 1893, s.s. 18, 9). Такое внимательное, всестороннее отношеніе къ объекту изслѣдованія — залогъ выясненія истины. Такъ ли однако изучать дѣтскій характеръ создатель криминальной антропологии? — Сомнѣваемся. Конечно, спору нѣтъ, встрѣчаются иногда типы очень надоедливыхъ ребятъ, которые способны буквально замучить няню или мать своей пазойливостью, но кому неизвѣстно, что тутъ идетъ рѣчь о единичныхъ случаяхъ спорадическаго характера, къ счастью весьма рѣдкихъ? Если на глазахъ общества проходить такой монстръ, какъ тринадцатилѣтняя убійца Blanche Dechamps (см. Bérard: „Notes et observations médico-légales“, Archives d'anthrop. crim., 8 t., 1893, pp. 493—503), мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, нравственная уродливость котораго создавалась и питалась дурнымъ вліяніемъ примѣра (въ данномъ случаѣ безтолковой и развратной жизнью матери). Наслѣдственные тенденціи? Ищите ихъ. Мы не скажемъ Вамъ — нѣтъ. Но чѣмъ гарантировано объективное изслѣдованіе за точное установленіе границъ преемственнаго порока и благопріобрѣтеннаго? — „Что особенно поражаетъ меня, когда я присматриваюсь къ дѣтямъ, замѣчаетъ Tarde, такъ это крайнее несходство въ ихъ характерѣ. Я знаю много такихъ, которые не имѣютъ никакого влеченія ни ко лжи, ни къ воровству, которые мягко обращаются съ животными, рѣдко поддаются гнѣву и пр. Дѣти эгоистичны, это правда, но ихъ бессознательный эгоизмъ, въ которомъ столько естественной прелести, не есть развѣ выраженіе ихъ перваго жизненнаго долга, ихъ подлинной нравственности, свойственной имъ однимъ и состоящей въ развитіи насчетъ другихъ? Причина ихъ буйства, легкомысленности, беззаботности, или, лучше сказать, ихъ милой обычной неблагодарности, какъ и всѣхъ прочихъ мнимыхъ недостатковъ, лежитъ въ функциональной полезности этихъ психологическихъ чертъ, и нѣтъ надобности въ такихъ случаяхъ взывать къ гипотезѣ атавизма“ („L'atavisme moral“, Archives d'anthrop. crim., 4 t., 1889, p. 254). D-r Robert Gaupp въ св. прекрасномъ докладѣ („Ueber moralisches Irresein und jugendliches

Verbrechertum“) утверждаетъ: „Кто основательно занимается проблемой изслѣдованія причинъ дѣтской преступности, тотъ всегда придетъ къ выводу, что въ дѣйствительности множество факторовъ (vielerlei) должно содѣйствовать тому, чтобы изъ юноши сдѣлался преступникъ, и что тщательный анализъ лишь рѣдко ведетъ къ предположенію, будто преступное влеченіе съ самаго ранняго дѣтства неизбѣжно направляетъ человѣческую судьбу на фатальный путь“ („Vorträge gehalten auf der Versammlung von Juristen und Aerzten in Stuttgart 1903“; Halle, 1904, s. 57). Näcke также удостовѣряетъ, что далеко не всѣ дѣти лживы, жестоки и не послушны. Такихъ лишь меньшинство, и то изъ нихъ большая часть впоследствии отрѣшается отъ дурныхъ свойствъ. Авторъ, при наличности нѣкоторой испорченности дѣтей, склоненъ видѣть въ подобныхъ случаяхъ не патологическій, а физиологическій процессъ, со временемъ исчезающій. Прекрасныя слова! (См. его „Ueber die sog. moral insanity“, 18 Heft der Grenzfragen des Nerven—und Seelenlebens, Wiesbaden, 1902, s. 38). Особенно знаменательны изслѣдованія по дѣтской психологіи, предпринятыя англичаниномъ James Sully („Untersuchungen über die Kindheit“, psychologische Abhandlungen für Lehrer und gebildete Eltern, übers. von Joseph Stimpfl) и профессоромъ изъ Канады Tracy, который вмѣстѣ съ Бамбергскимъ д-ромъ Joseph-омъ Stimpfl выпустилъ въ свѣтъ выдержавшую уже нѣсколько изданій почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ превосходную книгу „Psychologie der Kindheit“ (3 Auflage, Leipzig, 1909). Авторы различаютъ у дѣтей т. наз. патологическую, или болѣзненную ложь и физиологическую, или естественную. Этотъ послѣдній родъ лжи, по существу невинной, обусловленъ дѣльмъ рядомъ причинъ объективнаго свойства: чувствомъ самосохраненія; вѣжливостью, диктуемой правилами приличія; привычкой и подражаніемъ; фантазіей и внушеніемъ (Tracy und Stimpfl: „Psychologie der Kindheit“, Lpz., 1909, s. 152). Отсюда, разумѣется, далеко до врожденной испорченности дѣтей, которая яко бы упорно обнаруживаютъ непривлекательныя черты своего злого характера. Не надо забывать, что ребенокъ въ своихъ мнимо-жестокихъ дѣяніяхъ долженъ быть разсматриваемъ психологомъ съ особой точки зрѣнія; слѣдуетъ остерегаться отъ измѣренія однимъ масштабомъ дѣянія взрослого человѣка и дитяти. „Человѣкъ можетъ быть жестокъ съ своей лошадыю постольку, поскольку ему опредѣленно извѣстно, что онъ причиняетъ ей боль, а также точно сознаетъ, что между его поведеніемъ и нравственнымъ идеаломъ нѣтъ никакого согласія; когда ребенокъ дергаетъ кошку за хвостъ, по всей вѣроятности онъ лишень представленія о болѣзненныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ его дѣяніемъ, которое составляетъ лишь проявленіе силы, выраженіе его сознанія о силѣ. Оба поступка, стало быть, по своему нравственному характеру, очевидно, очень далеко расходятся другъ отъ друга... Живость воображенія, сила влеченій въ высокой степени порабощаютъ маленькихъ дѣтей. Сознательное, обдуманное, нравственное поведение требуетъ для своего развитія времени и опыта“ (Tracy und Stimpfl, op.

cit., s. 149). Соціальний *habitus* въ свою очередь могъ бы поднять голосъ протеста противъ Ломбрововской тенденціи опозоренія: если бѣ дѣти въ такой пропорціи, какъ этого хочетъ италіанская школа, были нравственно испорчены, тогда въ нашемъ обществѣ преступленіе составляло бы не исключеніе, а правило; тогда Европа покрылась бы бандитами, сѣтью воровскихъ шашекъ, и честный человѣкъ не могъ бы прожить ни одной минуты спокойно. Положеніе отчаянное: не хватило бы жандармовъ для искорененія безчинствъ... Очувтившись въ западнѣ, чувствуя ходульную натянutosть своихъ утвержденій, Ломброзо лицемѣрно простираетъ руки къ воспитанію. Позвольте, какъ же такъ? Человѣкъ, во чревѣ матери, уже въ качествѣ ничтожнаго эмбріональнаго комка слизи, капитализируя въ себѣ рядъ стигматовъ физическаго и нравственнаго вырожденія, какъ даръ отъ своихъ грѣшниковъ асцедентовъ, можетъ исправиться впоследствии подъ вліяніемъ книги, хорошаго общества? Протоплазматическая клѣточка, носящая въ себѣ гниль и разложеніе, можетъ дать здоровый организмъ? Честнаго гражданина, примѣрнаго отца семейства, безукоризненнаго общественнаго дѣятеля?.. Не даромъ Garofalo („La criminologie“, Paris, 1890, p. 143) положъ серьезныхъ сомнѣній насчетъ благотѣльнаго вліянія пресловутой среды во всякую пору человѣческой жизни... Когда Ломброзо, намѣтивъ основныя черты безобразной аномаліи, названной имъ урожденнымъ преступникомъ, вынужденный безвыходностью положенія, молчаливо (и какъ бы причасъ отъ любопытныхъ взоровъ) преклоняетъ колѣно передъ алтаремъ *milieu*, для многихъ философовъ священнымъ,—онъ напоминаетъ намъ акробата, который думаетъ лишь о томъ, какъ бы ловчѣй выпутаться изъ силоекъ труднаго номера. И ученымъ и комедіантомъ руководитъ чувство самосохраненія. Одинъ непременно хочетъ создать что-нибудь новое и оригинальное, иначе онъ безслѣдно будетъ смытъ волной времени. Другой обязанъ кормить себя и семью. Самый фактъ воззванія къ воспитательнымъ мѣрамъ краснорѣчиво говоритъ о томъ тупикѣ, куда загналъ человѣка квази-научный дальтонизмъ. Впрочемъ, было бы ошибкой думать, что Ломброзо ясно отмѣтилъ границы правомочія воспитанія. Онъ писалъ:—„L'éducation peut, en effet, empêcher une bonne nature de passer du crime infantile et transitoire au crime habituel — mais elle ne peut changer ceux qui sont nés avec des instincts pervers“ („L'homme criminel“, I, p. 130). Но—скажите на милость, гдѣ же начинается рождаемость съ развратными наклонностями, и какъ опредѣлить фактъ появленія на свѣтъ субъекта, лишеннаго признаковъ испорченности и нравственной деградаціи?... Въ этой неопредѣленности и двойственности Вы, конечно, не такъ-то легко разберетесь: надо призвать на помощь какого-нибудь добраго индійскаго мага,—авось разгадаетъ онъ загадку, пошептавшись съ яркой звѣздой на синемъ небѣ, многозначительно подувъ на огненные языки, истребляющіе таинственные травы... Не могъ Ломброзо не лавировать съ своими основными утвержденіями, ибо проблема наследственности—кардинальный базисъ школы—одна изъ

наиболѣе темныхъ въ наукѣ. До сихъ поръ, въ XX столѣтіи, среди ослѣпляющаго блеска совершенной техники, день за днемъ дѣлающей буквально поразительныя чудеса, гигантскими шагами двигаясь къ смѣлому идеалу, философія сидитъ угрюмая съ своими морщинами на изможденномъ лицѣ и, безмысленно вперивъ поблекшій взоръ въ одну точку, все бормочетъ старую-престарую сказку:— „Nos volontés n'ont de pouvoir qu'autant que Dieu l'a voulu et prévu, d'ou vient qu'elles peuvent très certainement tout ce qu'elles peuvent, et qu'elles feront très certainement tout ce qu'elles feront, parce que celui dont la prescience est infaillible a prévu tout cela“ (S-t Augustin, „La cité de Dieu“, I t., A Paris, L. V, chap. 9, p. 294). Развѣ мы въ познаніи абсолютныхъ нормъ бытія подвинулись хотя бы на іоту дальше св. Августина? До сихъ поръ мы падаемъ ницъ передъ золотымъ идоломъ трансцендентализма. Изображеніе это своей тайнственностью насъ смущаетъ, и мы смиренно-невѣжественно перебрасываемъ всю тяжесть на выносивыя плечи Идеи не отъ міра сего. Hegel („Philosophie des Geistes“, Berlin, 1845, s. 39), покорно сложивъ земныя доспѣхи, не покидаетъ алтаря Всевышняго и, колѣнопреклоненный, бормочетъ что-то мало внятное, доступное лишь развѣ мистикамъ: духъ—и конеченъ и безконеченъ, и проченъ и непроченъ, и сущъ и несущъ. (Не даромъ по этому поводу ругался старикъ Шопенгауэръ, который терпѣть не могъ философскаго блуда). Плеяда Гегелевскихъ учениковъ—Chr. Karl Bunsen, G. Meiring, Michelet—тоже вздымала очи къ небу. Большие, должно быть, были они грѣшники! Впрочемъ, замѣчалось иногда энергичное желаніе сбросить съ себя узы плѣненія, но результатъ подобнаго напряженія не приводилъ къ благопріятному исходу. Такъ, привыкшій къ вольной жизни звѣрь, запертый въ клѣткѣ, временами, встряхнувъ гривой, рѣшительно пытается одолѣть желѣзныя палки преграды, но старанья оказываются тщетными, пуще раздражая неудовлетворенностью вождельныхъ... Auguste Comte въ свое время сдѣлалъ отчаянную попытку поставить науку съ головы на ноги, въ pendant къ своей классификаціи придумавъ такія выраженія, какъ биологія общества и пр. Но и въ его обширномъ „Курсѣ“ l'ésprit d'ensemble и l'ésprit de détail довольно запутанно сплетаются другъ съ другомъ, оставляя самый неприятный осадокъ на душѣ читателя. То физиологическіе законы индивида занимаютъ за обширнымъ столомъ соціальной дѣйствительности первое мѣсто („Cours de philosophie positive“, Paris, 1830, I t., p. 94), то, напротивъ, само общество подчиняетъ себѣ отдѣльную личность,—соціологія воспринимаетъ въ себѣ биологію („Cours...“, IV t., P., 1839, p. 521). Знаменитый нѣмецкій позитивистъ Herder говоритъ: „Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ естественная исторія человѣческихъ способностей, поступковъ и наклонностей, согласно мѣсту и времени“ („Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, II B., Lpz., 1841, s. 131). Въ частности климату авторъ придаетъ выдающееся значеніе (ib., I, s. 236). На стр. 74 второго тома Гердеръ, касаясь элементовъ главной нормы, управляющей историческими явленіями, упоминаетъ и о врожденномъ народномъ ха-

рактёръ... Мы съ умысломъ приводимъ здѣсь тенденціи двухъ извѣстныхъ мыслителей, намѣтившихъ собой эпоху въ развитіи философіи исторіи. Не трудно видѣть, что и Comte и Herder лишь пытаются завладѣть истиной. Право же, глядя, какъ тотъ и другой бьются въ силахъ противорѣчія, легко убѣдиться, что они не пошли далѣе Montésqieu, который искалъ *esprit général* въ уймѣ различныхъ категорій: климатѣ, религіи, законахъ, максимахъ правительства, примѣрахъ прошлаго, нравахъ и манерахъ („*L'ésprit des lois*“, Paris, 1844, p. 252)—точь въ точь какъ наивный аббатъ Pichon, смѣшавъ въ одну миску индивидуальныя особенности почвы, расположеніе территоріи, качества климата, разнообразіе питанія, характеръ наклонностей съ сверхчувственными явленіями, нормами религіи и обычаевъ, мнилъ себя способнымъ стряпать амврозій философіи исторіи (*L'abbé Pichon, „La physique de l'histoire, ou considérations générales sur les principes du tempérament et du caractère naturel des peuples“*, Amsterdam, 1765, p.p. 3—4). Намъ скажутъ: зачѣмъ тревожить старыя кости? При чемъ тутъ философія исторіи, Монтеस्कьё и Контъ, Гердеръ и Пишонъ? Отвѣчаемъ—намъ нужны были эти авторы въ видѣ иллюстраціи того положенія, что каждая доктрина, претендующая на какой либо философскій смыслъ, въ виду несовершенства нашихъ знаній, характеризуются неизбѣжнымъ дуализмомъ. Станемъ на почву криминалистики, и тутъ наблюдаемъ мы то же явленье: итальянская школа (Lombroso) ратуетъ за биологию, французская (Lacassagne) въ вопросѣ о генезисѣ преступленья на первый планъ выдвигаетъ социологическія тенденціи. Дуализмъ—вещь хорошая и полезная. Уже Гегель (см. его „*Wissenschaft der Logik*“) указывалъ на высокую продуктивность изученія объекта съ двухъ сторонъ, положительной и отрицательной. Но дѣло въ томъ, что наличность дуализма исключаетъ возможность обладанія истиной, предоставляя въ наше распоряженіе лишь кусочки истины. Гдѣ лежатъ цѣльныя формы истины—между двумя противоположными направленіями, или въ массѣ, составляемой путемъ соединенія враждебныхъ другъ другу категорій: мы достовѣрно не знаемъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, какъ это ни странно на первый взглядъ, философія исторіи, въ качествѣ науки сверхопытной, близко соприкасается съ доктриной наслѣдственности. Зная физиологическіе законы, намъ не трудно было бы проникнуть въ глубины психологіи отдѣльной личности, или—говоря словами знаменитаго критика S.-Beuve—on aurait un grand jour sur la qualité secrète et essentielle des esprits („*Nouveaux lundis*“, Paris, 1877, III t., p. 18). Увы—скрыты отъ насъ законы преемства, мы о нихъ ровно ничего не знаемъ. Wilhelm Roux, упорно работая надъ механикой развитія организмовъ, приходитъ къ пессимистическому заключенію, что намъ никогда не удастся достигнуть совершеннаго описанія какъ отдѣльныхъ частей оплодотвореннаго яйца, такъ роста и развитія каждой изъ нихъ („*Beiträge zur Entwicklungsmechanik des Embryo*“, Zeitschrift für Biologie, 1885, 21 B., s. 412). Wilhelm His, второй новѣйшій

ислѣдователь проблемы наслѣдственности, утверждаетъ, что въ настоящее время мы въ отношеніи діагноза зародышей стоимъ приблизительно на точкѣ зрѣнія годичнаго ребенка, который называетъ всѣхъ четвероногихъ однимъ именемъ („Unsere Körperform und das physiologische Problem ihrer Entstehung“, Leipzig, 1875, s. 201). Проблески истины временами замѣтны въ литературѣ, но онѣ весьма слабы, производя впечатлѣніе субъективной тенденціи, чуждой основательной аргументаціи (См. Paladino: „Nouvelles études sur la placentation de la femme. Contribution à la physiologie de l'utérus“, Archives italiennes de biologie, 48 t., Turin, 1907, p. 240). Профес. Оршанскій („Роль наслѣдственности въ передачѣ болѣзней“, С.П.Т., 1897) говоритъ объ эволюціи вида, которая состоитъ изъ двухъ факторовъ: „изъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ внѣшней среды, и наслѣдственной передачи этихъ приобретенныхъ модификацій“ (117). Но этотъ дуализмъ—не новость. Уже Prosper Lucas въ своемъ классическомъ изслѣдованіи („Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle“, Paris, 1847, I—II) прямолинейно проводитъ дуалистическій принципъ l'hérédité и l'innéité, настаивая (I, 620) на ихъ одинаковой жизненности. Тенденціи наслѣдственности, (imitation—подражанія) и врожденныхъ свойствъ (самостоятельности—*invention*), переплетаясь другъ съ другомъ, дѣйствуютъ въ качествѣ двухъ фаталистическихъ законовъ рожденія на равныхъ правахъ. Вотъ схема Lucas: L'innéité — l'invention — diverse; L'hérédité — l'imitation — semblable. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ противорѣчій, почему-то склоняясь въ пользу утвержденія свободы воли, такимъ путемъ, въ ущербъ неизбежности только что намѣченнаго общаго принципа, засыпая l'innéité комплиментами. (Непоследовательность эта, впрочемъ, такъ же неизбежна, какъ невольное толканіе мебели человѣкомъ, очутившимся въ темной комнатѣ).—„Забываютъ постоянно, что человѣкъ—существо нравственное съ свободной природой, которая, будучи одарена внутренней силой въ видахъ самообладанія и сопротивленія собственнымъ импульсамъ, противится еще сильнѣе влеченіямъ и страстямъ, ей чуждымъ“ (I, 495).—„Всѣ достоинства и способности, хорошія или дурныя страсти отцовъ, сообщаемыя дѣтямъ, у этихъ послѣднихъ наталкиваются на человѣчные законы сознанія и разсудка и, какъ уже сказано, какова бы ни была природа наслѣдственныхъ тенденцій, какъ бы настойчивы онѣ ни были, все же, пребывая въ предѣлахъ нравственности, онѣ не могутъ дѣйствовать слѣпо или автоматически: между влеченіемъ и дѣйствіемъ лежитъ цѣлая область свободы и душевныхъ качествъ“ (I, 474). На стр. 459 авторъ уже не считаетъ ни l'hérédité ни l'innéité рычагомъ порока и добродѣтели... Мы предпочитаемъ видѣть взрослого человѣка за игрой въ лошадки съ маленькими дѣтьми, нежели ученаго, который настолько легкомысленно относится къ раціональной гигиенѣ своего желудка, что на 700 страницахъ не перестаетъ жевать и пережевывать явно негодную пищу... Въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ своей метафизической схемы, вовсе не блестящей глубиной, далъ намъ Lucas?

Онъ такъ и не освѣтилъ закона преемства, который остался безъ отвѣта въ пустынномъ морѣ физиологической загадки.—„Мнѣ кажется, существуетъ какая-то фатальность, которая не допускаетъ, чтобы большинство дѣтей замѣчательныхъ своимъ умомъ и добродѣтелями лицъ было достойно своихъ отцовъ, и не одинъ философъ считалъ себя вынужденнымъ возмущаться ею“ (I, 158).—„Отъ родителей, отличающихся блестящей красотой и изящнымъ благородствомъ лица, рождаются дѣти съ грубыми очертаніями, а порой странно-уродливыя. Другая чета, лишенная какой бы то ни было правильности въ очертаніяхъ лица, граціи въ фигурѣ, являя собой даже образецъ въ высшей степени неправильнаго и своеобразнаго сочетанія линий, производитъ потомство съ удивительной гармоніей тѣла и чистотой очертаній безукоризненной“ (I, 106). Такъ формулируетъ Lucas тотъ x , рѣшеніе котораго остается открытымъ... Прибавимъ, что „funktionelle Anpassung“ Wilhelm-a Roux („Gesammelte Abhandlungen über Entwicklungsmechanik der Organismen“, I B., Leipzig, 1895, s. 157) нисколько не облегчило положенія. Ribot („Die Erblichkeit“, eine psychologische Untersuchung ihrer Erscheinungen, Gesetze, Ursachen und Folgen, übers. von Hotzen, Lpz, 1876) куда скромнѣе Lucas. Онъ признаетъ, что свобода воли есть непознаваемый нунемъ (368), что знаніе наше ограничено („Unser Wissen ist Stückwerk“, 266), и что потому провидѣніе того сложнаго комка физиологическихъ и психологическихъ законовъ, которые таятъ въ себѣ загадку индивидуальнаго или коллективнаго характера, не возможно (128).—„Мы не можемъ сказать, отчего опредѣленная форма душевной дѣятельности, переходя къ потомкамъ, перетерпѣваетъ измѣненіе, и почему она охотнѣе принимаетъ именно такое выраженіе, а не иное“ (237). Авторъ смотритъ на наследственность, какъ на первоначальный законъ, который физики зовутъ сохраненіемъ энергіи, а метафизики всеобщей причинностью (424). „Наслѣдственность—норма живой природы, биологическій законъ, рѣшительный и принудительный, какъ законы физики,—принципъ сохранения и постоянства“ (399—400). „Можно сказать, что наследственность по-своему оправдываетъ положеніе „Ничто не погибаетъ“. Своимъ прочнымъ обоснованіемъ, своей непобѣдимой и упорной выдержкой она является одной изъ тѣхъ многочисленныхъ и неразрывныхъ связей, путемъ которыхъ всемогущая природа приковываетъ насъ къ желѣзной необходимости“ (204). Въ человѣкѣ дремлетъ опытъ безчисленныхъ поколѣній (315). Въ отношеніи особенностей вида наследственность выступаетъ въ качествѣ основного закона, не допускающаго исключеній. Какъ со стороны физической, такъ и интеллектуальной всякое животное наследуетъ признаки своего вида безусловно и необходимо (417). Бульдогъ не родитъ охотничью собаку, негръ не производитъ бѣлаго (166).—„Наслѣдованіе наибольшаго числа признаковъ всегда наблюдается, но наслѣдованіе всѣхъ чертъ никогда не имѣетъ мѣста, такъ что наслѣдованіе, хотя и составляетъ законъ, всегда допускаетъ исключенія“ (239). Къ сожалѣнію, эти исключенія встрѣчаются слишкомъ часто, ставя науку въ не-

ловкое положеніе. Вотъ, къ примѣру, родители Жозефа Лепажя. Отецъ—честный труженникъ, довольно интеллигентный; временами выпивая, онъ все же не злой человѣкъ; мать отличалась спокойнымъ и кроткимъ характеромъ. А Жозефъ? Когда отецъ его лежалъ въ больницѣ, онъ былъ принятъ въ домъ одного работника по имени Шьеръ. Жозефъ воспламеняется страстью къ женѣ своего благодѣтеля и, не желая, чтобы она третировала его какъ мальчишку, покушается на ея убійство и изнасилованіе, убѣдившись въ томъ, что ему не удастся достигнуть удовлетворенія животной похоти съ женщиной, обладающей которой онъ такъ безнадежно жаждалъ. „У меня была мысль, рассказывалъ онъ доктору, ее задушить и послѣ этого удовлетворить свою страсть. Когда тѣло еще не остыло, это должно быть также очень недурно“. Замѣтивъ однако струящуюся кровь, шестнадцатилѣтній монстръ успокоился, похитивъ лишь у своей жертвы кошелекъ, гдѣ было 7—8 франковъ. Натура глубокоиспорченная, лишенная самага элементарнаго сознанія нравственнаго долга, Жозефъ въ отвѣтъ на упрекъ въ лѣности и дурномъ поведеніи возражаетъ:—„Тотъ, кто работаетъ—глупецъ. Найти бы женщину, которая отдавала бы мнѣ сорокъ су ежедневно,—все пойдетъ хорошо“ (Henri Joly, „Jeunes criminels parisiens“, Archives d'anthrop. crim., 5 t., 1890, p. 153, 148, 165). Диву даешься, откуда берутся такіе пиничные, звѣрскіе инстинкты въ юношѣ честныхъ, хорошихъ родителей, почти мальчикъ! Какой это злой духъ подстерегаетъ дѣтей и, забравъ ихъ въ свои цѣпки, отвратительныя лапы, кастрируетъ ихъ душу, уродуя и развращая нравственное чувство?.. Демонъ этотъ имѣетъ не одну кличку: тюрьма, кабарэ, троттуаръ,—вотъ его популярныя названья. Въ литературѣ тысячу разъ обсуждали вопросъ о желательности поставить дѣло воспитанія на надлежащую высоту. Очевидно, больной этотъ вопросъ у всѣхъ націй. John Haycraft („Natürliche Auslese und Rassenverbesserung“, Bibl. der Socialwiss. mit bes. Rücksicht auf soc. Anthropol. u. Pathologie, II B., von Hans Kurella, Lpz, 1895, s. 106) говоритъ о необходимости удѣлять проблемѣ процвѣтанія расы такое же вниманіе, какъ это дѣлается въ отношеніи розъ и хризантемъ... Невинное желаніе! Хорошо дѣтямъ, которыхъ родители окружаютъ разумными развлеченіями, учителями, боннами. Съ самага нѣжнаго возраста они обучаются вѣжливости, корректности и манерамъ. Выростая въ средѣ, гдѣ удобство иногда соперничаетъ съ комфортомъ, они лишены преступныхъ наклонностей и могутъ умереть, не имѣя за собой юридическаго dossier. Не даромъ Herbert Spencer ставитъ въ связи съ преступностью отсутствіе утренней ванны („a morning bath“) и смѣны платья („a second suit of clothes“),—„The Study of Sociology“, Williams and Norgate, 1880, 357. Что дѣлать малышамъ, которые съ раннихъ лѣтъ вынуждены работать въ мастерскихъ рядомъ съ какимъ-нибудь испорченнымъ до мозга костей верзилью, ветераномъ по части пикантныхъ любовныхъ приключеній, воромъ, грубо мечтающимъ о социальномъ равенствѣ и тутъ же не только похищающимъ завтракъ своего сосѣда, но эксплуатирующимъ этого по-

слѣднаго безсовѣстно и варварски? Что дѣлать съ дѣтьми, которыя, не имѣя почти крова, благодаря сомнительнымъ знакомствамъ, приобретаемымъ на бульварахъ, въ садахъ, привыкають съ 7—8 лѣтъ къ куренію табаку, нѣсколько позже—къ потребленію алкоголя, посѣщенію позорныхъ для нашей цивилизаціи подозрительныхъ кафѣ, мѣсть свиданья? Теоретики не безъ основанія въ дѣлѣ воспитанія придають огромное значеніе родительскому дому: Dix („Socialmoral“, Leipzig, 1898, s. 17) называетъ его „die wichtigste Grundlage des gesamten socialen Milieus“. Ктѣ рѣшится сказать, что мальчикъ выхолонный, краснощекій, болтающій по-французски и англійски, отличающійся прекрасными манерами родился съ *болѣе совершенной* организаціей, чѣмъ другой, несмотря на свои 15 лѣтъ обладавшій уже нѣсколькими женщинами, грубый и циничный съ изнуреннымъ лицомъ и хриплымъ голосомъ? Ктѣ изъ здравомыслящихъ людей станетъ объяснять явленіе дождя вмѣшательствомъ Провидѣнья, а не сошлется попросту на физическій законъ выпаденія атмосферныхъ осадковъ? Рычаги преступленія далеко не всегда такъ сложны, чтобы была надобность всякій разъ выдумывать въ видахъ его объясненія какую-нибудь непременно сложную и мудреную формулу? Guilloit, намъ кажется, правильно удостовѣряетъ, что, навѣщая арестантовъ и узнавъ ихъ curriculum vitae, приходишь къ заключенію о тѣсной причинной связи между дѣяніемъ и самой жизнью узника... „Вы не встрѣтитесь лицомъ къ лицу ни съ однимъ загадочнымъ явленьемъ; Вамъ не для чего будетъ, ударивъ себя рукой по лбу, сказать: какъ же такъ случилось, что этотъ человѣкъ убилъ, или укралъ; разсудокъ Вашъ не будетъ приведенъ въ замѣшательство; иногда Ваше сердце будетъ тронутѣ, но Вамъ не придется доискиваться объясненія преступленія въ научныхъ гипотезахъ, настолько это объясненіе ясно и рельефно вытекаетъ изъ самой жизни виновника“ („Les prisons de Paris et les prisonniers“, op. cit., p. 143). Правъ Габріэль Тардь, утверждая: „La raison pour laquelle les honnêtes gens restent honnêtes est la même pour laquelle les délinquants sont récidivistes“ („La philosophie pénale“, Paris, 1903, p. 248). Вы видите такимъ образомъ какъ бы два различныхъ слоя среды. Контуры всякой типичной группы замыкають кругъ опредѣленныхъ традицій, вѣрованій и обыкновеній. Таковъ законъ социальной жизни. Организмы конкретнаго социального ядра въ общемъ походятъ другъ на друга своими наклонностями, нравственностью и пороками. Не знаемъ, есть ли настоятельная необходимость называть этотъ законъ подражаніемъ, какъ это сдѣлалъ Тардь („Les lois de l'imitation“, Paris, 1890, p. 55). Намъ лично кажется черезъ чуръ догматичнымъ доведеніе „социальнаго человѣка“ до степени механическаго аппарата, который въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ копируетъ лишь характеристическія черты окружающей обстановки. Faggi въ своей ст. „Monadologia e sociologia“ (Rivista di storia e filosofia del diritto, 1 vol., Palermo, 1897, 240), разбирая теорію Тарда, остроумно замѣчаетъ: „L'uomo sociale è così un vero sonnambulo“... Такъ или иначе—достовѣрно лишь, что ка-

ждающая социальная клеточка представляет в нашем капиталистическом обществе тип. Оттого это общество некоторыми называется обществом разобщения сил, классовым обществом. Одно из наиболее прискорбных явлений этого последнего составляет детская проституция—прелюдия преступления. Кто, живя в большом европейском городе, en plein jour, среди шума и блеска, где-нибудь на центральной улице не был остановлен вызывающим взглядом маленькой цветочницы, молчаливо, но многозначительно предлагающей свои услуги?... Что сказать о роковых часах, когда наступают сумерки? Когда ночь, своей загадочной пеленой покрывая здания и людей, тысячу губ и глаз вызывает к любовным наслаждениям, вливая яд грязных желаний в сердца?... Знатки дѣла увѣряютъ, что дѣтскія душонки старыми и молодыми развратниками—дегенератами загрязняются до такой степени, дальше которой в теории и практикѣ половых совокуплений идти невозможно. Какъ уберечь этихъ несчастныхъ дѣтей отъ изверговъ мужчинъ, когда они уже вь предѣлахъ родительской квартиры и видятъ и слышатъ гнусныя, отвратительныя вещи? Сожительство отца съ любовницей, измѣна мужу матерью проходить вѣдь на ихъ глазахъ. Идя навстрѣчу природному любопытству, они жадно присматриваются къ отвратительной сценѣ преступныхъ объятий и поцѣлуевъ. Неотразимыя картины! Онѣ остаются у дѣтей на всю жизнь! Вотъ почему D-r Kraepelin („Die Abschaffung des Strafmasses“, Stuttgart, 1880, s. 76) энергично ратуетъ за принудительное воспитаніе дѣтей мѣрами государственными; онъ совѣтуетъ „gewaltsam in die perverse Erziehung einzugreifen.“ (См. также Henri Joly: „Le combat contre le crime“, Paris, 6. об. года, chap. III подъ заглавіемъ: „Les enfants à préserver“, p. p. 65—108). Засимъ, надо ли доказывать губительный вредъ совместной работы мальчиковъ и дѣвочекъ на фабрикахъ и заводахъ, этихъ наиболее любимыхъ дѣтяхъ капитализма? Frégier в своей превосходной книгѣ—„Les classes dangereuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleures“, Paris, 1840—не потерявшей своей свѣжести и по сію пору, иллюстрируя интересующій насъ вопросъ, говоритъ (I, 100—101) о дѣвочкѣ, которая съ 16 лѣтъ дѣлается матерью, работая в томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ отецъ ея слыветъ развратнѣйшимъ повѣсой... Замѣтите, большой городъ—центръ, куда направлены взоры родителей, охотно отсылающихъ своихъ дѣтей для поисковъ работы въ клоаки капиталистич. цивилизаціи изъ провинціи. Очень хорошо по этому поводу сказалъ Henri Joly („La France criminelle“, Paris, 1889, p. 88): „Une famille envoie souvent son fils ou sa fille avec plus de légèreté qu'elle ne s'en permettrait pour aventurer un tonneau de vin ou une corbeille de fruits“. А улица съ ея пошлостью и грязью? Попавъ въ общество мальчишекъ, наполовину уже испорченныхъ, дѣвочка вскорѣ погибаетъ, естественно доходя до распутства и безчинства. Parent-Duchatelet в своемъ изслѣдованіи о парижской проституціи (op. cit., I, 95—96) замѣчаетъ: „Касаясь лишь

молодых дѣвушекъ, я спрашиваю, какое онѣ могутъ имѣть представленіе о добродѣтели, когда, несмотря на самый нѣжный возрастъ, не щадятъ ни ихъ ушей, ни глазъ; когда онѣ видятъ, какъ родители расходятся и вступаютъ въ прелюбодѣйныя связи? Бѣлая часть чуть ли не съ первыхъ же дней жизни выброшенная на улицу для продажи фруктовъ, овощей, или пѣсенъ; скученная въ мастерскихъ съ молодыми людьми такого же сложенія вскорѣ усваиваетъ себѣ безпутныя привычки, преждевременно образуя безнравственныя связи; невинность ихъ потеряна значительно раньше, нежели природа поднимаетъ свой голосъ“. Чудесная картинка! И душу губятъ все тѣ же несносные экономическіе феномены! Не даромъ Moreau Christophe („Du problème de la misère et de sa solution chez les peuples anciens et modernes“, III t., Paris, 1851, p. 520) отождествляетъ пауперизмъ современной цивилизаціи съ рабствомъ античной культуры. Такое социальное зло не такъ-то легко искоренимо обычными мѣрами нашей общественной профилактики. Parent-Duchatelet придерживается того мнѣнія, что проституція существуетъ и всегда будетъ существовать въ большихъ городахъ, такъ какъ она, все равно какъ нищенство, игры, составляетъ промыселъ и защиту противъ голода (op. cit., II, p. 515). Да, поскольку наши прелестныя социальныя отношенія будутъ блистать своими возмутительными противорѣчіями, такое соображеніе вѣрно, и мы, право, не знаемъ, должно ли непременно каждому человѣку, наблюдающему страшные спутники капитализма, сдѣлаться тѣмъ идеальнымъ мечтателемъ, котораго воплощалъ собой Авг. Бебель, когда писалъ свое изслѣдованіе о женщинѣ и социализмѣ. Вѣрно лишь одно: ужасныя явленія нашей общестственности, способныя привести въ недоумѣніе самаго упорнаго оптимиста, имѣютъ своимъ источникомъ не физическое, или моральное вырожденіе. Нѣтъ, они искусственны, и ихъ можно побѣдить. Letourneau, касаясь въ своей книгѣ („L'évolution de la morale“, op. cit., 390) разныхъ точекъ современнаго намъ общества, между прочимъ говоритъ: „Развѣ все это физическое и нравственное вырожденіе является необходимостью? Развѣ оно вытекаетъ изъ самой организаціи человѣческаго рода? Развѣ мы прошли грань своего развитія и, подобно органическимъ видамъ, находящимся въ антагонизмѣ съ своей физической средой, намъ остается лишь придти въ упадокъ и исчезнуть?—Нисколько. Все это зло—искусственно, оно—наше дѣтище; его создала *auri sacra fames* римскаго поэта“. Настъ, впрочемъ, плохо поняли бы, предполагая, что мы въ объясненіи генезиса преступленія отдаемъ предпочтеніе тенденціямъ социологическимъ. Ничего подобнаго. Мы указываемъ, напротивъ, что ни антропология, ни социология преступности не обладаютъ истиной, мѣстонахожденіе которой намъ не извѣстно. Быть можетъ секретъ заключается въ соединеніи обоихъ направлений въ одно компактное цѣлое, но тогда изъ-подъ ногъ уходитъ почва научнаго изысканія: получается одна масса, въ которой отказываемся разобратся—нельзя найти въ ней тѣхъ измѣ-

реній, безъ которыхъ наука—безкровная мумія. Нечего доказывать, что ссылка на пресловутое milieu страдаетъ односторонностью, въ такой же мѣрѣ присущей ревнивымъ тенденціямъ самодовлѣющаго субъективизма. Обстоятельство это сплошь и рядомъ отмѣчается въ литературѣ. D-r Eugénie Dutoit въ своей работѣ „Die Theorie des Milieu“ остроумно замѣчаетъ: „Какой-нибудь Кантъ читаетъ въ высшей степени интересныя лекціи по сравнительному землеописанію, несмотря на то, что самъ не совершалъ ни одной поѣздки, никогда не ступилъ шагомъ за предѣлы родной провинціи“ (Bernier Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte, 20 B., Bern, 1899, s. 112).—„Какъ могутъ, спрашиваетъ Albert Paul, изъ одного объективнаго созерцанія опредѣлиться для гениальнаго музыканта богатство его звуковыхъ сочетаній, для поэта теченіе стиховъ, для художника мягкость его красокъ?“ („Wie empfindet, denkt und handelt der geniale Mensch?“, Berlin, 1904, s. 11). „Если бѣ преступленіе, говоритъ Ferri, въ дѣйствительности было исключительно продуктомъ общественной среды, какъ объяснить ежедневно наблюдаемое явленіе, что изъ 100 лицъ, живущихъ при одинаковыхъ условіяхъ нужды, одичанія и невѣжества, 60 остаются такими, какъ были, 25 совершаютъ какое-нибудь преступленіе, 5 предпочитаютъ самоубійство преступленію, пятеро другихъ дѣлаются лишь безобидными нищими и бродягами, а 5 сходятъ съ ума? И почему изъ тѣхъ, которые рѣшаются на преступленіе, одни ограничиваются простой кражей, другіе изъ нихъ совершаютъ кражу со взломомъ, или убиваютъ того, кто имѣетъ быть ими ограбленъ, раньше чѣмъ онъ защищается, угрожаетъ, или зоветъ на помощь?“ („Das Verbrechen als sociale Erscheinung“, op. cit., s. 130).—„Соціализмъ низводитъ причины преступности на хозяйственныя отношенія, отъ которыхъ, согласно его ученію, зависятъ и всѣ прочія нравственныя и интеллектуальныя состоянія индивида и общества. Однако, я держусь того мнѣнія, что хозяйственный факторъ не вызывалъ бы преступленія безъ биологическихъ вліяній, и что онъ вовсе не составляетъ первой и абсолютной причины преступленій. И теперь еще, послѣ того какъ я убѣдился, что экономическій детерминизмъ или историческій матеріализмъ Марксовой школы есть единственно положительная и плодотворная общественная теорія, я придерживаюсь этого мнѣнія. При смѣнѣ причинъ и вліяній не избѣжно заключеніе, что хозяйственныя отношенія—лишь одинъ изъ множества факторовъ, которые съ болѣею или менѣею энергіей опредѣляютъ преступленіе“ (ib., s. 65). Другіе авторы, признавая силу внѣшняго воздѣйствія, идутъ на компромисъ путемъ воззванія къ человѣческому сознанію, къ логикѣ. Такъ, D-r Dubois („De l'influence de l'esprit sur le corps“, Berne-Paris, 1901, p.p. 30-31) убѣжденъ, что значеніе milieu съ предопредѣленнымъ характеромъ создаетъ наша собственная мысль (c'est par la pensée que nous rendons plus fatale cette influence du milieu), и ту же мысль слѣдуетъ взять въ руки, такимъ путемъ уменьшая вліяніе среды вмѣсто того, чтобы его увеличивать. Такъ или иначе, но мы утвер-

ждаемъ: какъ индивидуальныя (біологическія), такъ и супра-индивидуальныя (экзогенныя) причины несомнѣнно обуславливаютъ развитіе всякаго живого организма; однако, въ виду своего невѣжества, мы отказываемся рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствуетъ одна категорія предпочтительнѣе передъ другой. Что проблема эта нелегко поддается разрѣшенію, ясно изъ работъ писателей, которые занимались изслѣдованіемъ зарожденія идеологическихъ цѣнностей. Нѣтъ, конечно, надобности углубляться въ тускло освѣщенные рудники философскихъ построеній, тѣмъ менѣе умѣстно туда же тащить съ собою читателя. Считаемо однако нужнымъ, въ видѣ иллюстраціи нашей мысли, указать на слѣдующіе примѣры: L'abbé du Bos („Réflexions critiques sur la poésie et sur la peinture“, I—II, Dresde, 1760) и Willemain („Mélanges philosophiques, historiques et littéraires“, I—II—III, Bruxelles, 1829) захотѣли заглянуть генезису литературнаго гения прямо въ глаза. Неблагодарная задача и опасное предпріятіе! Надо прочесть ихъ произведенія и воочию убѣдиться, сколько разъ эти изслѣдователи грубо противорѣчатъ себѣ, спокойно переходя отъ одного ряда факторовъ къ другому, имъ противоположному! Gustave Le Bon въ 1904 году въ Парижѣ выпустилъ книгу подъ заглавіемъ: „Les lois psychologiques de l'évolution des peuples“. Вотъ что мы читаемъ здѣсь:—„Не случай, не внѣшнія условія, тѣмъ менѣе политическія учрежденія играютъ существенную роль въ исторіи народа. Главнымъ образомъ въ созданіи его судьбы участвуетъ характеръ“ (р.р. 175—6). Очень хорошо. Что же это за таинственная функція?—„Если бъ пожелали перевести на механическую рѣчь всѣ тѣ вліянія, которымъ индивидъ подчиняется, которыя направляютъ его поведеніе, можно было бы сказать, что они бываютъ трехъ родовъ: первое и несомнѣнно самое важное—это вліяніе прародителей; второе—вліяніе ближайшихъ родственниковъ; третье—явленіе, которому придаютъ вообще едва ли не самое важное значеніе, хотя оно наиболѣе слабое—это вліяніе среды. Послѣдняя,—понимаемъ подъ ней различныя физическія и моральныя воздѣйствія, которымъ человѣкъ подвергается всю жизнь, особенно во время воспитанія,—производитъ лишь весьма слабыя измѣненія. Среда реально дѣйствуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда наслѣдственность въ теченіе долгаго времени накопляетъ ее въ одномъ направленіи. Человѣкъ, что бы онъ ни дѣлалъ, всегда и прежде всего есть представитель своей расы. Совокупность мыслей и чувствъ, приносимыхъ съ собою людьми одной и той же страны съ самаго рожденія, образуетъ душу расы. Невидимая въ своей сущности, эта душа видима въ своихъ проявленіяхъ, такъ какъ она въ дѣйствительности управляетъ всей эволюціей народа“ (р.р. 11—12). Итакъ, отъ икса, точки отправленія, мы вернулись къ тому же иксу... Лишь только философъ, оставивъ на минуту плоскую поверхность своего изслѣдованія, нагинается надъ пропастью вѣчныхъ проблемъ, съ жадностью лова ухомъ малѣйшее шуршанье,—голову сдавливаютъ холодное кольцо, растерянность и смущеніе родятъ противорѣчіе, непослѣдова-

тельность. Просимъ извиненія у читателя за большое отступленіе, допущенное нами въ видахъ указанія, что, при несовершенствѣ нашихъ знаній объ органическомъ развитіи зародыша (проблема наследственности), нѣтъ возможности притти къ какому либо опредѣленному отвѣту касательно т. наз. преступнаго типа. Природа напоминаетъ искуснаго дирижера, который изъ оркестра, имъ управляемаго, можетъ извлечь сочетаніе самыхъ разнообразныхъ звуковъ сложнѣйшей концепціи. Въ одну или нѣсколько нотныхъ тетрадей втиснуть все музыкальное содержаніе такой колоссальной потенціи не представляется осуществимымъ. Обратитесь къ разсмотрѣнію результатовъ, которые выяснились для Ломброзо по изученіи имъ 79 преступныхъ дѣтей въ возрастѣ до 12 лѣтъ, и Вы увидите подтвержденіе сказаннаго. Малолѣтніе находились въ исправительныхъ домахъ; изъ нихъ 30 имѣли оттопыренные уши, 21—малый и низкій лобъ, 19—плагіоцефалію и т. д. (op. cit., I, 120). „Преступный типъ, характеризующійся оттопыренными ушами, низкимъ лбомъ, плагіоцефаліей, выпуклостью челюстей, лицевой асимметрией и пр., можетъ у малолѣтнихъ достигнуть 59⁰/₁₀₀. Пропорція достигла бы даже 91⁰/₁₀₀, если бъ счетъ производился въ отношеніи указанныхъ аномалій не собранныхъ вмѣстѣ, а разобщенныхъ отдѣльно“. Вполнѣ довѣряя статистическимъ вычисленіямъ автора, нельзя не замѣтить, что факты, на которыхъ онъ обосновываетъ свои сужденія, какъ уже не разъ было указано, не могутъ, къ сожалѣнію, служить доказательствомъ существованія типа. Спору нѣтъ—наука и типическія отношенія нѣжно лелѣютъ другъ друга; это въ своемъ родѣ мать и дѣти. Но какъ можно говорить о типѣ, когда самъ Ломброзо нерѣдко на одной и той же страницѣ констатируетъ цѣлую серію исключеній изъ подчеркиваемаго имъ тутъ же общаго правила? Такъ, детальное изученіе 100 богатыхъ дѣтей въ частномъ учебномъ заведеніи—Интернаціональной Туринской коллегіи дало такіе результаты: 53 оказались безусловно нормальными какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи, и лишь 44 человѣка имѣло кое-какіе дегенеративные признаки. Изъ 44 лишь 6-мъ были свойственны нѣкоторыя безнравственныя влеченія (буйство, страсть къ ссорамъ, небрежность въ ученіи, ложь). Зато двое, несмотря на эти отрицательныя черты, отличались прекраснымъ характеромъ, а пятеро (среди которыхъ одинъ съ плагіоцефаліей) были одарены замѣчательнымъ умомъ.—„Это доказываетъ, гов. Ломброзо въ заключеніи, что физическая аномалія не всегда влечетъ за собой необходимо психическую“ (I, p. 125). Такъ истязуетъ маэстро свое собственное дѣтище. Но къ гениальнымъ чудачествамъ Ломброзо пора привыкнуть. Никогда не слѣдуетъ забывать, что создатель уголовной антропологии—авторъ неограниченныхъ несообразностей и откровенной непослѣдовательности.

12.

До выпуска въ свѣтъ третьяго изданія своего „Преступнаго человѣка“ безусловно разграничивая понятіе прирожденнаго преступника

отъ такъ называемаго нравственно-помѣшаннаго, Ломброзо въ послѣдствіи счелъ нужнымъ держаться на этотъ счетъ другого мнѣнія, находя, что морфологическіе признаки урожденнаго преступника свойственны и нравственно-помѣшаннымъ („L'homme criminel“, II, p. 1 и сл.). На первомъ планѣ идентичность нравственнаго помѣшательства и преступленія подтверждается статистическими данными. Благодаря изслѣдованіямъ Dagonet, Adriani, Palmerini, Verga нашли очень небольшое число нравственно-помѣшанныхъ въ домахъ умалишенныхъ и—напротивъ—весьма значительное количество лицъ, пораженныхъ нравственнымъ помѣшательствомъ, въ тюрьмахъ. Не удивляйтесь этому наивному аргументу, гдѣ фактъ случайнаго смѣшенія злоумышленниковъ съ помѣшанными возводится на высоту объективнаго критерія. Геніальный ляпусъ! Засимъ идутъ измѣренія черепа. Изъ 24-хъ нравственно-помѣшанныхъ лишь у десяти нашли черепныя аномаліи. 14 были лишены этихъ послѣднихъ. У пяти найдены: большое развитіе челюстей, лицевая асиметрія, непропорціональная величина ушей, отсутствіе бороды у мужчинъ, мужскія черты у женщинъ, узкій лицевой уголъ. Наконецъ, аналгезія, татуировка, ловкость, преждевременная развращенность полового чувства, нравственный идиотизмъ, мегаломанія, лукавство, лѣность—вотъ важнѣйшіе признаки нравственно-помѣшанныхъ. Объ этихъ признакахъ Ломброзо говоритъ мало, каждому изъ нихъ посвящая всего нѣсколько строчекъ, иллюстрируемыхъ соотвѣтствующими примѣрами, вообще какъ полагается приличному человѣку, который дѣлаетъ науку, науку въ драмахъ и унціяхъ. Эпилепсія завершаетъ теоретическія побасенки автора (op. cit., II, p. 49 и сл.). Это въ своемъ родѣ крыша воздвигнутаго карточного домика. Въ эпилепсіи Ломброзо видитъ звено, соединяющее въ одну естественную семью нравственно-помѣшанныхъ и преступниковъ урожденныхъ (ib., 50). Какъ и эти послѣдніе, эпилептики отличаются стигматами вырожденія: асиметріей черепа, объемистой челюстью, средней затылочной ямкой, найденной у эпилептиковъ Ломброзо въ такой же пропорціи (16%), какъ и у преступниковъ. Зато рѣже замѣтны: ossa vormiana, синостозъ перваго шейнаго позвонка, лобная микроцефалія. Изслѣдуя 220 эпилептиковъ, Ломброзо нашелъ у нихъ: оттопыренные уши въ размѣрѣ 39⁰/₀, выдающіяся скулы—34⁰/₀, sinus frontales—28⁰/₀, отсутствіе бороды—20⁰/₀, объемистую нижнюю челюсть—19⁰/₀, лицевую асиметрію—11⁰/₀, асиметрію черепа—30⁰/₀ и т. д. (p. 54). Засимъ слѣдуютъ: неуклюжесть, галлюцинаціи, наивная профанация религіознаго чувства, любовь къ животнымъ, непристойность въ половомъ отношеніи, влеченіе къ убійству и разрушенію, черты каннибализма, тщеславіе, наклонность къ спиртнымъ напиткамъ, самоубійству, татуировкѣ, ассоціаціи, симуляціи...—„Тѣмъ, замѣчаетъ Ломброзо, которые возразятъ мнѣ, что не всѣ эпилептики совершаютъ преступленія, какъ не всѣ эпилептики геніальны, я отвѣчу: я убѣжденъ въ томъ, что всѣ прирожденные преступники—эпилептики, но не думаю, чтобы всѣ эпилептики были урожденными преступниками“

(II, p. 122). Таковъ заключительный аккордъ системы криминальной антропологии. Попытаемся разобраться въ содержаніи нео-претензій италянскаго школы—нравственномъ помѣшательствѣ и эпилепсіи. Что такое нравственное помѣшательство? Есть ли это обычное помѣшательство, т. е. разстройство главнымъ образомъ умственныхъ способностей подъ вліяніемъ опредѣленнаго патологическаго состоянія, или тутъ кроется понятіе о безуміи *sui generis*? Ломброзо въ предисловіи къ второму французскому изданію своего „Преступнаго человѣка“ („L'homme criminel“, I, Introduction, XI) въ отвѣтъ Тарду на его статью „Type criminel“ (см. „Revue philosophique“, 1885) заявляетъ, что нравственно-помѣшанный, ничего общаго не имѣя съ душевно-болѣзнымъ, есть кретинъ нравственнаго смысла („*crétin du sens moral*“). Такимъ образомъ слѣдуетъ прити къ заключенію, что нравственное помѣшательство есть особаго рода болѣзненное состояніе, которое, не затрогивая умственныхъ центровъ, заключается въ полной атрофіи нравственнаго сознанья, или чувства нравственной отвѣтственности. Когда говорятъ, что рецидивистъ—нравственно-помѣшанный, это значитъ, что въ нравственномъ отношеніи онъ—тупое животное; что коэффициентъ его нравственнаго достоинства равенъ нулю. Совѣсть, общество, Богъ для него—пустыя слова. Обычная степень благородства, ординарной человѣчности чужда привычному преступнику. Рычагъ всѣхъ дѣяній—инстинктивно-эгоистическое влеченіе. Ломброзо въ доказательство отсутствія у профессиональных злоумышленниковъ элементарнаго чувства нравственнаго сознанья между прочимъ приводитъ слѣдующіе два примѣра (op. cit., I, 420):—„Одинъ миланскій воръ говорилъ мнѣ:—„Я не похищаю, я отнимаю лишь у богатыхъ людей то, чего у нихъ имѣется вдоволь, но развѣ адвокаты, купцы не дѣлають того же самаго? Отчего же меня одного осудили, а ихъ оставляють въ покоѣ?“ Другой выразился такъ: „Кража, говорятъ, дурной поступокъ; съ этимъ я не согласенъ. Я ворую по инстинкту. Для какой цѣли человѣкъ появляется на свѣтъ, какъ не для наслажденья? Теперь же, если бъ я не кралъ, я вовсе не могъ бы наслаждаться, я даже лишень былъ бы возможности существовать. Въ мірѣ мы необходимы; безъ насъ, какая надобность была бы въ судьяхъ, адвокатахъ, приставахъ, тюремщикахъ? Мы кормимъ всѣхъ этихъ людей“. Нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что форма этихъ двухъ заявленій и цинична и груба. Однако, трактую объектъ научнаго изслѣдованія, должно старательно очищать цѣнные зерна отъ дрянныхъ плевелъ, о чемъ бы рѣчь ни шла. Утверждаемъ безъ колебаній, что миланскими ворами въ ихъ разсужденіи о судьяхъ и адвокатахъ руководило бахвальство, желанье порисоваться, пооригинальничать. Каждому знакомъ типъ обвиняемаго, который, держась на судебномъ слѣдствіи съ вызывающимъ самомнѣніемъ, отрицаетъ свою вину съ рѣдкой настойчивостью, достойной лучшей участи; старается доказать свое *alibi* путемъ наведенія свидѣтелей на опредѣленные показанія; говорить громко, увѣренно; жестикулируетъ передъ присяжными засѣдателями, несмотря на свое темно-

сѣрое одѣяніе, не безъ сознанія собственнаго достоинства, а вслѣдъ за осужденіемъ, комкая арестантскую шапку, въ доказательство пренебрежительнаго отношенія къ приговору съ веселой усмѣшкой, а иногда и гиканьемъ покидаетъ скамью подсудимыхъ, къ огромной радости казенныхъ тюремныхъ клоповъ. Нельзя не испытывать чувства отвращенія къ поведенію человѣка, который, въ виду своей несомнѣнной глупости, такъ непристойно держитъ себя передъ судомъ. Но рисовка—побужденіе колоссальной силы, хотя чувство это мелочное, и грошъ ему цѣна. Что можно требовать отъ вора или грабителя, который къ тому же всегда готовъ дать нѣсколько очковъ впередъ хроническому алкоголику или отъявленному развратнику, когда пять разъ на десять Вы въ хорошемъ обществѣ видите взрослого, „образованнаго“ мужчину ужъ слишкомъ часто ослѣпляющимъ Васъ блескомъ своего перстня, красотой произношенія, изяществомъ манеръ и т. д.? Засимъ, нельзя упускать изъ виду, что человѣкъ, наружно самонадѣянный и грубый, въ минуты даже наиболѣе отвратительнаго проявленія чертъ своего упорно-нахальнаго нрава, въ душѣ нерѣдко переживаетъ грозную бурю борьбы и—кто знаетъ—быть можетъ чистой. Не доступны для нашихъ глазъ высоко вздымающіяся волны внутреннихъ переживаній, ибо намъ вообще очень мало что извѣстно о психикѣ. „Что такое психика, гов. Rud. Arndt, мы не знаемъ. Мы понимаемъ подъ ней то Нѣчто, путемъ коего организмы, которымъ мы это Нѣчто приписываемъ, сознаютъ самихъ себя и, въ отвѣтъ на раздраженія внѣшняго міра, соотвѣтственно этимъ послѣднимъ, воспринимаютъ, чувствуютъ, двигаются“ („Biologische Studien“, I, Greifswald, 1892, s. 185). Можетъ ли кто-нибудь заглянуть въ душу преступника, который—мы этого убѣжденія никому не навязываемъ—при всей своей испорченности, при всемъ своемъ цинизмѣ, при всей своей жестокости гдѣ-то далеко, въ скрытыхъ тайникахъ своего внутренняго „я“, все же хранить искру нисходятельности, человѣчности, милосердія? Передъ Вами стоитъ грѣшникъ—молчаливый, забытый, угрюмый, или—рѣзкій, смѣлый, нахальный. Будьте объективны. Отбросьте мысль по внѣшнему, иногда нѣмомъ, поведенію судить о внутреннемъ состояніи человѣка. Не говорите: онъ чуждъ раскаянью, сознанья нравственной отвѣтственности, и потому онъ—кретинъ въ моральномъ смыслѣ, такъ что санкція закона должна быть примѣнена къ нему въ maximum-ѣ. Или, напротивъ: его убитый видъ краснорѣчиво говоритъ за наличность глубокаго сожалѣнія о содѣянномъ, за добрыя чувства, за готовность цѣной честной жизни искупить преступленіе передъ людьми и Богомъ. Такія сужденія субъективны и оттого негодны къ примѣненію въ научныхъ критеріевъ. Въ частности, что касается конфиденціальной стоворчivosti человѣка, она обусловливается расположеніемъ темперамента, обстановкой данной минуты, интенсивностью переживанья и массой другихъ, едва уловимыхъ, причинъ. Подслѣдственные арестанты, равно какъ преступники, сколько намъ извѣстно, неохотно дѣ-

лятся съ кѣмъ бы то ни было своимъ интимнымъ міромъ. Всегда ли намъ, адвокатамъ, получающимъ на осн. 569 ст. У. У. С. разрѣшеніе на свиданье съ подсудимыми, приходится отъ этихъ послѣднихъ слышать въ деталяхъ интимное повѣствованіе, какъ психологическое обоснованіе тѣхъ фактовъ, которые вкратцѣ и такъ сухо изложены въ копіи обвинительнаго акта, этого фатальнаго, многозначительнаго *memento*? Сущность „свиданья наединѣ“ сводится въ большинствѣ случаевъ къ банальному отрицанію со стороны узника вины, къ возложенію ея на плечи другихъ обвиняемыхъ, если таковыя фигурируютъ въ процессѣ, или на снисходительную спину стѣсненнаго матеріальнаго положенія, которое часто братается съ состояніемъ опьяненья... Намъ лично, къ сожалѣнію, только въ очень рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ приходилось наталкиваться на изложеніе всѣхъ перипетій преступленья, не безыскусственное освѣщеніе мотивовъ дѣянья, когда, разумѣется, изъ обстоятельствъ дѣла съ достаточной достовѣрностью устанавливалась вина заключеннаго. Чѣмъ оправдать такую скрытность со стороны обвиняемаго?—Недовѣріемъ? Но кому же долженъ довѣрять подсудимый, по доброй волѣ выбирающій себѣ защитника, который, по его глубокому убѣжденію, можетъ свободно *binden und lösen* даже наиболѣе запутанные всевозможной казуистикой кунштштюки криминальнаго искусства? Вопросъ разрѣшается, какъ намъ кажется, просто: интимныя переживанія, равно какъ пестрыя нити инкриминируемаго преступленья узникъ скрываетъ отъ любопытныхъ взоровъ по чисто психологическимъ соображеніямъ: пребываніе подъ стражей и связанная съ нимъ необходимость подчиненія тягостному режиму; сознаніе запятнанной чести, позора для семьи и родныхъ; мысль о предстоящихъ затрудненіяхъ при веденіи борьбы за существованіе по отбытіи наказанія, и цѣлый десятокъ другихъ, не поддающихся реальному осязанію, нюансовъ сложнаго клубка субъективныхъ настроеній,—таковы основанія, которыя могли бы быть положены въ объясненіе скрытности подсудимаго, упорно занятаго больше собой, чѣмъ дѣломъ, заведеннымъ о немъ въ судѣ. И если обвиняемый (забубенная головушка) веселъ, циниченъ, если онъ сочиняетъ каламбуры, играя роль фигляра въ тускло освѣщенной комнатѣ темницы среди кружка безжизненныхъ сѣрыхъ халатовъ,—кто можетъ удостовѣрить, что творится на душѣ шута? Бьемся объ закладъ, что десять тысячъ кошекъ въ безумномъ шабашѣ скребутъ ее ежечасно!.. Отсюда не слѣдуетъ, что мы изъ уголовного права должны безжалостно убрать психологію, какъ нѣкій подкидышъ. Нѣтъ, совершенно напротивъ: мы настаиваемъ на значеніи огромной важности психологическаго изслѣдованія и преступленія и его субъекта. Г. Дриль („Къ ученію о вѣнненіи“, Юрид. Вѣс., 1879, № 4, стр. 515) склоненъ считать собственно уголовное право „научкой прикладной“, утверждая, что чистая наука, изъ которой она почерпаетъ готовыя положенія—это психологія, или наука, изслѣдующая законы сознательной жизни человѣка. Kurella особенно настаиваетъ на знакомствѣ экспертовъ съ криминальною пси-

хологией („Die Grenzen der Zurechnungsfähigkeit u. die Kriminal-Anthropologie“, Halle, 1903, s. 35). Весь вопрос въ способности, при всей трудности психологическаго анализа, схватить истину если не за обѣ руки, то хотя бы за бортъ скюртука. Оттого такъ трудно, такъ отвѣтственна роль криминалиста... Послѣ общаго опредѣленія понятія нравственнаго помѣшательства да позволено будетъ намъ перейти къ разсмотрѣнію теоретическаго смысла, лежащаго въ основаніи этого оригинальнаго термина. Нравственное помѣшательство, очевидно, предполагаетъ собой соединеніе двухъ факторовъ,—нравственности и безумія. Но, откровенно говоря, не имѣя сколько-нибудь опредѣленнаго представленія ни о морали, ни о помѣшательствѣ, мы должны отказаться отъ точнаго выясненія самого термина нравственнаго помѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, чтó такое нравственность? Попробуйте опросить тысячу людей, и Вы получите тысячу отвѣтовъ. Не даромъ Näcke въ своей статьѣ „Drei kriminal-anthropologische Themen“ замѣчаетъ, что уже на вопросъ, чтó собственно есть нравственность, мы пасуемъ („Hier schon stehen wir still“). Одинъ полагаетъ нравственность въ религіи, другой въ обычаѣ, третій въ полезномъ. Даже у одного и того же лица опредѣленіе нравственности иногда колеблется (Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik, 1901, 6 Band, s. 267). Кто станетъ утверждать, что у насъ имѣется какой либо научный масштабъ для измѣренія понятія морали, этой, такъ часто неуловимой, категоріи? Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о душевномъ здоровьѣ и душевной болѣзни, открывается широкое поле для субъективныхъ (произвольныхъ) сужденій. И это правильно удостовѣряетъ тотъ же Näcke, трактующъ въ другомъ мѣстѣ проблему о нравственномъ помѣшательствѣ („Zur Frage der sogenannten moral insanity“, Neurologisches Centralblatt, 1896, 15 Jahrgang, № 11, s. 487). Авторъ доказываетъ—и это вполне понятно—что установленіе степени интеллигентности („Feststellung des Grades der Intelligenz“) не имѣетъ за собой какого-нибудь прочнаго критерія, открывая субъективизму большое поле произвола. Мы касались этого вопроса выше (стр. 48, 52), и нѣтъ надобности возвращаться снова къ тому же объекту. Стало быть, понятіе нравственнаго помѣшательства чуждо наукѣ, такъ какъ оно состоитъ изъ двухъ неизвѣстныхъ величинъ, не поддающихся точному изслѣдованію. Этого мало. Какъ можно вообще говорить о такомъ помѣшательствѣ, которое, не касаясь мозговыхъ центровъ, исключительно поражаетъ нравственное чувство? Какое имѣемъ мы право отдѣлять умственную сферу отъ нравственной, подчиняя одну другой? Что даетъ намъ основаніе предполагать, что интеллектъ—что-нибудь одно, а мораль—нѣчто другое? Гдѣ лежитъ граница этихъ двухъ мнимыхъ плоскостей? На этотъ вопросъ, принимая во вниманіе современное состояніе нашихъ знаній о психическихъ феноменахъ, Вамъ не отвѣтитъ ни одинъ ученый. Единственно чтó можно утверждать съ нѣкоторой вѣроятностью, такъ это то, что мозговые центры служатъ мѣстопробываніемъ какого-то сложнаго пучка нервовъ, гдѣ таится загадка генезиса

морального и интеллектуального сознания. „Hirnanlage“ Glaser придает огромное значение, как категории, от которой зависит образование основных черт человеческого характера („Zurechnungsfähigkeit, Willensfreiheit, Gewissen und Strafe“, Leipzig-Wien, 1887, s. 31). Еще бы! Кому неизвестно, сколько фатальных ошибок дѣлаетъ человекъ, умственные способности котораго, находясь хотя и дальше черты эмбриональнаго состоянія, все же не достигли еще достаточной зрѣлости, необходимой для самостоятельной жизни, полной на каждомъ шагу и преградъ и сѣтей? Развѣ молодежь не способна, во имя такъ называемой любви, ею лишь инстинктивно воспринимаемой, не только на глупости, но и на шаги глубоко трагическаго свойства? Какихъ только промаховъ не дѣлаетъ человекъ въ эпоху своего „метафизическаго“ роста! Такъ или иначе, но по затронутому вопросу дальше указаннаго барьера гадательныхъ предположеній итти нельзя. (Ср. выше стр. 68). Безполезно: темная ночь, царя кругомъ, окутала дорогу. Ни зги не видать. Опасность смотреть въ глаза, ехидно улыбаясь. (Вспомните про бѣдняжку Ницше!)... И если Bleuler („Der geborene Verbrecher“, München, 1896, s. 21) говоритъ объ *особыхъ* функцияхъ мозговой коры, которыя, въ своей совокупности опредѣляя характеръ и нравственность лица, могутъ въ силу врожденнаго или приобретеннаго недостатка мозговой организаціи страдать дефектомъ въ состояніи *изолированномъ*,—то развѣ не ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недопустимой добрыми научными традиціями тенденціей, произвольной и голословной? Помѣшательство, такимъ образомъ, вообще есть функція мозговой аномаліи и нѣтъ, видимо, такого состоянія безумія, которое не поражало бы умственныхъ центровъ. При этомъ сознание нравственной ответственности въ большей или меньшей степени можетъ быть заглушено, атрофировано,—спору нѣтъ, но отсюда еще цѣлый океанъ серьезныхъ сомнѣній отдѣляетъ отъ насъ область т. наз. нравственнаго помѣшательства. Минцловъ въ своей ст. „Особенности класса преступниковъ“ (Юрид. Вѣстникъ, 1881, X, 230) замѣчаетъ: „Инстинктивныя и нравственныя способности у больныхъ и привычныхъ (по ремеслу) преступниковъ такъ слабы, что ихъ стремленія къ совершенію преступленій часто дѣлаются неотвратимыми, что доказываетъ у нихъ совершенное отсутствіе нравственнаго чувства“. Мы утверждаемъ: привычный преступникъ можетъ быть нравственно тупымъ. *Consuetudo delinquendi*, безшабашная и развратная среда, которой чужды благопристойность и религіозное чувство, алкоголь, патологическая наслѣдственность, неопредѣленность и неизвѣстность положенія съ его вѣчнымъ „je t'en fiche“—все это вмѣстѣ, сдружившись тайно, живетъ по-братски, создавая субъектовъ, не только не приспособленныхъ къ одолженію тяжелой борьбы за существованіе въ нашихъ крупныхъ городахъ съ ихъ страшной конкуренціей, но людей безстыдныхъ, циничныхъ, животно-тупыхъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся ради легкой наживы. Однако нѣтъ вѣскихъ основаній говорить о врожденномъ нравственномъ идио-

тизмъ. Правда, безразличная тупость обуславливаетъ инстинктивный, или импульсивный колоритъ дѣянья. Пусть, мы согласны, профессиональные злоумышленники, не имѣя возможности преодолѣть влеченья къ преступленю, приводятъ намѣреніе въ исполненіе безсознательно, безконтрольно, но такого рода утвержденьемъ криминальная антропология сѣчетъ вѣдь самоё себя. Во-первыхъ, какой именно признакъ служить гарантіей того, что въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣется на лицо патологическая страсть, которую субъектъ безсилень побѣдить разсудкомъ, а не явленье, какъ резульатъ свободного выбора воли? Тутъ снова подходимъ мы къ предѣльной чертѣ познанья въ психологии. По мнѣнію Moritz-a Drobisch существуютъ постоянныя (constante) и переменныя (variable) условія, которыя въ каждомъ данномъ случаѣ изъ наличнаго числа предрасположеній становятся мотивомъ поступка. Первые факторы авторъ относитъ на счетъ личныхъ свойствъ субъекта, вторые питаются переживаніями человѣка, его сношеніемъ съ другими людьми и т. д. („Die moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit“, Lpz, 1867, s. 105). Предоставляемъ Вамъ судить, разрѣшилъ ли проблему Drobisch... Berze въ своей статьѣ „Unbewusste Bewegungen und Strafrecht“ выясняетъ крайнюю трудность опредѣленія границъ сознательнаго и безсознательнаго въ уголовномъ правѣ (Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik, I B, 1899, s. 104). Да иначе и быть не можетъ, когда идетъ рѣчь о скрытомъ движеніи души... Во-вторыхъ, импульсивность, какъ главный рычагъ дѣянья, переноситъ объектъ изслѣдованія изъ предѣловъ криминалистики въ область общей патологіи. Да, больные люди, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, могутъ, какъ и законченнѣе преступники, оказаться въ отношеніи нравственномъ и безразличными и апатичными. Ludwig Kirm, напр., видитъ проявленія т. наз. нравственнаго идиотизма въ маниакальной экзальтаціи, когда субъектъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, ощущаетъ непреодолимую потребность въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ, потребленіи алкоголя, эксцессахъ въ половой любви, не брезгая преступленіемъ въ видахъ утоленія своей болѣзненной жажды (См. „Die periodischen Psychosen“, Stuttgart, 1878, s. 33). Развѣ не былъ нравственно-тупъ этотъ жалкій отецъ семейства, который послѣ поджога самъ явился съ повинной въ волость? („Gerichtlich psychiatrische Gutachten“ aus der Klinik von Herrn Prof. Forel in Zürich, her. von Kölle, Stuttgart, 1896, s. 234). Просто ли сумасшедшій, или нравственно-помѣшанный дворянинъ Шебалинъ, убившій председателя Вятской Губернской Земской Управы Батуева?—„Вы слишкомъ мелко плачете; отъ вашего убійства не было бы столько шума, какъ отъ убійства Предсѣдателя Управы“, такъ возразилъ Шебалинъ полиціймейстеру, который, въ театрѣ назвавъ Шебалина сумасшедшимъ, интересовался узнать, почему онъ не былъ убитъ имъ, Шебалинымъ, за такое оскорбленіе? (Бехтеревъ, „Невропатическія и психіатрическія наблюденія“, С.П.Т., 1900, стр. 67 и сл.). Но какая разница между больнымъ и преступникомъ! Послѣднему не только чуждо раскаяніе, но онъ не-

редко съ поразительнымъ хладнокровіемъ въ теченіе продолжительнаго времени готовится къ роковому шагу, съ большимъ знаніемъ дѣла обдумывая каждый штрихъ, каждое движеніе. Первый, предчувствуя фатальное приближеніе неудержимой силы, ея потенциальное нарастаніе, мечется въ безпокойствѣ, стараясь отогнать отъ себя болѣзненное влеченіе, это дьявольское наводненіе. Когда патологическій импульсъ во всей своей мощи достигаетъ апогея, дѣяніе въ состояніи безсознательномъ совершается, и невольный преступникъ, измученный, съ холоднымъ потомъ на лбу, съ безумнымъ выраженіемъ глазъ спѣшитъ съ объявленіемъ вины передъ властями... Одинъ кладетъ въ основу своего постыднаго поступка извѣстный интересъ, другой не только не заинтересованъ въ совершеніи преступления, но и не хочетъ его. Одинъ упорно старается скрыть свои слѣды, другой предается въ руки чиновъ немедленно и добровольно. Д-ръ Шейнисъ въ своей статьѣ „Биологическіе и соціальные факторы преступности“ („Міръ Божій“, IV, 1903, 181—82) гов.: „Большей частью такіа преступныя дѣйствія на психопатической почвѣ не трудно отличить отъ настоящихъ преступленій по самой ихъ безцѣльности: преступникъ совершаетъ преступленіе для достиженія какой-нибудь цѣли, тогда какъ для психопата преступное дѣяніе является не средствомъ, а самодовлѣющей цѣлью. Клептоманъ крадетъ не для того, чтобы извлечь какую-нибудь выгоду изъ украденнаго: онъ просто собираетъ цѣлыя коллекціи вещей, иной разъ лишенныхъ всякой цѣнности, и нисколько не помышляя о томъ, чтобы какъ-нибудь утилизировать ихъ; пироманъ поджигаетъ дома, не руководимый при этомъ никакими враждебными чувствами къ ихъ хозяевамъ и пр.“ Въ своей ст. „De la criminalité et de la dégénérescence“ Marandon de Montyel замѣчаетъ: „Въ противовѣсъ преступнику, который всегда дѣйствуетъ въ корыстныхъ видахъ (dans un but intéressé), постоянно находясь подъ вліяніемъ психологическаго мотива—ненависти, мщенія, жадности—и который для достиженія намѣченнаго плана часто долженъ прибѣгнуть къ насилію,—нравственно-помѣшанный дѣлаетъ зло ради одного удовольствія дѣлать зло, если можно такъ выразиться,—въ качествѣ дилетанта; онъ всегда будетъ имѣть возможность удовлетворить свою страсть, не считая себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ преступленію, къ убійству или поджогу. Если же онъ совершаетъ такіа дѣянія, значить къ его нравственной испорченности присоединяется опредѣленное влеченіе; безъ сомнѣнья, множество поступковъ нравственно-помѣшанныхъ съ перваго взгляда могутъ показаться преступными, но проанализируйте глубже состояніе умственныхъ способностей, и Вы натолкнетесь на осложненія“ (Archives d'anthrop. crim., 1892, t. 7, p. 289). Въ pendant къ этому общему замѣчанію Marandon въ той же статьѣ (p. 281) рисуетъ психологическую картину переживаній больного челоука, крестьянина-пиромана, который, присутствуя на пожарѣ, черезъ нѣсколько дней почувствовалъ неудержимое влеченіе къ поджогу. „Наступила ночь; больной, послѣ нѣкотораго колебанія, прокрался на

гумно. Тутъ на умъ приходитъ ему мысль, что свѣча потухнетъ, если онъ опуститъ ее, и что возможность поджога будетъ устранена. Такъ онъ и сдѣлалъ, но, къ несчастью, свѣча не потухла. Тогда, несмотря на послѣднее, рѣшительное сопротивленіе, онъ долженъ былъ нагнуться, поднять ее и поставить въ самую гущу стога. Эта хитрость во всей своей простотѣ, не взирая на то, что она вовсе не удалась, не говорить ли краснорѣчивѣе самыхъ прекрасныхъ трактатовъ? “Право же, когда разсуждаютъ о субъектѣ, у котораго совершенно атрофировано нравственное чувство, нерѣдко наталкиваешься на экземпляръ, которому мѣсто въ больницѣ для умалишенныхъ. Прочтите у Sander-a и Richter-a („Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen“, Berlin, 1886, s.s. 8, 9) поистинѣ потрясающее, несмотря на всю свою простоту, признаніе Hermann-a Greiner, убившаго ударомъ топора свою мать, и Вамъ понятна станетъ наша мысль. Отъ наивнаго разсказа этого несчастнаго безумца вѣетъ ледянымъ холодомъ страшнаго кошмара. Повѣствованія этого нельзя читать безъ ужаса и содроганія. Да, Грейнеръ лишенъ былъ сознанія нравственной отвѣтственности, но у него вообще атрофированы были всѣ чувства. Это—идіотъ въ подлинномъ смыслѣ слова, и идіота въ немъ признаетъ не только врачъ-специалистъ, но и всякій нормальный человѣкъ. Словомъ, гдѣ кончается помѣшательство, какъ разстройство ординарныхъ функцій ума, и гдѣ начинается т. назыв. нравственное помѣшательство, мы знать не можемъ. Вполнѣ понятно, почему проф. Kirn такъ настойчиво вооружается противъ допущенія понятія нравственнаго помѣшательства съ самодовлѣющимъ значеніемъ.—“Что развѣ понимаемъ мы подъ нравственнымъ помѣшательствомъ? Это—состояніе психической немощи („Abschwächung“), поражающей болѣе моральные, чѣмъ интеллектуальные центры и безъ труда, инстинктивно толкающей субъектовъ, совершенно лишенныхъ развитого нравственнаго сознанія, на безнравственныя дѣянія. Такое состояніе представляется или врожденнымъ въ связи, какъ это часто бываетъ, съ другими проявленіями недостаточнаго развитія, или благопріобрѣтеннымъ, находясь въ зависимости отъ эпилептическихъ, истерическихъ, паралитическихъ или алкоголическихъ психозовъ. Стало быть, въ дѣйствительности не можетъ быть рѣчи о самостоятельныхъ формахъ болѣзни, но лишь о симптоматическомъ комплексѣ, который генетически долженъ быть отнесенъ на счетъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Нѣтъ нравственнаго помѣшательства съ самодовлѣющимъ значеніемъ! Въ тюремныхъ учрежденіяхъ Вы, конечно, встрѣтите извѣстное (хотя и не очень большое) число заключенныхъ съ признаками нравственной немощи, или помѣшательства. На такихъ людей надо смотрѣть, какъ на инвалидовъ психоза. Въ такомъ направленіи ихъ и лѣчать. Но отъ этихъ послѣднихъ строго должно отличать большую часть преступниковъ, хотя бы они, что касается душевной жизни, обнаруживали аналогичные болѣзненные симптомы. Пусть крайне существенное отличіе между преступными идіо-

тами и помѣшанными преступниками въ отдѣльныхъ случаяхъ наталкивается на большія трудности, тѣмъ не менѣе оно въ принципѣ по возможности строго должно быть выдержано“ („Cesare Lombroso's Verbrecher-Anthropologie“, Blätter für Gefängnisskunde, 24 Band, Heidelberg, 1889, s. s. 56—57). Tiling въ своей статьѣ о нравственномъ помѣшательствѣ говоритъ:—„Вѣдь споръ о сущности нравственнаго помѣшательства вертится собственно на отношеніи интеллекта и души, темперамента съ его склонностями, влеченіями и пр. Эти двѣ функціи находятся между собой въ отношеніи координаціи, или одна изъ нихъ подчинена другой? Лишь послѣ рѣшенія этого вопроса представится возможность съ большимъ успѣхомъ коснуться изслѣдованія дальнѣйшихъ патологическихъ явленій“ (Allg. Zeitschrift für Psychiatrie, 57 B., 1900, s. 207). Но какъ прикажете разрѣшить такой вопросъ, который намъ не подѣ силу? Этой непроницаемой мглой объясняется шаткость самого термина нравственнаго помѣшательства въ литературѣ: нѣмцы, напр., одинаково говорятъ: *moralischer Schwachsinn* или *Blödsinn*, *moralisches Irresein*, *moralische Idiotie*. Что касается сущности нравственнаго помѣшательства, Вы и здѣсь натолкнетесь на пестроту мнѣній. Одни (напр. Morel: „*Traité des maladies mentales*“, Paris, 1860, p. 547) допускаютъ на ряду съ нравственнымъ идиотизмомъ замѣчательныя умственные способности, другіе (напр. Krafft-Ebing: „*Grundzüge der Criminal-Psychologie*“, Stuttgart, 1882, s. 107) приравниваютъ т. наз. нравственно-помѣшаннаго, въ виду необузданности его эгоистическихъ вожделѣній, къ дикарю. Въ этиологіи болѣзни опять взгляды расходятся. Большинство ученыхъ допускаютъ дуалистическую форму—нравственный идиотизмъ прирожденный и приобретенный впослѣдствіи, такимъ путемъ въ сущности подкапывая самое основаніе нрав. помѣшательства: а) Krafft-Ebing („*Lehrbuch der Psychiatrie*“, Stuttgart, 1879, II B., s. 64); б) L. Kirn („*Geistesstörung und Verbrechen*“, Heidelberg, 1892, s. 19); в) Sveltin („*Ueber moral insanity*“, Wiener medicinische Presse, 39 Jahrgang, 1898, № 7, s. 269); д) Sommer („*Beiträge zur Kenntniss der kriminellen Irren*“, Allg. Zeitschr. für Psych., 40 B., 1884, s. 122). Зоммеръ гов. о травматическомъ нравственномъ помѣшательствѣ. Schüle („*Handbuch der Geisteskrankheiten*“, Leipzig, 1878, s. 51) также знаетъ два вида нравственнаго помѣшательства (Schüle—извѣстный идеологъ *moral insanity*). Sommer, допуская существованіе нравственно-помѣшанныхъ субъектовъ отъ рожденія, совѣтуетъ руководствоваться при діагнозѣ болѣзни не столько морфологическими аномаліями, сколько психологическимъ анализомъ каждаго конкретнаго случая (Allg. Zeitschr. für Psych., 51 B., 1895, s. 784, въ докладѣ „*Die Criminalpsychologie*“). Но возваніе къ психологіи нерѣдко то же, что мольба о спасеніи, обращенная къ молчаливому идолу... Вся эта неразбериха, весь этотъ хаосъ естественно ведутъ къ крайней непопулярности нравственнаго помѣшательства въ психиатрической наукѣ: Krafft-Ebing („*Grundzüge der Criminal-Psychologie*“, op. cit., s. 112) рѣшительно заявляетъ, что нравственное помѣшательство,

какъ исключительно этическая аномалія внѣ допущенія разстройствъ интеллекта не существуетъ, въ другой работѣ („Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie“, Stuttgart, 1881, s. 242) указывая, что нравственное помѣшательство не есть специфическая форма душевной болѣзни, а своеобразный процессъ вырожденія на психической почвѣ („ein eigenenthümlicher Entartungsvorgang auf psychischem Gebiet“). D-r Koch въ своей работѣ „Abnorme Charaktere“ (5 Heft der Grenzfragen des Nerven-und Seelenlebens, Wiesbaden, 1900, s. 188), понимая подъ ненормальнымъ характеромъ родъ психопатической невмѣняемости, категорически утверждаетъ, что вырожденіе не можетъ проявляться въ формѣ патологическаго состоянія исключительно лишь на сторонѣ одной области душевной жизни человѣка (интеллекта или нравственности). „Dies muss immer festgehalten werden. Etwas Derartiges kommt nicht vor“. Mönkenmöller („Psychiatrisches aus der Zwangserziehungs-Anstalt“, Allg. Zeitschr. für Psych., 56 B., 1899, s. 42) не видѣлъ нравственно-помѣшанныхъ дѣтей, которые не страдали бы психической болѣзnią. Въ томъ же смыслѣ высказывается д-ръ мед. Шиллингъ:— „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при страданіяхъ души, поражаются также и высшія, т. е. этическія или нравственныя чувства человѣка, и даже иногда они совершенно, повидимому, уничтожаются. Слѣдствіемъ этого бываетъ часто совершенное помраченіе совѣсти и связанное съ этимъ затмѣніе понятій о нравственности“ („Преступленіе и душевное разстройство передъ судомъ“, пер. Циммермана, С.П.Т., 1884, стр. 277). Alzheimer также связываетъ расплывчатость и неустойчивость нравственныхъ понятій преступника съ врожденнымъ разстройствомъ мозговыхъ функций (Archiv für Psychiatrie u. Nervenkrankheiten, 28 B., 2 Heft: „Ein geborener Verbrecher“, 1896, s. 352). Ed. von Hoffmann („Lehrbuch der gerichtlichen Medicin“, Berlin-Wien, 1899, s. 943) замѣчаетъ, что о нравственномъ помѣшательствѣ можетъ быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, когда при наличности преступныхъ дѣйствій нравственная нечувствительность сводится къ патологической причинѣ, иначе сказать—къ болѣзненной (fehlerhafte) психической организаціи. Проф. Mendel, безусловно не допуская предположенія о существованіи особой формы мозговой дѣятельности, символизирующей нравственность, видитъ генезисъ безнравственныхъ дѣяній частью въ параноическихъ состояніяхъ, нравственное же помѣшательство, главнымъ образомъ, является продуктомъ психическаго недомоганія (Imbecillitas) (Allg. Zeitschrift für Psychiatrie, 51 B., 1895, s. 802). Max Leidesdorf не знаетъ помѣшательства въ первоначальной стадіи безъ Тobsucht („Lehrbuch der psychischen Krankheiten“, Erlangen, 1865, s. 199). Griesinger („Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten“, 2 Aufl., Stuttgart, 1867, § 140—s. 305) не только не признаетъ нравственнаго помѣшательства, но утверждаетъ, что доктрина это выдвинута Пинелемъ „zum Unglück der Wissenschaft“. Это не совсѣмъ такъ. Правда, Пинель энергично настаивалъ на mania sine delirio (см. Pinel: „Медико-философское ученіе о душевныхъ болѣзняхъ“, подъ ред. проф. Ковалевскаго, С.П.Т., 1899, стр. 78-79),

но Пинель въ этомъ направленіи не былъ новаторомъ. Мы выше говорили, что уже Gall-у знакома была „aliénation partielle“. Классическимъ же пионеромъ нравственнаго помѣшательства является Prichard, который далъ ему слѣдующее фатальное опредѣленіе: „Moral insanity or madness, consisting in a morbid perversion of the natural feelings, affections, inclinations, temper, habits, moral dispositions an natural impulses, without any remarkable disorder or defect of the intellectual knowing and reasoning faculties, and particularly without any insane illusion or hallucination“ („Treatise on insanity“, London, 1835, 6). Prichard, когда въ крупныхъ центрахъ Европы началъ появляться изысканно-одѣтый джентльменъ по имени Капитализмъ, не могъ не замѣтить субъектовъ, тупой эгоизмъ и инстинктивно-болѣзненная развращенность которыхъ бросалась всѣмъ въ глаза. Оттого онъ и трактовалъ о „morbid perversion“. Развѣ кто сомнѣвается въ существованіи людей, которые, не желая или не имѣя уже возможности приспособиться къ извѣстному социальному минимуму, предпочитаютъ жить вольготно на чужой счетъ путемъ отталкивающихъ своей безсмысленной жестокостью преступленій? Капиталъ въ своей ежедневной хроникѣ гордится сотнями блестящихъ завоеваній въ области матеріальнаго благосостоянія, въ то же время опустошая душу, безжалостно изгоняя изъ нея чистоту и благородство. Вы помните, Marx говорилъ о „Bestialisierung“ („Kapital“, I, s. 671). Однако, мы не имѣемъ права, въ виду несовершенства такихъ наукъ, какъ психіатрія и психопатологія, настаивать на жизненности принципа т. наз. нравственнаго помѣшательства, какъ формы безумія *sui generis*. Нравственное помѣшательство имѣетъ такія же права на научное признаніе, какъ воплощенный въ реальной дѣйствительности идеалъ нравственности. Вѣрнѣе—нѣтъ ни того, ни другого. Нынѣ на тенденціи Prichard-а и Pinel-а слѣдуетъ смотрѣть, какъ на анахронизмы. Нельзя убаюкивать науку явно вздорными побасенками. Наука не можетъ питаться безсмысленной перетасовкой мнимыхъ величинъ. Отъ такой пищи она захвораетъ, начнетъ чахнуть. Нѣтъ нравственнаго помѣшательства, его не докажешь какимъ либо солиднымъ аргументомъ. Что можемъ мы опредѣленнаго знать о нравственности или безнравственности, когда въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ находится въ тѣснѣйшей связи съ темпераментомъ, обычаями, традиціями, интеллектуальнымъ уровнемъ конкретной социальной группы и цѣлаго десятка другихъ, едва замѣтныхъ, наслоеній. Очень хорошо поэтому поступилъ Kurella, называя парадоксальнымъ самый терминъ нравственнаго помѣшательства („Cesare Lombroso und die Naturgeschichte des Verbrechers“, Hamburg, 1892, s. 35). Наука однако живетъ не парадоксами, а ортодоксами, вѣрными ея лучшимъ завѣтамъ. Какъ мы видѣли выше, Ломброзо съ олимпійскимъ самомиѣніемъ заявляетъ о своемъ убѣжденіи въ томъ, что всѣ урожденные преступники—эпилептики, не думая однако, чтобы всѣ эпилептики были урожденными преступниками. Что это софизмъ, достойный игриваго права 20-лѣтняго юноши, умъ котораго не

может обходиться без мудреных и курьезных сопоставлений в суждениях? Нѣтъ сомнѣнья, что эпилептикъ, какъ и всякій больной человекъ, страдающій серьезнымъ поврежденіемъ умственныхъ и нервныхъ центровъ, можетъ совершить запрещенное закономъ подѣломъ наказанія дѣянье. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что всякій закоренѣлый рецидивистъ непременно долженъ быть эпилептикомъ?—Конечно нѣтъ, ибо утверждать иначе, значило бы въ неправильно построенномъ силлогизмѣ во имя узкой тенденціозности беспорядочно смѣшать воедино субъектъ-объектъ. (Эпилептики часто приходятъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ; всѣ преступники—эпилептики. Женщины часто лгутъ; всякій кто лжетъ—женщина). Правда, Ломброзо нашелъ у эпилептиковъ, какъ и у профессиональныхъ злоумышленниковъ, въ размѣрѣ 16% *fossa occipitalem medianam*. Но кто этому, какъ мы уже указывали, случайному признаку станетъ придавать серьезное значеніе? Кто поручится, что затылочная ямка не находится на черепахъ вполне здоровыхъ людей, которые съ большою охотой ежедневно пьютъ, ѣдятъ, отдыхаютъ, смотрятъ зрѣлица, а на лѣтній сезонъ въ прекрасномъ настроеніи разсыпаются по курортамъ, кладя заплату на свое драгоценное здоровье? Не говоримъ уже о томъ, что вопросъ о патологіи эпилепсіи, особенно что касается этиологіи припадковъ, въ современной медицинѣ еще не выясненъ, и это вовсе не секретъ (См. диссертационную работу Краинскаго: „Къ ученію о патологіи эпилепсіи“, Москва, 1896, стр. 4). Правда, Ломброзо навязываетъ привычному преступнику скрытую эпилепсію, но развѣ маэстро, какъ врачъ, не зналъ, что эпилепсію и предрасположеніе къ ней рождаетъ цѣлый десятокъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ злокачественными наследственными тенденціями? D-r Fééré въ этиологіи эпилепсіи („Épilepsie“, Paris, 6. об. года) отмѣчаетъ: травму (р. 110), желудочныя разстройства (р. 108), время прорѣзыванія зубовъ у дѣтей, а у взрослыхъ—періодъ зубной боли (*crise dentaire*, р. 107), хроническія отравленія (р. 100), эпоху половой зрѣлости у дѣвушекъ въ связи съ мѣсячными очищеніями (р. 99) и др. Уже Doussin-Dubreuil („Von der Epilepsie oder fallenden Sucht überhaupt, und besonders derjenigen, die durch moralische Ursachen bestimmt wird“, Mannheim, 1799), категорически удостовѣряя возможность страданья эпилепсіей внѣ всякаго преемства наследственнаго характера (s. 169), указывалъ на многообразіе причинъ, вызывающихъ эту болѣзнь—физическихъ (раны, костныя трещины, переломъ кости, ущемленья, давленіе мозга, беременность, задержка въ мѣсячныхъ очищеніяхъ) и моральныхъ (печаль, гнѣвъ, страхъ). И тѣ и другія причины могутъ быть предрасполагающими и непосредственными (s.s. 32, 33). Эта крайняя сложность зарожденія и питанія болѣзни даетъ намъ право допустить предположеніе, что и тутъ Ломброзо, отправившись по обширному полю научнаго изслѣдованія на поиски типическихъ отношеній, попалъ въ капканъ. Вѣдь если въ безнадежно испорченномъ злоумышленникѣ во что бы то ни стало надо натолкнуться на наличность болѣзненныхъ

аномалій, то почему бы ему быть только эпилептикомъ, а не, скажемъ, идиотомъ-паралитикомъ, который, какъ и всякій помѣшанный, самъ не помня себя, не сознавая безмысленной дикости дѣянья, не слыша безумной мольбы, послѣдняго хрипа своей жертвы, разить безъ жалости?.. Тутъ идиотъ, эпилептикъ, нравственно-помѣшанный, паралитикъ и т. д., взявшись за руки, предстають передъ изслѣдователемъ во всей наготѣ своихъ безобразныхъ патологическихъ эксцессовъ. Каждый стѣбитъ другъ друга, и нѣтъ надобности отдавать предпочтеніе одному въ ущербъ другому. D-r Marie („La démence“, Paris, 1906, p. 292) замѣчаетъ:—„Le malade (dément paralytique) a, pour ainsi dire, plusieurs cervaux disloqués, d'où multiplicité de conceptions indépendantes sans cohésion entre elles et fatalement par suite contradictoires et incohérentes“. Таковъ ихъ общій удѣлъ. Pactet и Colin въ своемъ интересномъ изслѣдованіи „Les aliénés devant la justice“ (6. об. года, p. 23) рассказываютъ о молодомъ человѣкѣ 23 лѣтъ, который какъ-то разъ утромъ, когда въ его комнату вошла за чѣмъ-то его любовница Матильда, набросился на нее и удавилъ. При этомъ замѣтите—никакихъ непріязненныхъ отношеній между молодыми людьми, которые даже мечтали о женитьбѣ, не было; Матильда никогда не подавала поводовъ къ ревности. Когда спросили убійцу о мотивахъ совершеннаго имъ дѣянья, онъ не могъ дать объясненій, сославшись на то, что самъ не знаетъ, какъ это могло все случиться... О вѣнненіи такому субъекту въ вину преступленія не можетъ быть и рѣчи (95—96 ст. Ул. о нак., 64 art. Code pénal и т. д.). При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что со стороны преступника возможна симуляція эпилепси, какъ и всякой другой болѣзни, въ видахъ улучшенія тягостнаго положенія. Въ медицинской литературѣ допускается возможность симуляціи эпилепси („Le monde médical“, № 328, 1908, décembre, p. 1060). Какъ при такихъ условіяхъ Ломброзо, съ юныхъ лѣтъ занимавшійся научными изслѣдованіями, могъ притти къ какимъ либо опредѣленнымъ заключеніямъ, гордясь широкими обобщеніями,—знаетъ онъ одинъ. Дѣло это его совѣсти. Единственно здоровое зерно уголовной антропологии слѣдуетъ видѣть въ ея указаніи на наличность фатальнаго предрасположенія къ совершенію преступленій у нѣкоторыхъ субъектовъ, которымъ это болѣзненное влеченіе свойственно въ болѣшей мѣрѣ, нежели другимъ лицамъ. Отсюда еще тысячи льѣ до такъ называемаго урожденнаго преступника хотя бы потому, что одно предрасположеніе весьма не достаточно, какъ такое скрытое для эмпирическаго изслѣдованія явленіе, которое можетъ и не выступить наружу, не реализовать себя въ какомъ либо внѣшнемъ, доступномъ для нашихъ чувствъ и ощущеній, актѣ. Пояснимъ наше соображеніе примѣромъ: передъ Вами субъектъ А, невропатъ, съ микро- или макроцефаліей, лицевой асиметріей, оттопыренными ушами, тяжелымъ взглядомъ, густой шевелюрой, выдающимися скулами, объемистой нижней челюстью и т. д. Въ минуту, роковую для этого человѣка, онъ совершаетъ тяжкое преступленіе. Если Вы влюблены безумно въ ученіе и идею

криминальной антропологии, ашплодирую ея вдохновителямъ за цѣнныя услуги, оказанныя наукѣ уголовного права освѣщеніемъ такой отвратительной загадки, какъ закоренѣлый преступникъ,—Вы съ восторгомъ прибавите еще одинъ крестикъ къ коллекціи урожденныхъ злоумышленниковъ, тщательно Вами собираемой. Если Вы на первомъ планѣ, отрѣшившись отъ какихъ бы то ни было вліяній и настроеній, приходящихъ извнѣ, серьезно ищите истины, равнодушно относясь къ заманчивымъ обѣщаніямъ прекрасныхъ рыцарей съ передовыхъ постовъ научныхъ лагерей, Вы не можете не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Какъ же такъ? Почему же по сію пору А, урожденный яко бы злодѣй, имѣющій на себѣ явные признаки атавизма, быть можетъ даже страдающій эпилепсіей, нравственно-помѣшанный, не совершилъ дѣянья, ему инкриминируемаго? Предрасположеніе было на лицо. Чего же не хватало?—Случая (отвѣтъ ясенъ). Не хватало определенной конъюнктуры социальныхъ феноменовъ.—„Допустимъ, гов. Моритцъ Бенедиктъ, нѣкто въ 30 лѣтъ, имѣя на себѣ признаки вырожденія, совершаетъ убійство. Но эти же признаки были и раньше, мы должны ихъ діагностицировать и до совершенія дѣянія! Человѣкъ вѣдь можетъ умереть и до приведенія въ исполненіе преступнаго дѣйствія, къ которому онъ предрасположенъ. Стало быть, атипія и аномалія указываютъ лишь на предрасположеніе, а не на абсолютное принужденіе. Для приведенія расположенія въ фактическое осуществленіе („zur factischen Geltung“) требуются всегда случаи и социальные факторы“ („Biologie und Kriminalistik“, Zeitschrift für die ges. Strafrechtswiss, 7 B., 1887, s. 499). Увы—общественная жизнь слишкомъ сложна и запутана. Очень рѣдко—и то съ колоссальной трудностью—удаается учесть социальное явленіе, выяснить его философское обоснованіе. Впрочемъ, если Вы не ищите точности, удовлетворяясь жиденъкимъ релятивизмомъ на всѣхъ пунктахъ своихъ позицій, Ваше положеніе не только не можетъ быть названо критическимъ или прискорбнымъ, но совершенно напротивъ—съ здоровымъ цвѣтомъ лица, въ прекрасномъ расположеніи духа Вы, когда будетъ надобность, болѣе или менѣе небрежно сошлетесь на благодѣтельное вліяніе воспитательныхъ мѣръ: на патронатъ и досрочное освобожденіе, общедоступныя чтенія въ исправительныхъ заведеніяхъ и т. д. Но, требуя отъ науки рѣшительнаго отвѣта на волнующіе Васъ вопросы, будьте осторожны: при своемъ упорномъ молчаньи она къ тому же еще лукава—заведетъ Васъ въ густыя дебри своихъ владѣній и оставитъ одного съ клочкомъ неба, миллиономъ деревьевъ передъ глазами и Фаустомъ на умѣ... Что касается въ частности социальныхъ наукъ, то, принимая во вниманіе огромное поле ихъ наблюденія, необходимо признать, что онѣ вмѣсто утѣшенія нерѣдко даютъ минуты тягостнаго томленія по истинѣ. Въ жадныхъ поискахъ причинности и сущности явленій, Вы часто будете наталкиваться на холодный камень разочарованья. Приводимъ доподлинно золотыя слова Bréusig-a: „Jede Kausalität ist bei der Kurzsichtigkeit menschlicher Forschung und

der ungeheueren Kompliziertheit des Geschehens an sich ein Wagniss, denn noch nie ist ein wirklicher Ursachenzusammenhang nachgewiesen“ (Kurt Breysig, „Kulturgeschichte der Neuzeit“, I Teil, Berlin, 1900, s. 241). Вотъ почему, отвергая научное значеніе біолого-патологическихъ тенденцій въ криминалистикѣ Ломброзо, мы не можемъ причалить и къ пристани социально-экономическихъ факторовъ, которые яко бы даютъ исчерпывающее объясненіе этиологіи преступленія. И въ грубомъ невѣжествѣ скитаемся мы по безмѣрному морю сомнѣній въ поискахъ клочка твердой земли. Горизонтъ заслоненъ свинцовой игрой однообразно-скучныхъ волнъ, душа томится безпокойствомъ: страшно дѣлается при мысли быть залитымъ шкваломъ, небо вдали хранитъ хмурое молчанье, и лишь двѣ-три чайки, радуясь зловѣщему шуму стихіи, ныряя въ ея холодныхъ объятыхъ, своей задорной смѣлостью ласкаютъ надежду на избавленіе отъ тупика печальной неизвѣстности. Уста слагаются въ благоговѣйную молитву, которую такъ прекрасно намѣтилъ поэтъ:

— „Ouvrez-moi, Seigneur, votre voie,
Éclairez-y mon âme lasse,
Car la tristesse de ma joie
Semble de l'herbe sous la glace“...

Алфавитный указатель авторовъ.

А.

Achelis	100, 101	Aschaffenburg.	53
Albert (Paul)	137	Attomyr.	68
Alzheimer	150	Aubry	75
Анучинъ	66	Augustin (S-t)	129
Arndt	51, 142		

В.

Baer	55, 78, 88, 119	Binswanger	71
Bain	74, 81	Bischoff.	68, 84
Barth (Paul)	109	Bleuler	145
Barthélémy	9	Blond (Le-et Lucas)	119
Bastian	105, 114	Boivin	60
Batu (Louis)	118	Bon (Gustave Le)	138
Бехтеревъ	73, 146	Bos (L'abbé du)	138
Benedikt	67, 82, 83, 154	БОТКИНЪ	85
Bentivegni.	72	Bourdon.	83
Bérard	126	Bramwell (Byron)	72
Berze	146	Breysig (Kurt)	155
Beuve (S-t)	130	Broussais	82
Bing	68	Buchholz	82

С.

Calker (Fritz van)	121	Casper	32
Camper	49	Christophe (Moreau)	136
Carus.	50	Comte (Aug.).	129

Д.

Dallemagne	67	Достоевскій	33—34
Debière	56, 64	Doussin-Dubreuil.	152
Dernburg	6	Дриль.	19, 115, 143
Dix	134	Drobisch	146
Дорошевичъ	34	Dubois	137
Dortel	76	Duchatelet (Parent).	94, 135, 136
Dost (Max).	74	Dutoit (Eugénie).	137

E.

Ellis (Havelock)	113	Elsässer	56
Ellis (William)	101	Энгельгардтъ	112

F.

Faggi	134	Forel et Mahaim	84
Féré	53, 152	Foureau	102
Ferrero	105	Fournier	86
Ferri 18, 19, 40, 95, 100, 122, 137		Foville	93
Ferriani	116, 126	Francotte	53
Finger	86	Frank	7
Fleiner	90	Fraenkel	79
Flemming	46	Frégier	135
Flinders	119	Freind	80
Foderé	28, 42	Friedmann	81
Фойницкій	71		

G.

Gall	25—28	Gratry	43
Garofalo	128	Griesinger	150
Gaupp (Robert)	126	Grolmann	7, 13
Gautier	76	Gross (Hans)	116
Geill	119	Grotjahn	78
Geôlard	117	Guder	52, 61
Ginsberg	15	Gudden	61
Glaser	145	Guillot	76, 134
Goldscheider	70	Guyau	10, 114
Gouzer	117		

H.

Haeckel (Ernst)	10	Hettinger	114
Hamel (van)	12	Hippocrate	57
Haussonville	99	Hirsch	52, 54, 62
Haycraft	133	His	130
Haymann	67	Hoche	52
Hecker	81	Hoffmann (Albin)	90
Hegel	129	Hoffmann (Eduard)	150
Henke	11	Howard	11
Henle	94	Huchard	86
Henoch	81	Hurel	104
Herder	129		

I.

Iering	5, 44	Яновскій	91
Ioseph (Max)	87	Юнинъ	112

J.

Jäger	72, 116	Joly	111, 133, 135
Jörg	55	Jullien	87

Ж.

Жакку	79, 88	Жуковскій	79
-----------------	--------	---------------------	----

K.

Kant.	7, 9, 115	Koster	112
Кассовичъ	78	Краепелин	104, 135
Kirn.	146, 148, 149	Krafft-Ebing	47, 74, 80, 149
Knecht	72	Кранскій	152
Ковалевскій	70	Krauss	42, 43
Koch.	68, 150	Kurella	143, 151
Кони.	15	Kustermann (Alois)	89

L.

Lacassagne.	119	Lesser	87
Lallement (Avé).	33	Letourneau.	100, 136
Langer	94	Leube.	68, 85
Lauphs	111	Leubuscher	68, 70
Laurent (Émile) 14, 55, 75, 78, 104, 118, 120, 122		Leuret (et Gratiolet)	69, 83
Lauvergne.	28—31	Löwenfeld	81
Lavater.	22—24	Lombroso 15, 17, 38, 39, 45, 48, 50, 51, 66, 84, 92, 93, 95, 97, 99, 116, 121, 124, 125, 128, 139, 140, 141	
Legrain.	77	Longet	69
Legrand du Saulle	47	Lubbock.	102, 105, 106, 109
Lehmann	28	Lucas (Prosper)	131
Leidesdorf	150		
Lélut.	55		

M.

Mac-Donald	48	Максимовъ	114
Magnan	77	Манувриер	20
Mairet	81	Mantegazza.	24, 65

Marandon	147
Marie	153
Maris	107
Marr	123
Marro	19
Marsden.	101, 106, 108, 110
Marx.	151
Matignon	106
Маудсли	36—37
Maunard	108
Mehring	88
Mendel	77, 81, 150

Merkel	5
Metzger.	53
Мечниковъ.	65
Meuer	71
Meynert.	66
Мицловъ	145
Möbius	51
Montaigne	64
Montésqieu.	130
Morel	35, 58, 149
Морозовъ	84

N.

Набоковъ	3
Näcke	54, 95, 127, 144
Naegele	57
Neugebauer	59

Neumann	14, 59, 87
Niemeyer	80, 89
НИКИТИНЪ	86

O.

Oettingen	96	Olshausen	80	Оршанскій 4, 74, 131
---------------------	----	---------------------	----	----------------------

P.

Pactet et Colin	153
Paladino	131
Périer	57
Перлисъ	60
Perrier	118
Peschel	101
Petzold	10

Pichon	130
Pigorini-Beri	118
Pinel.	150
Prichard	151
Prins	8, 73
Proal.	111
Puchta	11

Q.

Quesnel.	114
------------------	-----

Quetelet	96
--------------------	----

R.

Radiguet	105, 114
Радловъ	21
Ranke	58, 79, 89
Reder	87
Rémond et Lagriffe.	77
Reymond (du Bois).	45

Ribot	132
Richter	62
Riecke	87
Rieger	61, 82
Rousseau	7
Roux.	82, 91, 130, 132

S.

Salleilles.	14	Зибертъ.	85
Sander (u. Richter).	148	Sichart	77
Sauvard.	101	Siemerling	48
Savage	52	Соловьевъ	6
Savigny.	10	Soltmann	57
Scanzoni	60	Sommer.	74, 149
Schauta	61	Сушинскій.	70
Шейнисъ	10, 147	Spencer.	59, 115, 133
Шидловскій	20	Stadelmann	70
Шиллингъ	150	Stein (Ludwig)	96
Schmid	64	Steinmetz	104
Scholz	48	Stieda	66
Schopenhauer	96, 103	Stirner	5
Schroeder	60	Stoss.	8
Schüle	149	Strümpel	85, 90
Сергѣевскій	9	Sully (James).	127
Sernoff	63	Sveltin	149

T.

Taine	101, 113	К. Ф. Толочиновъ	60
Tarde	126, 134	Толочиновъ (junior).	79
Tardieu	46, 47, 48	Тошнаръ	13
Тарновская	19	Tracy (und Stimpfl)	127
Taylor	102	Трайнинъ	13
Thompson	93	Троцанскій	111
Tiling	149		

V.

Virchow.	91	Vogt	79, 95
------------------	----	----------------	--------

W.

Waitz	59, 108, 109, 110, 113	Willemain	138
Weber	57, 96	Windscheid	80
Weeber	59	Владимировъ	9
Welcker.	69	Wolff.	63
Wiecki	6	Воротынскій	14

Z.

Ziehen.	72.	Цицъ	41	Чубинскій	12
-----------------	-----	----------------	----	---------------------	----